

**Шарль
Виктор Ланглуа**

**Последние Капетинги
(1226-1328)**

Шарль Виктор Ланглуа

Последние Капетинги (1226-1328)

«Автор»

2026

Ланглуа Ш.

Последние Капетинги (1226-1328) / Ш. Ланглуа — «Автор»,
2026

Ланглуа представляет век последних Капетингов как решающий этап в становлении современного французского государства. На смену династической, семейной власти приходит концепция государства как наследственной, публичной и суверенной силы. Кризис 1328 года, завершивший книгу, — это не просто случайность престолонаследия, а логическая точка в истории династии, чьи последние представители заложили основы для будущих конфликтов и государственного могущества Франции.

© Ланглуа Ш., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О книге.	5
Книга первая – Политические события с 1226 по 1285 год.	6
I – Малолетство Людовика IX.	6
II – Людовик IX и его окружение[1]	17
III. – Внутренняя политика. Король и нация; 1235-1270 гг.	38
IV. – Внешняя политика: Франция и соседние страны – 1235–1270 гг.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Последние Капетинги (1226-1328)

О книге.

Ланглуа (Langlois) Шарль Виктор (26.5.1863, Руан, – 25.6.1929, Париж), французский историк-медиевист. Член Академии надписей (1917). Профессор истории средних веков и палеографии в Сорбонне, директор Национального архива (с 1912). Основные работы посвящены французскому средневековью, главным образом 13 в., исторической библиографии и методологии истории. В работе «Введение в изучение истории» (русский перевод 1899) Л. совместно с Ш. Сеньобсом изложил правила критики источников, не утратившие значения и поныне. Л. способствовал упорядочению архивного дела во Франции.

Книга Шарля-Виктора Ланглуа «Святой Людовик, Филипп Красивый, последние Капетинги (1226–1328)» представляет собой фундаментальное научное исследование ключевого столетия в истории французской монархии, написанное одним из ведущих французских медиевистов-позитивистов. Входя в многотомную «Историю Франции» под редакцией Эрнеста Лависса, этот труд детально анализирует эпоху от восшествия Людовика IX Святого до смерти Карла IV Красивого, завершившей династию прямых Капетингов. Центральной темой является трансформация королевской власти: от идеала феодальной и христианской монархии при Людовике Святом, чьё правление отмечено моральным авторитетом, судебными реформами и крестовыми походами, к рациональной, централизованной и административной государственности при Филиппе IV Красивом, который, опираясь на легистов, вступил в конфликт с папством, уничтожил орден тамплиеров и утвердил приоритет светской власти. Ланглуа скрупулёзно исследует институциональное развитие: укрепление Парижского парламента, Счётной палаты и королевской администрации, что заложило основы будущего абсолютизма. В книге также освещаются социально-экономические процессы, внешняя политика, отношения с Англией и Фландрией, а также короткие правления последних Капетингов, приведшие к династическому кризису и предвосхитившие Столетнюю войну. Написанная на основе тщательного изучения хроник и документов, работа Ланглуа отличается фактологической насыщенностью, вниманием к правовым и административным механизмам и является классическим, хотя и в некоторых аспектах пересмотренным позднейшей историографией, анализом становления французского национального государства.

Книга первая – Политические события с 1226 по 1285 год.

I – Малолетство Людовика IX.

I. БЛАНКА КАСТИЛЬСКАЯ, ЕЕ ОКРУЖЕНИЕ И ЕЕ ПРОТИВНИКИ.

Неожиданная, подозрительная смерть Людовика VIII открыла во Франции кризис. Наследие ненависти, накопленное Филиппом Августом и Людовиком VIII за тридцать лет завоеваний, обрушилось в ноябре 1226 года на двенадцатилетнего ребенка; и таким образом, Франция и монархия, столь процветавшие в начале XIII века, казалось, в одночасье оказались в опасности.

Людовик VIII на смертном одре объявил, что его преемник, вместе с королевством, и другие его малолетние дети должны до своего совершеннолетия находиться под «опекой» (под охраной) королевы Бланки, его вдовы. Архиепископ Санский, епископы Шартрский и Бове подтвердили это письменно. Это назначение, сделанное *in extremis* в ущерб принцам крови, серьезно не оспаривалось. Публичное право монархии было еще гибким, неоформленным. Враги королевы Бланки, осыпавшие ее оскорблениями, никогда не объединялись, чтобы обвинить ее в узурпации регентства или в незаконном продлении малолетства своего сына. Бароны Франции приняли, *de facto*, не ставя вопроса о праве, то, что королева была поставлена, по воле покойного короля, во главе управления королевством. Так защита капетингских традиций была поручена в трудных обстоятельствах женщине-иностранке.

КОРОЛЕВА БЛАНКА КАСТИЛЬСКАЯ.

Королева Бланка была дочерью Алиеноры Английской и Альфонсо Благородного Кастильского, сестрой Беренгари Леонской, той мужественной принцессы, которая сумела выбраться из водоворота жестоких интриг кастильской знати и сделала из своего сына Фердинанда III короля и святого. Привезенная во Францию двенадцати лет, в 1200 году, она с тех пор никогда не покидала королевство; но она не забыла Испанию: в ее доме всегда были испанские дамы и слуги; она часто получала оттуда известия и отправляла туда послания и подарки. Супруга принца Людовика, она была плодотворной, верной, деятельной женой; когда Людовик, призванный в Англию врагами короля Иоанна, увидел свои дела в опасности, Бланка организовала в Кале флот помощи. Народный рассказчик XIII века, Менестрель из Реймса, приводит по этому поводу анекдот, который, правдивый или ложный, рисует характер, приписываемый современниками невестке Филиппа Августа. Принц Людовик, исчерпав ресурсы, теснимый англичанами, тщетно просил денег у своего отца. «Когда госпожа Бланка узнала об этом, она пришла к королю и сказала ему: Так вы оставите умирать моего господина, вашего сына, на чужбине? Государь, ради Бога, ему надлежит царствовать после вас, пошлите ему то, что ему нужно, и прежде всего доходы с его наследственного удела. Конечно, сказал король, Бланка, я ничего такого не сделаю. Нет, государь? Нет, право же, сказал король. Именем Божьим, сказала госпожа Бланка, я знаю, что я сделаю: у меня есть прекрасные дети от моего господина; я отдам их в залог и найду кого-нибудь, кто даст мне под них взаймы. И она ушла, как безумная; но король велел ее вернуть и сказал ей: Бланка, я дам вам из моей казны сколько вы пожелаете; делайте с этим что хотите; но знайте, по правде, что я ничего ему не пошлю. Государь, ответила госпожа Бланка, хорошо вы говорите. И тогда ей было выдано большое сокровище, которое она отправила своему господину». Вот все, что известно о ней до того момента, когда смерть ее мужа возложила на нее великую ответственность.

ЕЕ СОВЕТНИКИ.

Вокруг нее, чтобы помогать ей, были люди опытные, состарившиеся при дворе Филиппа Августа. Брат Гэрен, рыцарь Госпиталя, один из героев Бувина, ставший епископом Санлиса и канцлером Франции, которого в ноябре 1226 года считали «самой твердой опорой» династии, умер, правда, уже в апреле 1227 года; но другие испытанные слуги могли его заменить. На первом месте – почтенный Бартеlemi де Руа, камергер Франции в течение двадцати лет. Турская хроника говорит, что противники королевства, видя его после смерти короля Людовика управляемым ребенком, женщиной и старцем (Бартеlemi де Руа), сочли его легкой добычей, по известному изречению Овидия:

Tres sumus imbelles numero: sine viribus uxor,

Laërtesque senex Telemachusque puer.

[Нас только трое слабосильных: бессильная жена,

Старец Лаэрт и отрок Телемах.] [1]

Вместе с Бартеlemi в тесный совет королевы Бланки входили члены тех верных семей, происходивших, большей частью, из Иль-де-Франса и Гатинэ, которые, давно привязанные к дому Капетингов, осыпанные им милостями, имели обыкновение поставлять ему великих офицеров, маршалов, бальи и епископов: Монморанси, Монфоры, Бомоны, Валери, Милли, Клеманы, Корню. Готье Корню, архиепископ Санский, был одним из самых деятельных министров королевского двора в период малолетства Людовика IX. Коннетабль Матье де Монморанси, маршал Жан Клеман, сеньор дю Мез, Жан де Бомон и др. считались умелыми воинами.

АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ.

Этот правительственный персонал сразу же был подвергнут испытанию. Действительно, великие вассалы короны, укрощенные, а затем сдерживаемые в почтении в течение предыдущих царствований, охотно взяли бы реванш. Но, насколько королева Бланка была обязана заслугами своего окружения, настолько же в этом случае ей должна была послужить никчемность ее противников. Великие сеньоры Франции были тогда совершенно лишены политического духа и метода. Они ничуть не походили на своих современников, английских баронов времен Иоанна Безземельного и Генриха III. Напротив, с разницей в четыреста лет, есть поразительные сходства между малолетством Людовика IX и малолетством Людовика XIV: блестящая, шумная, беспорядочная оппозиция, в союзе с иностранцами; интриги, кавалькады и песни; ужасающая нищета; и против скалы королевской власти, уже столь твердой, что буре было бы трудно поколебать ее, – ветер Фронды, что веет. [2]

Первым из принцев крови был граф Булонский, Филипп, узаконенный сын Агнессы Меранской и Филиппа Августа. Его звали «Юрппель», Щетинистый, из-за его волос, густых и нечесаных, как у его отца. Он был многим обязан Людовику VIII, который передал ему владения дома Даммартен после осуждения Рено де Даммартена к пожизненному заключению. Он был богат и, как дядя ребенка-короля, потенциальный кандидат на управление королевством. Дом Дрё, восходивший к Людовику VI, был представлен графом Робером III Гатебле де Дрё, его главой, и тремя братьями этого графа: Жаном де Брен, графом де Макон, Анри де Брен, который был казначеем Бове, затем архиепископом Реймса, и, наконец, Пьером, по прозвищу Моклерк, великим человеком семьи. Последний, овдовев после Алисы, наследницы французской Бретани и графства Ричмонд в Англии, с 1221 года имел опеку над этими двумя фьефами от имени своего малолетнего сына, Жана Рыжего; он был высокомерен, задирист и упорен; до сих пор он проводил время, воюя против дикого духовенства и знати Бретани, и против своих соседей из Пуату и Анжу; говорили, что он замуровывал беглецов в освященных местах убежища и закопал заживо священника. Его честолюбие считалось беспредельным: ходили слухи, что Роберт, основатель дома Дрё, был первенцем Людовика Толстого и что его род несправедливо отстранен от трона. Другие принцы капетингского происхождения, из дома Куртене и Гуго IV Бургундский, были еще молоды или не имели веса.

ГЛАВЫ КРУПНЫХ ФЕОДАЛЬНЫХ КНЯЖЕСТВ.

Между Короной и Моклерком, вероятным зачинщиком мятежа, хозяева крупных феодальных княжеств, Фландрии, Шампани, Гиени, Тулузы, казалось, были призваны решить судьбу.

При вступлении на престол Людовика IX супруг Жанны Фландрской, Ферран Португальский, побежденный при Бувине, уже много лет находился в плену в Париже, в замке Лувр. Но поскольку он был шурином королевы Португалии, сестры Бланки, то эта последняя, очень преданная родственница, еще в 1226 году добилась от Людовика VIII того, в чем Филипп Август отказал по просьбе двух пап: обещания освободить его. В январе 1227 года она сама освободила его, по договору, который, впрочем, обеспечивал Короне выкуп и надлежащие гарантии. Граф Ферран и его жена, графиня Жанна, были отныне связаны этим благодеянием.

Граф Шампанский, Тибо IV, нанес Людовику VIII тяжелое оскорбление, когда при осаде Авиньона оставил королевскую армию под предлогом, что его сорокадневная феодальная служба окончена. Что же произошло? Недоброжелательная публика придумала объяснения и украшения: он вступил в сговор с осажденными, он был любовником королевы и т.д. От неожиданной смерти короля заключили об отравлении, и в качестве отравителя указали на Тибо. Согласно Хронике Мускэ, слухи были так сильны, что Бланка сочла нужным запретить графу Шампанскому, который направлялся с великой пышностью на коронацию Людовика IX, въезд в город Реймс. Но если королева и приняла эту суровую меру, то неохотно. Она отнюдь не была невежественна в том, что Тибо, ее троюродный брат, притязал на любовь к ней. Этот могущественный граф, который занимался сочинением стихов и сочинил довольно изящные, без сомнения, думал о матери короля Франции, когда сказал в знаменитой песне:

Cele que j'aime est de tel seignorie

Que sa biautez me fait outrecuidier...

[Та, что любима мной, столь высокородна,

Что красота ее заносит меня...] [3]

Романтическая, безобидная любовь чувствительного молодого человека слабого характера к матери семейства, уже зрелой, без сомнения добродетельной, и чьей главной страстью была гордость. Есть, впрочем, основания полагать, что Бланка Кастильская, со своей стороны, питала к Тибо нечто вроде материнской привязанности, снисходительной и суровой. Почему бы она стала пренебрегать использованием в интересах своей политики своего личного влияния на этого влюбленного страдальца?

Таким образом, со стороны севера и востока династии нечего было бояться; опасность была на юго-западе. С одной стороны, граф Тулузский и лангедокцы не были сокрушены слишком короткой кампанией Людовика VIII. С другой стороны, враждебность герцога Гиенского, короля Англии, была несомненна. Хозяин Гаскони, Генрих III не мог забыть, что Филипп Август отнял у короля Иоанна, его отца, несколько провинций, где – особенно в Пуату и Нормандии – сторонники английского владычества были еще многочисленны. Генрих III был предназначенным покровителем мятежников, как Пьер Моклерк был, за отсутствием Филиппа Юрппеля, их вождем. К счастью, ему было только двадцать лет, он был очень занят на своем острове, и всегда был бедным человеком, неумелым, слабым, грубым и презираемым.

Таковы персонажи, которые в течение десяти лет малолетства Людовика IX играли первые роли на политической сцене; история Франции в эти десять лет – это история их союзов и их борьбы. На заднем плане действуют статисты: Гуго де Лузиньян, граф де Ла Марш, супруг бывшей королевы Англии, матери Генриха III; бароны Бретани, враги Пьера Моклерка, сплотившиеся вокруг Анри д'Авогура, главы дома Пантьевр; и другие сеньоры, то верные своим непосредственным сюзеренам, то соединившиеся с противоположной партией, значительно осложняющие игру комбинаций. Наконец, издали и свыше, папа наблюдает за конфликтами. Папой был тогда Григорий IX, который сначала выказывал благосклонность Генриху III, вассалу Святого Престола, но вскоре под влиянием своего легата во Франции изменил позицию.

Этот легат, Роман Франджипани, кардинал-дьякон с титулом Сант-Анджело, был аккредитован при Людовике VIII Гонорием III в 1225 году; после смерти короля он остался при королеве, поступил к ней на службу и руководил ею. Поскольку в нескольких церковных провинциях капитулы соборов отказывались платить десятину для лангедокского крестового похода, он приложил усилия, чтобы заставить их: капитул Парижа обвинил его перед Григорием IX в том, что он сказал, что «чтобы обеспечить госпоже Бланке ее десятину, он отнимет у каноников даже их мантии». Будучи атакован, кардинал отправился в Рим защищать свое дело и выиграл его. Он вернулся более властным, более выслушиваемым, чем когда-либо. Это был не выскочка, не дипломат, как другие итальянцы, ловкие и низкие, которые управляли Францией; это был всадник, великий сеньор, с надменными и резкими манерами.

II. ПРАВЛЕНИЕ БЛАНКИ КАСТИЛЬСКОЙ ДО ОТЪЕЗДА КАРДИНАЛА САНТ-АНДЖЕЛО

ПЕРВЫЕ ДВЕ КОАЛИЦИИ.

Растерянность великих сеньоров, нерешительных, разделенных, без программы, стоила королеве и кардиналу, без кровопролития, решающего успеха первых столкновений. Коронация Людовика IX состоялась в Реймсе 29 ноября 1226 года, согласно обычному церемониалу. Затем Бланка, в сопровождении легата, Филиппа Юрппеля, графа де Дрё и армии, двинулась прямо на юго-запад, где бретонцы, пуатевинцы и англо-гасконцы волновались. Она остановилась в Лудене; недовольные расположились лагерем в Туаре. Там, в начале марта 1227 года, граф де Бар и граф Шампанский (который позволил себя увлечь, в момент дурного настроения против королевы) покинули коалицию. Через пятнадцать дней Пьер Моклерк и граф де Ла Марш сами принесли свою покорность; они получили по Вандомским договорам значительные земли и доходы, но обязались служить королю против всех и вся; были устроены браки между их детьми и детьми Бланки. Англо-гасконцы, удивленные тем, что остались одни, приняли перемирие.

Вандомские договоры также имели значение только перемирия. Волнение не спадало. Однажды маленький Людовик IX, находясь в Шатре (Арпажон), близ Монлери, был подвергнут угрозе со стороны отряда мятежных баронов, чьим штабом был Корбей и которые замыслили завладеть его особой. Ополчения Парижа и Иль-де-Франса, столь преданные королевской семье, отправились его освобождать. И король никогда не забывал эту сцену: «Он рассказал мне, – говорит Жуанвиль, – что от Монлери и до самого Парижа дорога была полна вооруженными и безоружными людьми, и все взывали к Господу нашему, чтобы Он даровал ему добрую и долгую жизнь, и защитил и сохранил его». На этот раз Филипп Юрппель выступает как глава заговорщиков. С тех пор как Рено де Даммартен, его тесть, чье наследство он узурпировал, умер в тюрьме, королева лишилась мощного средства устрашения этого персонажа, и его легко склонили выдвинуться вперед. В 1228 году происходили собрания знати, подготовительные к восстанию; в них участвовали граф Бретани и сеньор де Куси – Энгерран III, для которого был построен замок, чьи руины видны в Куси. Но все свелось к вспышкам соломы, столь же быстро потухавшим, как и вспыхнувшим. В разгар зимы (январь 1229 года) королева и юный король во главе армии, где фигурировал контингент шампанцев, захватили укрепленный замок Беллем в Перше, принадлежавший Моклерку; сеньор де Ла Э-Пенель, близ Авранша, который выступил с оружием от имени короля Англии, «герцога Нормандского», был легко приведен к повиновению бальи Жизора. Остальные не пошевелились. Бланка приняла, впрочем, свои меры предосторожности против графа Юрппеля и его союзников из Пикардии: она взяла специальную клятву верности с магистратов муниципалитетов городов, расположенных между Сеной и границей Фландрии, соседних с этими мятежниками. Руан, Бове, Мант, Понтуаэ, Амьен, Компьень, Лан, Мондидье, Нуайон, Сен-Кантен, все города на Сомме обязались защищать всеми своими силами госпожу Бланку и ее детей.

ПАРИЖСКИЙ ДОГОВОР (АПРЕЛЬ 1229).

В то же время очень грозная опасность рассеялась на юге. Легат, вернувшийся из Рима весной 1228 года с полномочиями от Святого Престола, придал энергичный импульс войне, которая тянулась в Лангедоке против Раймунда VII с момента смерти Людовика VIII, без заметных эпизодов: Тулузен был опустошен, укрепленное место Бруск взято. Утомленный, обескураженный Раймунд VII решил на мир: при посредничестве графа Шампанского он вступил в переговоры в Мо с кардиналом и королевскими людьми. В Париже, несколько дней спустя, в Великий Четверг 1229 года защитник лангедокской независимости публично принес покаяние на паперти Нотр-Дам, в руках Романа Франджипани. Парижский договор, апреля 1229 года, уступал королю земли, которые образовали королевские сенешальства Бокер и Каркасон; единственная дочь графа Тулузского, Жанна, была обещана одному из братьев короля с перспективой получения Тулузы и ее епископства, и других владений Раймунда (Ажене, Руэрг, часть Керси и Альбжуа), если у Раймунда не будет другого наследника к моменту открытия его наследования. Кроме того, граф Тулузский поклялся быть верным, всю свою жизнь, Церкви и королю, и поддерживать мир на своих землях; в гарантию чего он передавал королевским слугам девять крепостей, включая Нарбоннский замок в Тулузе. Наконец, церковная власть будет следить в землях между Роной и Гаронной, все еще зараженных ересью, за восстановлением и сохранением веры. [2]

Пять месяцев спустя, Роже Бернар, граф де Фуа, в свою очередь, покорился в Мелене.
КАРДИНАЛ САНТ-АНДЖЕЛО.

Если Парижский договор, весьма искусно составленный, является, как полагали, делом кардинала Сант-Анджело, то это самая выдающаяся услуга, которую Франджипани оказал французскому Двору. Но не единственная. По праву или нет, королева постоянно следовала его советам. Он добился продления перемирия с англичанами до 22 июля 1229 года. Это он обострил ссору, сначала незначительную, между королевским правительством и Парижским университетом, до такой степени, что поставил под угрозу существование этого великого корпоративного органа. Наконец, благодаря ему Тибо Шампанский был покрыт от других баронов, его врагов, защитой Святого Престола.

Кардинал Сант-Анджело не любил Университет; еще в 1225 году, при Людовике VIII, он разбил его печать, разорвал его привилегии, и его дом был разграблен возмущенными клириками. В феврале 1229 года, в Сен-Марселе за стенами, шайка школяров из «нации» Пикардии поколотила жителей деревни. Капутол Сен-Марселя принес жалобы своих людей перед епископом Парижа и легатом, которые призвали королеву покарать. Полиция действовала с жестокостью: молодых людей, гулявших в сельской местности, преследовали через виноградники, избивали, бросали в воду. В свою очередь, Университет пожаловался «легату и королеве»; его не слушали; он распустился; и возникающие соперничающие школы Реймса, Анжера, Орлеана, Тулузы, школы Англии, Испании и Италии извлекли выгоду из этого исхода.

Тибо Шампанский стал пугалом для мятежников. Он предавал партию баронов до трех раз со времени вступления Бланки на регентство: в Лудене, до Вандомских договоров – представив в распоряжение королевы триста рыцарей для экспедиции на Беллем; вступив посредником в Мо для обеспечения покорности графа Тулузского. Кроме того, он лично был в ссоре, издавна, по различным причинам, с большинством принцев, его родственников или соседей: из дома Дрё, Куртене, Шатильоны, граф де Ла Марш, граф де Невер, Юрпель. Он полагал, что обеспечил себе в 1227 году дружбу молодого герцога Гуго Бургундского договором; но Гуго нарушил главный пункт этого договора, женившись на Иоланде, дочери графа де Дрё, и Тибо не нашел ничего лучшего, чтобы отомстить, как приказать схватить опекуна Гуго, Робера Овернского, архиепископа Лионского, который пересекал его владения. Граф де Бар, дядя Иоланды, освободив архиепископа, единственным результатом этой авантюры стало то, что Бар и Бургундия оказались на пятках у шампанца. Враги Тибо, объединившись, окружили его в 1229 году грозным кольцом: они намеревались выдвинуть против него права его кузины Алисы Кипр-

ской, которая называла себя наследницей Шампани; они также говорили о наказании за предполагаемое убийство Людовика VIII.

В этих критических обстоятельствах граф Шампанский нашел союзников: с разрешения королевы, Ферран Фландрский напал на графства Булонь и Гин, а Матье Лотарингский сдерживал Барруа; присутствие королевы Бланки в Труа оказалось достаточным, чтобы остановить бургундцев. Но наиболее эффективную помощь Тибо получил от Григория IX через посредничество легата. Кардинал сначала уладил скандал, вызванный арестом архиепископа Лионского; когда Пьер Моклерк проявил намерение жениться на Алисе Кипрской, он добился от папы запрета, под предлогом родства, этого опасного союза и обновления старых булл, сводивших на нет предполагаемые права Алисы; наконец, в октябре, в Осерре, он восстановил мир, в качестве арбитра, между Тибо Шампанским и могущественным Гигом, графом де Невер и де Форэ. Этот Арбитраж в Осерре был одним из последних политических деяний Романа Франджипани во Франции. В конце года он покинул страну, чтобы больше не возвращаться, после того как провел собор в умиротворенном Лангедоке и поручил королевским слугам охрану маркизата Прованс, фьефа Империи, который по Парижскому договору Раймунд VII уступил Церкви. В то же время из Рима прибыли письма Григория IX, которые призывали герцога Бургундского оставаться спокойным и запрещали великим «поколебать своими раздорами королевство благословения и благодати».

III. РЕЙДЫ И СОГЛАШЕНИЯ С 1229 ПО 1231 ГОД ПЕСНИ ПРОТИВ КОРОЛЕВЫ.

Положение Бланки казалось к концу 1229 года лучше, чем в 1226, ибо коронация юного короля, сокрушение Раймунда VII, привлечение и защита Тибо IV, наказание Пьера Моклерка, не говоря о легкой и слишком дорого оплаченной победе над Парижским университетом, доказали ее силу. Тем не менее, ее, кардинала и Тибо оскорбляли грубо. Клирики Университета не стеснялись говорить в песнях, которые невозможно процитировать дословно, даже по-латыни, что она слишком близка с легатом: «Нас грабят, связывают, топят; это похотливость легата навлекает на нас это». Эта шутка ходила повсюду: Менестрель из Реймса, эхо народных слухов, рассказывает, что королеву обвиняли в том, что она «беременна от кардинала Романа» и что она показала в сорочке, чтобы опровергнуть клевету. Со своей стороны, дворяне были не менее враждебны к иностранке, скупой, «госпоже Эрсант», дурного поведения:

Bien est France abâtardie
Signor baron, entendés,
Quant feme l'a en baillie
Et tele come savés...
[Хорошо опустила Франция,
Сеньоры бароны, слушайте,
Когда женщина держит ее в своей власти
И такая, как вы знаете...] [4]

Ее обвиняли в том, что она переправляет за горы деньги королевской казны; что она окружает сына испанцами, церковниками и мелкими людьми; что она изгоняет от себя «пэров Франции», которым надлежит править. Наконец, рифмоплет Гуго де Ла Ферле, из партии баронов, осыпает невероятными бранью ее протеже, ее сердечного друга, предателя, отравителя, Тибо Шампанского. Граф Тибо – бастард, вероломный, более искусный в зельях, чем в рыцарстве; он живет на содержании у королевы. И какая внешность для кавалера, запущенного, одутловатого, с большим животом: «Такой человек должен ли иметь сеньории, замки? Сеньоры бароны, чего вы ждете?»

Чего же они ждали, в самом деле? Удивлялись их угрозам, их тайным сборищам, их хождениям, которые не приводили к действиям. Автор песни в диалогической форме очень хорошо выражает чувства, которые испытывали осенью 1229 года самые горячие друзья знати:

«Готье, вы, кто был с этими баронами, скажите мне, знаете ли вы, чего они хотят. Неужели мы никогда не увидим их согласными? Неужели они никогда не сойдутся врукопашную так близко, чтобы пробить гербовый щит?.. Слишком долго длятся эти угрозы. Каждый день они собираются большой компанией, чтобы потерять свою честь и свои деньги: это люди, которые не умеют ни говорить, ни молчать». – «Пьер, – отвечает Готье, – если верить нашему графу Юрпелю, и бретонцу, и отважному барону, и сеньору бургундцев, то раньше, чем пройдут Рогации, вы увидите хвастовство шампанцев так хорошо укрощенным, что ни один король не сможет их защитить. Однако кардинал и король недавно их утеснили по совету госпожи Эрсант...» – «Готье, – говорит Пьер, – я не решаюсь верить этому; они слишком медлительны, чтобы начать. Они пропустили хорошую погоду, и теперь будет дождь. И когда они уезжают от Двора, якобы поссорившись с ним, знайте, что они всегда оставляют позади некоторых из своих, чтобы устроить продление перемирий...»

КАМПАНИИ 1230 ГОДА.

Жданная, откладываемая гроза разразилась в 1230 году. В январе Анри де Бар вторгся во владения герцога Лотарингского, союзника шампанцев; он сжег там семьдесят деревень. Пьер Моклерк, возвращавшийся из Портсмута, где он побуждал Генриха III ускорить приготовления к вторжению – перемирие между Францией и Англией истекло в июле 1229 года, – велел уведомить Людовика IX, что он более не считает себя его вассалом и переносит свою присягу на английского короля. Граф Булонский послал двух рыцарей бросить вызов Тибо, объявив о намерении отомстить за смерть Людовика VIII. Наконец, в начале мая довольно большая английская армия высадилась в Сен-Мало и Пор-Блане; Генрих III, уверенный, что наконец вернет древние владения Плантагенетов, взял, говорят, в своем багаже парадную мантию, корону и королевский жезл из позолоченного серебра, чтобы облачиться в них после победы.

Бланка Кастильская и Людовик IX были в Анжу, когда, после прибытия Генриха, начались бои. Стычки без серьезного значения. С обеих сторон, вместо того чтобы наступать, вожди вели переговоры, чтобы обеспечить себе союзников: Пьер Моклерк пытался примириться с дворянством и духовенством Бретани; королева Бланка заключала договоры с несколькими баронами Пуату: Жоффруа д'Аржантоном, Раймундом де Туаром, самим Гуго де Ла Маршем. Тем временем армия Франции, где большинство великих вассалов Востока и Севера, Тибо Шампанский, Ферран Фландрский, граф де Невер, возможно, граф Юрпель, правильно явились на службу, несмотря на объявленную между ними войну, первой пришла в движение. В лагере под Ансени Пьер Моклерк был объявлен лишенным опеки над Бретанью по причине вероломства; королева быстро захватила Ансени, Удон, Шантосо. Там пришлось остановиться: бароны, выполнив свою обязательную службу, вернулись к своим распрямам, и королева должна была последовать за ними; в конце июня она была в Париже, а Моклерк воспользовался этим, чтобы перейти в наступление и осадить Витре. Но вскоре ее снова находят на передовой, занятой наблюдением за беспорядочными маршами и контрмаршами англичан.

Генрих III представлял тогда неожиданное зрелище. Он отказался от вторжения в Нормандию. Он решил пересечь Бретань и Пуату, чтобы соединиться со своими вассалами в Гаскони и привлечь на свою сторону по пути сеньоров региона между Луарой и Жирондой. Он действительно добился нескольких присоединений, взял Мирабо, велел занять остров Олерон и прибыл в Бордо. По окончании этой прогулки он тут же повторил ее в обратном направлении, из Бордо в Нант. Таким образом, он потерял три месяца. После этого он оказался без денег, больным, во главе армии, выбитой из строя жарой и пьянством, он оставил пятьсот человек Пьеру Моклерку, одолжил у него шесть тысяч марок и отправился отдыхать в Англию от тягот кампании. Своих союзников в Пуату, сеньоров де Сюржер, де Партене, де Ла Рош-сюр-Йон, де Пон, он бросил на произвол судьбы, не слушая их мольб: «Королева Бланка, – писал ему жалобно Рено де Пон, – сказала, что она меня разорит, или же ее сын потеряет Францию».

ПРОВАЛ И ПОКОРНОСТЬ КОАЛИЦИИ.

Перед отъездом с континента в октябре Генрих III, без сомнения, узнал о провале коалиции, которая на другом конце королевства напала на друга, на предполагаемого сообщника королевы, Тибо Шампанского. Дворяне Пикардии, собравшиеся под началом Юрппеля, графов де Гин и де Сен-Поль, Энгеррана де Куси и Робера де Куртене, опустошили долины Вель, Марны и Сены; они шадилы дома дворян, и сражения между их рыцарством и рыцарством Тибо, кажется, были мало кровопролитными: отметили, что в одном важном сражении под стенами Провена Тибо, побежденный, потерял до тринадцати рыцарей. Но, как и на юго-западе, сельская местность была ужасно разорена: Эперне, Вертю, Сезанн и множество деревень полыхали. Со своей стороны бургундцы «сжигали все в странах, где проходили». Бургундцы и пикардийцы соединились на лугу Иль-Омон, и Труа был в опасности, когда королева и король, вернувшись из Пуату, расположили свой лагерь в четырех лье от этого города. «Она приказала, – рассказывает Менестрель из Реймса, – передать графу Булонскому и баронам, что она готова их удовлетворить, если они имеют жалобы на графа Шампанского, но что она запрещает им злодействовать в фьефах короля; они ответили, что не будут судиться, и сказали между собой, что это женский обычай – предпочитать всем прочим убийцу своего мужа». По словам Жуанвиля, бароны просили короля удалиться: «Король ответил им, что они не нападут на его людей, чтобы он сам там не присутствовал, ... и добавил, что запретит графу Тибо договариваться, пока они не очистят Шампань». Большого не потребовалось, чтобы запугать союзников; и Филипп Юрппель, вспомнив наконец, что он принц крови и что ему не подобает колебать короны, первым «осознал вероломство своих друзей». Менестрель из Реймса, который, впрочем, там не был, довольно живо изображает поворот Юрппеля: «Клянусь честью, – сказал граф Булонский, – король мой племянник, и я его ленник; знайте, что я более не в вашем союзе, но буду отныне на его стороне со всей моей верной силой». Когда бароны услышали, как он, их вождь, так говорит, они посмотрели друг на друга, изумленные, и сказали ему: «Сеньор, вы дурно поступили с нами, ибо вы заключите мир с королевой, а мы потеряем наши земли». – «Именем Бога, – сказал граф, – лучше оставить глупость, чем преследовать ее». И он тут же дал знать королеве и королю, что готов им повиноваться. . . Бароны рассеялись. Каждый ушел в свою землю, печальный от неудачи и от того, что навлек на себя недоброежелательство королевы; ибо королева хорошо умела любить и ненавидеть тех, кто того заслуживал, и вознаграждать каждого по делам его». Факт в том, что Юрппель заключил в сентябре мир, очень выгодный для него, с Фландрией и Шампанью, и был назначен, совместно с графом Тибо, арбитром в ссорах между их друзьями и врагами вчерашнего дня, Лотарингией и Баром, Шалоном и Бургундией и т.д. Когда Людовик IX в декабре 1230 года держал в Мелене двор, где была обнародована знаменитая ордонанс против евреев и ростовщиков, мир на востоке был восстановлен; ордонанс был подписан Юрппелем, Тибо, Гуго Бургундским, графами де Бар, де Сен-Поль и де Шалон, и несколькими другими персонажами, которые три месяца назад намеревались истребить друг друга.

Оставались Моклерк и англичане. Англичане, оставленные Генрихом III в Бретани, совершили несколько успешных рейдов в Анжу и Нормандию, но бретонское дворянство, до сих пор почти целиком верное политике своего принца, начинало покидать его, чтобы примкнуть к французам. В июле 1231 года были заключены перемирия, которые должны были длиться до дня св. Иоанна 1234 года, между королем Франции с одной стороны, королем Англии и Пьером Бретонским с другой: Моклерк обязался не появляться «во Франции» в течение этих трех лет; Людовик IX, естественно, сохранял все, что завоевал: Беллем, Анжер и т.д. Тогда в Анжере, на левом берегу Майенны, был построен знаменитый укрепленный замок, существующий и поныне.

Весной этого счастливого 1231 года также было достигнуто соглашение, благодаря посредничеству папы, между королевским правительством и Парижским университетом. Латинский квартал снова заселился.

IV. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ РЕГЕНТСТВА ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕЛ ШАМПАНИ.

Нужно было бы иметь больше сведений, чем имеется, о людях и делах того времени, и об интригах, последовавших за всеобщим умиротворением, чтобы понять, как Тибо IV, спасенный в 1230 году вмешательством королевы, в 1232 году возымел прихоть объединиться против нее со своим злейшим врагом. Как объяснить, что Тибо, овдовев, задумал жениться на дочери Пьера Моклерка? Этого не объяснить. «Было назначено, – говорит Жуанвиль, – что граф Шампанский должен жениться на девице в одном аббатстве премонстрантов близ Шато-Тьерри, которое называется Вальсекре... И пока граф Шампанский приезжал, чтобы жениться, мессир Жоффруа де Ла Шапель пришел к нему от имени короля и сказал ему: «Сеньор граф, король узнал, что вы условились с графом Бретани взять в жены его дочь; король приказывает вам ничего этого не делать, если вы не хотите потерять все, что имеете в королевстве Франции, ибо вы знаете, что граф Бретани причинил ему больше зла, чем любой живой человек». В сентябре Тибо, послушный, женился на Маргарите, дочери Аршамбо де Бурбона, сеньора, известного своей верностью Короне, личного друга Людовика VIII.

Гораздо понятнее, что бароны, Юрппель первый, сохранили злобу к Тибо за их неудавшееся предприятие в Шампани, и что, чтобы его обеспокоить, они вызвали с Востока во Францию эту самую Алису, королеву Кипрскую, чьи права они уже прежде оспаривали. У Алисы были сторонники в Шампани, хотя Григорий IX очень четко и неоднократно высказывался против нее; мятежи, которые снова опустошили графство в 1233 году, происходили, возможно, от ее имени. Но Юрппель умер (январь 1234), через шесть месяцев после графа Фландрского, двумя месяцами ранее Робера де Дрё. Люди, которые фигурировали в Фронде первых лет регентства, исчезали. Алиса была слишком счастлива в сентябре отказаться от своих притязаний, в присутствии короля, за две тысячи ливров ренты и сорок тысяч единовременно. Поскольку Тибо Шампанский не располагал, как видно, сорока тысячами ливров наличными – хотя он стал королем Наварры в апреле, после смерти своего дяди, – именно Людовик IX выплатил сумму, но взамен взял себе прямую сюзеренность над графством Блуа, графством Шартр, графством Сансер и виконтством Шатодён. «Некоторые люди говорили, – передает Жуанвиль, – что король получил эти фьефы лишь в залог, но это неправда, ибо я спрашивал его об этом, и он сказал мне обратное».

ДОГОВОРЕННОСТИ С БРЕТОНЦАМИ И АНГЛИЧАНАМИ.

Также вполне естественно, что Моклерк пытался отомстить во время перемирия тем из своих вассалов, кто его предал, и что он подготовился, по согласованию с Генрихом III, возобновить в назначенный день войну против Франции. Ему нужен был новый урок. Он его получил. Три королевские армии, шедшие из Анжу, Пуату и Нормандии, одновременно вторглись в Бретань по истечении перемирия. Поскольку король Англии, всегда щедрый на обещания, стесненный и нерешительный, послал лишь незначительную помощь, Моклерк окончательно сдался, «высоко и низко», на волю королевы и короля Франции в Париже, в ноябре 1234 года. Подобно тому как некогда Ферран Фландрский и Раймунд VII, с ним обошлись без жестокости: он уступил несколько мест, обещал быть верным, дал заложников, но сохранил управление Бретанью до совершеннолетия своего сына.

После покорения Моклерка англичане и бретонцы воевали между собой в Ла-Манше; и Генрих III, поссорившись со всеми своими союзниками, был вынужден заключить в августе 1235 года новое перемирие, действительное в течение пяти лет.

КОРОЛЕВСТВО К СОВЕРШЕННОЛЕТИЮ ЛЮДОВИКА IX.

К моменту возобновления перемирия с Англией Людовик IX был совершеннолетним. «Опекунство» королевы-матери закончилось. Оно закончилось по праву; но фактически Бланка Кастильская не переставала быть всемогущей при Дворе; никакой передачи полномочий не произошло, даже для формы. Ничто не изменилось во Франции, когда король вступил 25 апреля 1234 года в свой двадцать первый год; никакая новая формула канцелярии не отметила начало нового режима. Однако принято останавливаться около этого времени при изложении истории малолетства принца, который из сыновнего благочестия пожелал остаться по отношению к своей матери в состоянии вечного малолетства. Это действительно остановка, откуда удобно обозревается работа, выполненная «регентшей» [3].

Людовик IX, совершеннолетний, оказался хозяином относительно спокойного королевства. Из великих вассалов, столь грозных восемь лет назад, одни были укрощены оружием, как Пьер Моклерк и Раймунд VII, другие, как Филипп Юрппель, умерли, и Корона урегулировала их наследование. Королевский домен увеличился за счет сенешальств Бокер и Каркасон, отнятых у графа Тулузского, и прямой сюзеренности над четырьмя фьефами, купленной у графа Шампанского. Дворянство, казалось, было склонно искать в заморском крестовом походе утешение от своих неудач и применение своей буйности: Моклерк, Тибо, Анри де Бар, Гуго Бургундский, Жан де Шалон, Ги де Невер были крестоносцами. Король Англии пребывал в раздумьях после двух неудачных кампаний. Наконец, брак короля с Маргаритой, дочерью графа Прованского, вассала Империи, распространил влияние династии в долине Роны.

Эти результаты делают честь правлению Бланки Кастильской. Но есть и другие доказательства благотворной твердости этого правления. Его исключительное благочестие не помешало королеве Бланке действовать в отношении духовенства точно так же, как действовали ее предшественники. Она наказала нескольких прелатов: двух архиепископов Руанских, Тибо и Мориса, и епископа Бове, Миля де Нантей. Дело Бове знаменито. Миль де Нантей, воин, который три года воевал за папу в герцогстве Сполето, был обвинен в том, что недостаточно сурово покарал восстание простонародья против буржуазной аристократии его епископального города. Король, несмотря на него, вошел в Бове, чтобы вершить правосудие, и захватил епископство. Интердикт, который был наложен епископом, а затем архиепископом Реймским (Анри де Дрё, безнаказанный сообщник коалиции 1230 года), никого не смутил. Попытка вмешательства легата была отвергнута королевским Двором. Конфликт закончился лишь покорностью второго преемника Миля на кафедре Бове. Хроники Сен-Дени популяризировали другой инцидент того же рода, также очень характерный, который произошел во время второго «регентства» Бланки, то есть во время пребывания Людовика IX в Палестине. Капитул Парижской церкви велел арестовать массово своих сервов и вилланов из Орли, Шатене и соседних деревень, потому что они отказались платить талью: они пожаловались королю; каноники наказали их, заточив в тюрьмы, где несколько человек, мужчины, женщины и дети, «умерли от жары». Тогда королева Бланка, сопровождаемая вооруженным отрядом, пришла к тюрьме капитула и, палкой, которая была у нее в руке, нанесла первый удар по двери, тотчас же выломанной ее людьми. Временное имущество каноников было конфисковано. В те времена конфискация временного имущества была, как известно, главным аргументом светских властей в их непрекращающихся конфликтах с клириками.

[1] Простой народ не играл никакой роли в беспорядках, ознаменовавших малолетство Людовика IX; но все его симпатии были на стороне королевского дела, потому что он отождествлял его с делом порядка. Элегия Робера Сенсера на смерть Людовика VIII, сочиненная еще в 1226 году, неуклюже, но ясно передает это глубокое чувство. Сравните *Dit des alliés*, 1315 год.

[2] Самым суровым пунктом был тот, что касался брака Жанны и обещал в перспективе тулузский Юг капетингскому принцу. «В самый день, когда было заключено соглашение, говорит рассказчик того времени, Раймунд угощал короля за своим столом, когда во время трапезы

в дверь постучали. Это был приор, который судился с графом в королевском суде Франции. Слуга-оруженосец узнал его и сказал своему господину: Мессир, это тот самый приор, что вам известен, – Хорошо, крикнул Раймунд, скажи ему, чтобы он считал гвозди в двери; я обедаю с королем. – Очень хорошо, ответил монах, когда ему передали поручение; но скажи своему господину, чтобы ел как можно больше, ибо он продал сегодня наследство своих предков».

[3] Бланка Кастильская никогда не носила титула «регентши». Этот титул не употреблялся в XIII веке для обозначения лиц, которым королевская власть была делегирована во время отсутствия или малолетства короля. Первым «регентом» был Филипп Длинный после смерти Людовика X в 1316 году.

II – Людовик IX и его окружение[1]

I. ЛЮДОВИК IX.

О юности Людовика IX, находившейся под надзором Бланки Кастильской, известно лишь то, что король впоследствии любил рассказывать своим приближенным. Его мать не раз говорила ему, что лучше бы ей видеть его мертвым, чем совершающим смертный грех; эти слова глубоко поразили его. Он также охотно вспоминал, что когда он ходил играть в леса или на реку, его всегда сопровождал его наставник, который учил его грамоте и время от времени его бил. Он был воспитан «благородно», как подобает принцу, но очень набожно, по-испански: каждый день он слушал мессу, вечерню, часы. Это был очень благоразумный, очень кроткий ребенок; он избегал неприличных игр и «красивостей»; он никому не говорил «ты»; он не пел «мирских песен», и одному из своих оруженосцев, который их пел, он велел выучить вместо них антифоны Пресвятой Девы и Ave maris Stella [«Радуйся, звезда морей»], «хотя это было очень трудно». С ранних лет он был милосерден: «Когда он был еще совсем юн, – передает Этьен де Бурбон по народному преданию, – однажды утром множество нищих собралось в его дворцовом дворе, ожидая милостыни. Воспользовавшись часом, когда все спали, он вышел из своей комнаты в сопровождении лишь одного слуги, нагруженного большой суммой деньгами, и раздал нищим названную сумму. Он возвращался, когда один монах, заметивший его из оконного проема, сказал ему: «Сир король, я видел ваши прегрешения». – «Возлюбленный брат, – ответил Людовик, – нищие – мои наемники; это они привлекают в королевство благословение мира; я заплатил им не весь свой долг...».

Старинных портретов Людовика IX довольно много, но они ненадежны, противоречивы. Однако известно, что королева Изабелла, его бабушка, передала ему знаменитую красоту принцев дома Эно, которая сохранилась через Филиппа Смелого и Филиппа Красивого в процветавшем потомстве последних прямых Капетингов. «Король, – говорит францисканец Салимбене, видевший его в 1248 году, – был высоким и худощавым, subtilis et graciis, convenienter et longus [изящным и строеным, пропорциональным и долговязым], с ангельским видом и лицом, полным благодати». «Никогда, – говорит Жуанвиль в своем рассказе о битве при Мансуре, – не видел я столь прекрасного вооруженного человека, ибо он возвышался над своими рыцарями на целую голову, с золоченым шлемом на голове, с германским мечом в руке...». Его нужно представлять себе молодым, с обильными светлыми волосами; позже, и довольно рано, лысым, немного сгорбленным. Его тело, которое он подвергал чрезмерным умерщвлениям плоти, имело более элегантности, нежели силы. Все, кто его видел, соглашались, что он имел вид прямой, приветливый и задумчивый. У него были «голубиные очи». Его одежда была простой. Монахи, его апологеты, преувеличивают, когда говорят, что с двадцатилетнего возраста он совсем отказался от великолепных одеяний, которые королева Бланка по его положению заставляла его носить в детстве. Но после его возвращения из крестового похода 1248 года заметили в его манере одеваться, как и во всем поведении его жизни, значительную перемену: он отказался от драгоценных мехов, горноста, серой белки; его платья отныне были подбиты ягненком, кроликом и белкой; никаких ярких цветов: он носил зимой одежды из темной шерсти, а летом – из коричневого или черного шелка. Сбруя его коня была белой, без раскраски; его шпоры и стремяна были железными, без позолоты. Его всегда будут представлять себе таким, каким его увидел Жуанвиль однажды летним днем в его парижском саду: «одетым в камзол из камлота, в безрукавный сюрко из тиретейна, с черным шелковым плащом на шее, очень хорошо причесанным и без головного убора, и в белом шляпе с павлиньими перьями на голове». Костюм почти церковный, который, без сомнения, столько же, сколько и репутация святости этого персонажа, внушил посланцу графа Гелдерна злобное описание, которое

приводит Томас де Кантимпре: «Этот жалкий ханжа, этот король-лицемер, с кривой шеей и капюшоном на плече...».

ЕГО БЛАГОЧЕСТИЕ.

Посланец Гелдерна – не единственный, кто при жизни Людовика IX бросал ему обвинение в «ханжестве». Среди его подданных – вообще не слишком набожных – многие, и сеньоры, и простолюдины, посмеивались или негодовали по поводу крайней набожности короля.[2] Они называли его «брат Людовик», *frater Ludovicus*. Известна история о той женщине по имени Сарета де Файуэль, которая однажды подстерегла короля в момент, когда он спускался из своих покоев, и окликнула его такими словами: «Фу! Фу! Тебе ли быть королем Франции? Лучше бы другой был королем, чем ты, ибо ты король только миноритов, проповедников, священников и клириков; велик вред от того, что ты король Франции; велико чудо, что тебя не прогонят...». Были ли эти народные насмешки и более сдержанное осуждение воспитанных людей, таким образом, законны? Правда ли, что Людовик Святой, как говорили в его время и в наши дни, более создан был для клуатра, чем для мира?

Достоверно, что клирики, биографы Людовика Святого или сведущие свидетели на процессе его канонизации, рассказывают удивительные черты набожности этого принца. Биографы, Жоффруа де Больё, Гийом де Шартр, дают расписание часов, которые Людовик ежедневно проводил в молитвах. В полночь он одевался, чтобы присутствовать на утрене в своей часовне; он ложился в постель полуодетым и, боясь проспать слишком долго, указывал слугам определенную длину свечи: ему приказывали будить его для первого часа, когда она стогорит. После первого часа, каждое утро, он слушал по меньшей мере две мессы: одну тихую мессу за усопших и мессу дня, певучую; затем, в течение остального дня, часы третьего, шестого и девятого часа, вечерню и повечерие. Вечером, после пятидесяти коленопреклонений и стольких же *Ave Maria*, он ложился «без питья», хотя обычай тогда был выпить (вино перед сном) перед тем, как лечь в постель. Он не прерывал даже в путешествии регулярности этих обрядов: «Когда он ехал верхом, в час, назначенный Церковью, третий, шестой и девятый часы пелись его капелланами, на конях вокруг него, и он сам произносил их тихо вместе с одним из них, как в своей часовне». Кроме того, он часто погружался, стоя на коленях на каменном полу церкви, без подушек, опершись локтями на скамью, в столь долгие размышления, что его слуги, ожидавшие его у дверей, теряли терпение. Тогда он просил у Бога с таким жаром «дара слез», что иногда поднимался совсем ошеломленный, с помутневшими глазами, говоря: «Где я?». В колокольные праздники он велел совершать божественную службу с такой торжественностью и медлительностью, что, как откровенно признает исповедник королевы Маргариты, это наводило на всех скуку.

Глава о воздержаниях и умерщвлениях плоти не менее назидательна в биографиях, написанных клириками, чем глава о молитвах. Людовик IX отказывал себе, в духе покаяния, от вещей, которые он любил: ранних плодов, крупной рыбы, особенно шук. Он ненавидел пиво, что было видно по гримасе, которую он делал, когда пил его; тем не менее он пил его, и именно по этой причине («чтобы обуздать свою склонность к вину»), в течение всего Великого поста. Кстати, очень немногие люди так сильно разбавляли водой свое вино, как он; и воду он подливал даже в соусы, когда они были хороши, чтобы сделать их безвкусными. Само собой разумеется, он часто строго постился. Незадолго до своей смерти, в субботу, он отказался принять «яичное молоко», рекомендованное врачами, потому что его исповедника не было рядом, чтобы дать ему на то разрешение. В пятницу он никогда не смеялся или, если он, не подумав, начинал веселиться, он внезапно останавливался, при размышлении; в этот день он не надевал шляпу, в память о терновом венце, и запрещал своим детям надевать венки из роз, по моде того времени. Апологеты не боятся касаться деликатных тем: он спал один (на деревянной кровати, с одним хлопковым матрасом) в течение Адвента и Великого поста, в определенные дни недели, в праздники и кануны, и в дни, когда причащался; «когда он был с королевой, он

не отказывался вставать в полночь, чтобы идти на утреню, но не осмеливался в этот день, из уважения, целовать раки и реликвии святых». Он, который, по словам Жоффруа де Больё, не совершил ни одного смертного греха, исповедовался каждую пятницу и заставлял себя подвергать бичеванию своими исповедниками с пятью железными цепочками: слышали, как он с улыбкой заявил, что некоторые из этих церковников не щадили рук. Тщетно брат Жоффруа пытался ему внушать, что ношение власяницы не подходит его положению; он носил ее и дарил подобные орудия покаяния своим друзьям, своим родственникам, королеве Наваррской, своей дочери.

ДЕЛА МИЛОСЕРДИЯ.

Что сказать о его милосердии? «Его щедрость к несчастным, – заявляет современник, – превосходила границы». Каждый день, везде, где находился король, более ста бедняков получали пропитание. Его милостыни, обильные и непрерывные, стоили ему дорого, ибо они простирались иногда на целые области и часто принимали форму прочных оснований. «В год, когда голод опустошал Нормандию, видели, как бочки, окованные железом, которые обычно возами доставляли в Париж, наполненные поступлениями из казны, совершили путь в обратном направлении». Больничные учреждения Людовика IX в Париже и окрестностях – Девушки-Божьи для проституток, Пятнадцать-Двадцать для слепых, госпитали Понтуаза, Вернона, Компьена и т.д. для больных – известны. «Подобно тому как писатель, создавший свою книгу, говорит Жуанвиль, украшает ее золотом и лазурью, король украсил свое королевство... великим множеством богоугодных заведений... которые он там создал». Но если верить некоторым из его приближенных клириков, этот человек, от природы милосердный, не довольствовался деланием добра: в аскетическом духе смирения и словно жаждая умерщвлений, он предпочитал среди добрых дел самые отвратительные, не потому что они были самыми полезными, а потому что они были отвратительны. Так, когда он приглашал нищих к своему королевскому столу – что случалось очень часто, – он усаживал рядом с собой самых грязных; он прислуживал им, резал им мясо и хлеб. И это еще не все: он доедал их объедки, в тех блюдах, которые они держали своими гнойными и нечистыми руками, *cum manibus ulcerosis et immundis*. И это еще не все: он мыл их «паршивые и ужасные» ноги и, вытерев их, целовал их. Агиографы, полные сокрушения, передают по этому поводу подробности, которые вызывают отвращение. Еще более грубыми и омерзительными являются их рассказы о прокаженных. Людовик IX собственноручно оказывал помощь прокаженным, предметам ужаса, всякий раз, когда встречал их: «Однажды в аббатстве Руайомон был брат по имени Леже, которого изолировали от других, потому что он был до такой степени изъеден проказой, что, с уничтоженным носом, потерянными глазами, рассеченными губами, сочащимся гноем, он был отвратителен; этот брат Леже стал любимцем короля, который упрашивал аббата пойти навестить его в его обществе – что названный аббат, как он позднее признался, находил довольно ужасным, – становился перед ним на колени и кормил его». Точно так же он входил в госпитали, несмотря на «испорченный воздух» и зловоние, которые беспокоили его сержантов, и время от времени настаивал на том, чтобы заниматься там самыми ужасными работами. В Палестине он помогал хоронить гниющие останки христиан из Сидона.

Когда читаешь подряд все, что рассказывается о добрых делах, воздержаниях и обрядах Людовика IX, допустив даже, что свидетели процесса канонизации приукрашивают истину (а они, безусловно, приукрашивают ее, не желая того, представляя некоторые исключительные поступки, совершавшиеся святым иногда, как обычные действия), то можно вполне понять ругательства Сареты. Можно подумать, что Людовик Святой похож на святого Лабра; и действительно, в облике святого Лабра его иногда предлагали на восхищение потомству. Однако это впечатление ложно: некоторые документы его внушают; другие документы его рассеивают.

БЛАГОРАЗУМИЕ, БЕЗ ЛОЖНОГО СТЫДА.

И прежде всего, Людовик IX отлично отдавал себе отчет, что чрезмерность его благочестия и некоторые формы его милосердия способны вызвать неудовольствие его народа: Сарета не открыла ему ничего нового. Вследствие этого, так как он был старателен в своем ремесле короля, он не предавался без оглядки своим упражнениям в смирении. Однажды, когда он выражал аббату Руайомона желание омыть ноги монахам, этот прелат, человек благоразумный, отговорил его от этого: «Люди, – сказал он, – заговорят об этом». – «А что они скажут?» – возразил король. Но он хорошо знал, что они скажут, и воздержался. Во время своих частых пребываний в аббатстве Руайомон он часто навещал лазарет и рассматривал там со своими врачами мочу больных; но, «когда он делал это, он желал, чтобы там находилось мало людей, и только те, кто был ему близок». Нищие, которым он по субботам целовал ноги, были слепыми; он велел тщательно их собирать и «тайно приводить в свою уборную»; и «считалось, что он охотнее выбирал слепых, чтобы они не узнали его и не разгласили этого дела вовне[3]». Людовик IX, таким образом, старался скрывать из стыдливости и чтобы не ронять королевского достоинства те из своих добрых дел, которые он, не без оснований, считал шокирующими для публики. Его подданные, несомненно, не подозревали о большей части его умерщвлений плоти, которые были открыты лишь после его смерти его самыми доверенными лицами.

Тем не менее, он не боялся людского мнения. «Есть благородные люди, – говорил он сеньору де Жуанвилю, – которые стыдятся делать добро, как, например, ходить в церковь и слышать службу Божью; они боятся, что о них скажут: это ханжи.[4]» Со своей стороны, он весело мирился с тем, что осуждали его поведение. Когда знатные люди роптали, видя, что он проводит столько времени на службах, он говорил, что если бы он потерял в два раза больше, играя в кости или бегая по лесу, никто бы не жаловался. Тем, кто упрекал его в слишком больших тратах на милостыню бедным, он отвечал: «Молчите. Бог дал мне все, что я имею; то, что я так трачу, – лучше всего потраченное»; или: «Я лучше хочу, чтобы избыток больших трат, которые я делаю, был в милостынях ради любви к Богу, чем в роскоши или в суетной мирской славе». Один принц, рассказывает Робер де Сорбон, одевался просто, и это не нравилось его жене: «Сударыня, – сказал он ей, – вам угодно, чтобы я одевался в драгоценные ткани; я на это согласен, но поскольку супружеский закон требует, чтобы муж старался угождать жене и наоборот, вы доставите мне удовольствие снять свои красивые наряды; вы будете следовать моей моде, а я – вашей». Когда он обнаружил свой ордонанс против богохульников, были протесты, но он заявил, что он более доволен проклятиями, которые этот ордонанс навлек на него, чем благословениями, которые в то же время привлекали к нему некоторые работы общественной полезности. Сарете он ответил без гнева: «Ты говоришь правду, несомненно; я недостоин быть королем, и, если бы было угодно Господу нашему, другой был бы на моем месте, который лучше умел бы править королевством».

ОБВИНЕНИЕ В «ХАНЖЕСТВЕ».

Благоразумие без ложного стыда, добродушие, улыбчивая ирония – вот уже несколько черт, не свойственных экзальтированному мистику, каким исключительно видели Людовика IX в благочестивом невежестве его окружения. На самом деле, святость этого превосходного человека не имела ничего монашеского, и хотя потомство часто заблуждалось на этот счет, как уже заблуждалась толпа его времени, никогда святой не был менее «ханжой», более светским, чем этот. Послушайте его беседы с сенешалем Шампани. Этот король, который не любил красивые одежды для личного употребления, не запрещал их другим: «Вы должны, – говорил он своему сыну Филиппу и своему зятю, королю Тибо, – хорошо и опрятно одеваться, потому что ваши жены будут вас больше любить, и потому что ваши люди будут вас больше ценить. Ибо, как говорит мудрец, следует одеваться в платья и вооружаться таким образом, чтобы уважаемые люди этого века не говорили, что вы делаете слишком много, ни молодые люди – что вы делаете слишком мало». Этот король, столь щедрый к бедным и церквям, считал, что Тибо, его зять, имевший долги, тратил слишком много на доминиканский монастырь, который он

строил в Провене; он не хотел, чтобы «творили милостыню чужими деньгами». Этот король, столь страстный к благочестивым упражнениям, иногда предпочитал беседу душеполезному чтению: «Когда мы оставались наедине, – рассказывает Жуанвиль, – он садился у изножья своей кровати, и когда проповедники и кордельеры, бывшие там, напоминали ему о книгах, которые он охотно слушал, он говорил: «Вы мне ничего не почитаете, ибо нет такой хорошей книги после еды, как *quolibet* [диспут], то есть чтобы каждый говорил, что хочет». Этот король, простых нравов, заботился о достоинстве своего Двора. «Из-за больших трат, которые король делал на милостыню, он не переставал также делать большие траты на свой дом, каждый день. Он вел себя широко и щедро на парламентах и собраниях баронов и рыцарей, и велел прислуживать при своем Дворе учтиво, и щедро, и более, чем бывало давно при Дворе его предшественников». Жуанвиль, знаток в этих делах, не единственный, кто это удостоверяет; Жоффруа де Больё также замечает, что образ жизни Людовика IX был более блестящим, чем у прежних королей. Наконец, этот предполагаемый «ханжа» мягко подшучивал над набожными и, чтобы дразнить магистра Робера де Сорбона, притворялся, когда был в веселом настроении, что предпочитает добродетель рыцарей (дворян), «добропорядочность», добродетели клириков: «Сенешаль, – говорил он Жуанвиллю, – скажите мне причины, почему добропорядочный человек лучше ханжи». Тогда магистр Робер и Жуанвиль спорили, и когда спор длился достаточно, король выносил свой приговор в таких выражениях: «Магистр Робер, я хотел бы иметь репутацию добропорядочного человека, но быть им поистине, а все остальное пусть останется вам; ибо добропорядочность – столь великая и столь хорошая вещь, что даже при ее произнесении она наполняет рот».

II. РЕЧИ И ИЗРЕЧЕНИЯ ЛЮДОВИКА IX

Дела милосердия и покаяния Людовика IX недостаточны, чтобы отличить его от множества других средневековых принцев, которые были примерными христианами; даже от его современника, короля Генриха III Английского, который тоже прислуживал прокаженным, который посещал церкви еще усерднее, чем его французский шурина,[5] и который, однако, был глупцом. Что ставит Людовика IX вне сравнения, так это то, что он имел прямую, тонкую и чистую натуру моралиста и честного человека.

Чтобы действительно узнать «святого короля», нет ничего лучше, чем услышать, как он говорит. Он говорил хорошо, легко, с умом. Жуанвиль, свидетели следствия по канонизации, к счастью, сохранили множество его «речей». Почему никогда не возникало идеи собрать их и присоединить к «наставлениям», которые святой продиктовал в конце своей жизни для своего сына Филиппа и для своей дочери Изабеллы? Эти «речи» Людовика Святого в сравнении с Мыслями Марка Аврелия проиллюстрировали бы различия, которые разделяют этих двух великих добрых людей, так часто сопоставляемых. Это был бы Людовик IX, изображенный, так сказать, им самим, с его простыми, вовсе не сверхчеловеческими добродетелями, и также с его недостатками, слабостями, ошибками.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЗАБОТЫ ЛЮДОВИКА IX.

Наиболее яркой чертой характера Людовика IX была интенсивность его религиозных и нравственных забот. Всю свою жизнь он добросовестно искал истину и справедливость с твердым намерением сообразовывать с ними свои убеждения и поступки.

Его религиозные убеждения были, до определенной степени, продуманы. Все вокруг него замечали, что в делах духовных упражнений он предпочитал соблюдению обрядов проповеди, чтение священных текстов, богословские беседы. «Король, – пишет Исповедник королевы Маргариты, – охотно и очень часто слушал слово Божие; когда он ехал верхом, если поблизости от дороги было аббатство, он сворачивал, чтобы пойти туда, и велел проповедовать в капитуле, сам сидя на соломе, монахов – на своих стасидиях.[6]» По возвращении из Святой Земли, когда он был в Йере, в Провансе, проходил мимо кордельер, народный проповедник, которого звали брат Гуго. Король попросил у него проповедь. Но этот брат Гуго не

был царедворцем; он начал грубо такими словами: «Сеньоры, я вижу слишком много монахов при Дворе короля, в его свите, которые не должны бы там находиться; я первый...». Однако он говорил так хорошо, что Жуанвиль посоветовал своему господину удержать при себе этого смелого советчика. «Но король сказал мне, что он уже просил его об этом и что брат Гуго ничего этого не захотел делать. Тогда король взял меня за руку и сказал: "Пойдем просить его снова..."». Не только он наслаждался проповедями и хотел, чтобы и другие наслаждались ими, но он был знатоком, различал хороших от плохих. Для мирянина Людовик IX был очень сведущ в Писании и древней христианской литературе. «Каждый день после повечерия он уходил в свою комнату; зажигалась свеча длиной около трех футов, и пока она горела, он читал Библию или какую-либо другую святую книгу». Пораженный на Востоке богатством сарацинских библиотек, он собрал свою в Париже, в сокровищнице своей часовни, щедро открытой для его друзей, где были собраны преимущественно «оригинальные произведения Августина, Амвросия, Иеронима и Григория, и других православных докторов», ибо он охотнее читал «в подлинных книгах святых, чем в книгах современных учителей». Даже его священное знание, почерпнутое таким образом из источников, позволяло ему иногда посрамить высокомерную схоластическую ученость: «Один ученый клирик, – рассказывает Робер де Сорбон, – проповедовал перед королем Франции. Он сказал следующее: "Все апостолы в момент Страстей оставили Христа, и вера угасла в сердцах; только Дева Мария сохранила ее. В память чего, на неделе Покаяния, на утрене гасят все огни, кроме одного единственного, оставленного, чтобы зажечь другие на Пасху". Один церковник высокого ранга поднялся тогда, чтобы поправить оратора и посоветовать ему утверждать только то, что написано: апостолы, по его мнению, оставили Иисуса Христа телом, а не сердцем. Клирик должен был публично отречься, когда король, поднявшись в свою очередь, вмешался: "Это утверждение не ложно, – сказал он, – оно есть у Отцов Церкви; принесите мне книгу святого Августина". Ему повиновались, и король показал отрывок из комментариев к Евангелию от Иоанна, где, действительно, славный доктор выражается так: *Fugerunt, relicto eo corde et corpore...* [Они бежали, оставив Его сердцем и телом...]. Таков был его аппетит к апологетике, что в обществе серьезных и правозверных лиц Людовик IX беседовал о вере даже за столом; поэтому он часто приглашал разделить его трапезу «людей религиозных (монахов) или даже светских, с которыми мог говорить о Боге; и потому он нечасто ел со своими баронами».

Что Людовик IX иногда мучился антиномиями, существующими между разумом и верой, это достоверно. По свидетельству Жуанвиля, он изо всех сил старался «заставить очень твердо верить» своих баронов и предостеречь их от тех искушений врага (он избегал называть дьявола), которые порой заставляют сомневаться. Дьявол столь хитер! Нужно сказать ему: «Убирайся! Ты не искушишь меня в том, чтобы я не верил твердо всем статьям веры; ты можешь разрубить меня на куски: я хочу жить и умереть в этом состоянии». Однако, почему нужно верить? На этот счет король однажды спросил Жуанвиля, как зовут его отца. Сенешаль ответил: «Симон». – «А откуда вы это знаете?» – «Я сказал ему, что уверен в этом, потому что мне это засвидетельствовала моя мать». Тогда он сказал мне: «Следовательно, вы должны твердо верить всем статьям веры, которые свидетельствуют апостолы, как вы слышите это по воскресеньям в *Credo*». Видно, что критика доброго короля не была очень сильной; однако она была пробуждена. Разве он не говорил настойчиво, что больше заслуги верить, когда сомневаешься, чем верить спокойно, как скот, без борьбы? Но он сам вел борьбу; он вышел из нее победителем, и, хотя уверенный в триумфе, он не искал новых испытаний. Он любил слушать тех, кто оправдывал веру, не тех, кто ее атаковал.

Дискуссии христиан с раввинами-иудеями, которые очень нравились докторам XIII века, он не одобрял, особенно для мирян, которые рисковали быть побежденными диалектиками синагоги. «Он рассказал мне, – говорит Жуанвиль, – о большом споре клириков и евреев в монастыре Клуни. Один рыцарь, гость монастыря, поднялся и спросил у самого главного учи-

теля евреев, верит ли он, что Дева Мария – Матерь Божия. И еврей ответил, что он в это ничего не верит. "Вы, стало быть, сумасшедший, – возразил рыцарь, – раз пришли, не веря в Пресвятую Деву и не любя ее, в ее дом"; и он свалил еврея ударом палки по голове. Так закончился спор... И я вам скажу, – добавлял король, – что никто, если он не очень хороший клирик, не должен спорить с этими людьми; мирянин, когда слышит поношение христианского закона, должен защищать его только мечом, которым он должен ударить в живот, насколько тот может войти».

НРАВСТВЕННЫЕ ЗАБОТЫ.

Людовик IX чувствовал себя бесконечно свободнее на почве морали, чем на почве исторических и рациональных оснований догматов. Очень рано он имел склонность к морализаторству. Захваченный в Понтуазе злокачественной лихорадкой, когда он был молод, и полагая, что умрет, он «призвал своих приближенных и увещевал их служить Богу». «Когда он был в своей комнате со своей челядью (своими людьми), – сообщает Исповедник, – он говорил святые и рассудительные слова и вел прекрасные рассказы для назидания тех, кто с ним беседовал». «Прежде чем лечь спать, – говорит Жуанвиль, – он велел приводить своих детей перед собой и напоминал им о деяниях хороших королей и хороших императоров, и говорил им брать с них пример; и он рассказывал им также о деяниях дурных богатых людей, которые своей роскошью, и своими грабежами, и своей алчностью потеряли свои королевства». Во время египетской и сирийской экспедиции он сделал Жуанвиля одним из своих катехуменов. Однако он не любил говорить с ним о делах веры, ибо «тонкий ум», то есть здравый смысл сенешаля Шампани, его пугал. Но с тем большим обилием он осыпал его советами практической морали. Сенешаль, конечно, не был злым человеком; однако у него были свои недостатки, и довольно крупные: он пил вино неразбавленным и «всегда лучшее прежде»; чувствительный к радостям жизни, он довольно дорожил деньгами, которые их доставляют, и хотя совершенно храбрый, он подвергал свою персону риску лишь с толком; гордый своим положением, он с трудом считал вилланов своими братьями во Христе; наконец, верный христианин, но прохладный, он говорил без колебаний, что «лучше бы совершил тридцать смертных грехов, чем был бы прокаженным». Король, который привязался к нему из-за его милого и прямого характера, увещевал его к воздержанию, учтивости, терпению, ужасу перед грехом, к извлечению пользы из угроз Божьих. Банальность этих максим спасалась лукавством выражения. Говорил ли он, что не следует брать чужого добра, даже чтобы отдать его Богу, король добавлял: «Ибо отдавать столь тягостно, что даже при произнесении, отдавать ранит горло из-за р, которые там есть, которые означают грабли дьявола, всегда тянущие назад к себе тех, кто хочет отдать несправедно приобретенное добро». Гийом де Шартр отметил со своей стороны довольно забавную черту: это было во время заседания парламента; одна дама, некогда красивая, зрелого возраста, в очень тщательном туалете, вошла в комнату короля в надежде, как можно предположить, привлечь его внимание. «Но король, озабоченный, – говорит Гийом де Шартр, – спасением этой дамы, позвал к себе своего исповедника и сказал ему тихо: "Оставайтесь здесь и слушайте, что я скажу этой женщине, которая хочет поговорить со мной наедине". Когда они остались втроем, Людовик IX сказал: "Сударыня, я хотел бы напомнить вам о вашем спасении. Некогда вы были прекрасны, но что прошло, то прошло. *Sicut flos qui statim emarceat, et non durat* [Как цветок, который тотчас увядает и не длится]. Вы не воскресите этот цветок красоты; приложите же все свои заботы к приобретению нетленной красоты, не телесной, а душевной"».

Этот строгий и веселый моралист обладал большей простой природной добротой, чем обычно имеют моралисты. Исповедник королевы Маргариты говорит, что у него было сердце «пронзенное жалостью к несчастным» и что он имел пристрастие к слабым. В его Наставлениях сыну читаем: «Если у бедного спор с богатым, поддержи бедного больше, чем богатого, пока истина не прояснится». Но еще лучше, чем эти общие сентенции, доброта поистине доброго человека, доброго и веселого, часто проявляется в простом поступке, в жесте, который не

оставляет сомнений. Современники запечатлели с натуры несколько типичных сцен, дающих несомненные зарисовки. Как всегда, это Жуанвиль оставил самые прелестные истории, истории Корбейля и Акры.[7]

В Корбейле, в один день Пятидесятницы, сенешаль и Робер де Сорбон поссорились в присутствии Людовика IX. Магистр Робер, обвиняя сенешаля в том, что он слишком хорошо одет, навлек на себя такой ответ: «Магистр Робер, с вашего позволения, меня не в чем винить, если я одеваюсь в горностая, ибо это платье оставили мне мой отец и моя мать. Но вас следует винить, ибо вы сын виллана и вилланки, и вы оставили одежду своего отца, и вы одеты в более богатый камлот, чем король». «И тогда, – добавляет Жуанвиль, – я взял полы его сюрко и сюрко короля и сказал ему: "Теперь посмотрите, правда ли это". И тогда король изо всех сил старался защитить магистра Робера». Но добрый король, видя печаль сенешаля, вскоре попросил его сесть рядом с собой, «так близко, что моя одежда касалась его», и признался, чтобы утешить его, что он был неправ, защищая только что бедного магистра Робера: «Но я видел его столь ошеломленным, что ему очень нужна была моя помощь...».

В Сен-Жан-д'Акре, на Совете, созванном для обсуждения вопроса о возвращении во Францию или о «пребывании» в Святой Земле, Жуанвиль, почти единственный, высказался против возвращения. «Когда заседание закончилось, на меня со всех сторон обрушилась атака: "Король безумен, сеньор де Жуанвиль, если он послушает вас, против всего Совета королевства Франции!" Когда столы были накрыты, король велел мне сесть рядом с ним, чтобы есть, как он всегда делал, если его братьев не было. Но он не говорил со мной все время, пока длилась трапеза, чего он обычно не делал. И я действительно думал, что он разгневан на меня, потому что я посоветовал ему щедро тратить из своих денег. Пока он слушал благодарственные молитвы, я подошел к железному окну, которое было в нише у изголовья кровати короля, и положил руки на оконные решетки, и думал, что если король вернется во Францию, я отправлюсь к князю Антиохийскому, моему родственнику, до тех пор пока наши товарищи, пленные в Египте, не будут освобождены. И когда я стоял там, король подошел и оперся на мои плечи и положил обе руки на мою голову. Я подумал, что это мессир Филипп де Немур, и сказал: "Оставьте меня в покое, мессир Филипп". Но случайно, повернув голову, рука короля скользнула по моему лицу, и я узнал изумруд, который был у него на пальце. И он сказал мне: "Оставайтесь спокойным; ибо я хочу спросить вас, как вы осмелились, будучи молодым человеком, посоветовать мне остаться, против всех великих и мудрых Франции, которые советовали мне вернуться... Скажите, – сказал он, – что я был бы неправ, уехав?" "Клянусь Богом, сир, – сказал я, – да". И он сказал мне: "Если я останусь, останетесь ли вы?" И когда я сказал да: "Ну что ж, будьте довольны, ибо я вам очень благодарен за то, что вы мне посоветовали; но не говорите никому об этом до следующей недели...».

Столько доброты, юношеской и очаровательной деликатности часто сочетается со слабостью. Согласно Жоффруа де Больё, некоторые люди действительно боялись, что такой добрый человек – слабый человек. Но эти опасения не были основательными. Не только Людовик IX был на войне совершенным рыцарем, но и всегда проявлял в управлении своей частной и общественной жизнью необычайную энергию.

Жуанвиль видел его и показывает во время египетской кампании и пребывания в Сирии сначала безрассудным, как юноша, затем героическим в невзгодах. Перед Дамьеттой «когда король услышал, что знамя Сен-Дени упало, он прошелся по палубе своего корабля большими шагами и, несмотря на легата, чтобы не оставлять знамя, прыгнул в море, где вода была ему по подмышки. И он пошел со щитом на шее, со шлемом на голове, с мечом в руке, к своим людям, которые были на берегу моря. Когда он увидел сарацин, он спросил, что это за люди, и ему сказали, что это сарацины; тогда, с мечом под мышкой и щитом перед собой, он бросился бы на эту сволочь, если бы добропорядочные люди, сопровождавшие его, не удержали его». Во время плачевного отступления, последовавшего за битвой при Мансуре, он подавал

пример, хотя и был поражен эпидемией, опустошавшей армию. «Сир, – говорил ему его брат Карл Анжуйский, – вы поступаете плохо, сопротивляясь доброму совету, который вам дают ваши друзья, отказываясь сесть на корабль, ибо, ожидая вас на суше, марш армии замедляется, не без опасности». «Граф Анжуйский, граф Анжуйский, – ответил он, – если я вам в тягость, избавьтесь от меня, но я никогда не покину мой народ.[8]». Пленник султана, затем эмиров, он поразил их своим хладнокровием: перед окровавленным мечом Фарес-эд-Дин-Октая он не испытал неопишуемого волнения Жуанвиля при виде «датских плотницких топоров», которые несли спутники этого эмира. На обратном пути корабль короля наскочил близ Кипра на мель; моряки советовали ему перейти на другой; он отказался со спокойной бесстрашностью, которой не имел знаменитый Оливье де Терм, один из самых доблестных рыцарей своего времени, который «из страха утонуть» непременно хотел высадиться: «Сеньоры, – сказал король хозяевам судна, – я выслушал ваш совет и совет моих людей; теперь я повторю вам свой, который таков: если я сойду с корабля, здесь останутся пятьсот человек и более, которые останутся на Кипре из страха перед опасностью для их тел (ибо каждый держится за жизнь так же, как я) и которые, быть может, никогда не увидят свою страну. Я предпочитаю вверить мое тело, и мою жену, и моих детей в руки Бога, чем нанести такой вред находящемуся здесь народу».

ЕГО ВЛАСТНЫЙ ПРАВ.

Величие души перед лицом опасности – форма энергии; не самая редкая. Людовик IX, который естественно возвышался в серьезных обстоятельствах до героизма, проявлял при любом случае сильную волю. Он имел даже, в этом нельзя сомневаться, властный нрав своей матери, своего отца и своего деда, Филиппа Августа. Слащавая легенда об ангельской кротости Людовика Святого противоречит положительным фактам. Жуанвиль, этот пронизательный и болтливый наперсник, не оставляет нас в неведении, что король был склонен к гневу. «Поскольку, – весело сказал ему Жуанвиль в Кесарии, когда речь зашла о продлении обязательства, связывавшего сенешаля Шампани с королевской службой, – поскольку вы гневаетесь, когда у вас что-то просят, договоримся, что если я попрошу у вас что-то в этом году, вы не будете сердиться; и если вы мне откажете, я не буду сердиться». Король рассмеялся «очень громко»; но сенешаль попал в точку. Многие анекдоты это подтверждают. Во время плаванья из Египта в Палестину «он (король) жаловался на графа Анжуйского, который был на его корабле и не составлял ему компании. Однажды он спросил, что делает граф Анжуйский, и ему сказали, что он играет в кости с монсеньором Готье де Немуром. И он пошел туда, шатаясь от слабости своей болезни, и взял кости и бросил их в море, и очень разгневался на своего брата за то, что тот так скоро снова принялся играть в кости. Но мессир Готье получил за это лучшее вознаграждение; ибо он забрал все деньги, которые были на доске (а их было великое множество), и унес их». Все так хорошо знали, что Людовик вспылывал, что когда королева Маргарита родила своего первенца (дочь), так как считали, что король ожидает сына, никто не осмелился взять на себя сообщить ему новость. Правда, что свидетели, выслушанные на процессе канонизации, хвалят его снисходительность к своим слугам. Но Жуанвиль видел, как он в Йере, в Провансе, «очень яростно набросился» на оруженосца Понса, старого слугу, потому что тот не подвел ему вовремя его лошадь. Король, впрочем, сознавал буйство своего характера и часто успешно его обуздывал. Анекдоты о его кротости дают понять, что она удивляла и что королю приходилось выдерживать внутреннюю борьбу, чтобы казаться терпеливым.[9]

Людовик IX, привыкший повелевать, был властен. Когда Жуанвиль вступился, чтобы оруженосец Понс не был так живо отчитан за столь легкую вину: «Сенешаль, – ответил ему Людовик, – король Филипп, мой дед, говорил мне, что он собирался вознаграждать людей по их заслугам». И он добавил *ad hominem*: «Король Филипп говорил еще, что никто не может хорошо управлять своей землей, если не умеет так же смело и сурово отказывать, как и давать. И я вам сообщаю это потому, что век столь жаден в просьбах, что мало кто смотрит на спасение своих душ и на честь своих тел, лишь бы им можно было завладеть чужим добром, будь то

неправдой или правдой». Он действительно умел отказывать и наказывать сурово, столько же и лучше, чем его предки; и если он был уверен в своей правоте, будь то в больших или малых вещах, ничто не могло его поколебать. «Будь строг, – наставляет он своего сына, – строг и верен в поддержании справедливости и правды по отношению к твоим подданным, не склоняясь ни направо, ни налево». И все испытывали на себе действие его решений: его семья, его друзья, его бароны, его епископы; ибо он не делал, по выражению Исповедника, никакого лицепрятия.

ЛЮДОВИК IX И ЕГО БАРОНЫ.

Карл, граф Анжуйский, посадил в тюрьму одного рыцаря, который апеллировал, как имел право, от суда Анжу к суду Франции. Людовик велел позвать Карла и сказал ему: «Во Франции должен быть только один король; и не думайте, что поскольку вы мой брат, я вас пощажу против правосудия». Ангерран, сеньор де Куси, повесил трех юношей, которые охотились в его лесах; Людовик велел запереть его в Лувре и сурово осудил его. На это один сеньор, Жан де Турот, в ярости от такого пренебрежения привилегиями знати, воскликнул: «Королю теперь остается только нас повесить!». Король узнал об этом; и он, который не обратил внимания на неприличную, но без последствий выходку камергера Бургундета, послал своих сержантов за обидчиком. Когда тот стал на колени: «Как вы сказали, Жан? Чтобы я вешал своих баронов? Конечно, я не буду их вешать, но буду наказывать, если они злодействуют». В этом деле сеньора де Куси король Наваррский, граф Бретани, графиня Фландрская и многие другие тщетно умоляли его освободить виновного; король, «возмущенный тем, что они имеют вид заговора против его чести, встал, не ответив им.[10]».

ЛЮДОВИК IX И ЕГО ЕПИСКОПЫ.

В другой раз епископ Осерский Ги от имени всех прелатов Франции заявил ему, что «Христианство гибнет в его руках». Король перекрестился, услышав эти слова, и сказал: «Как это?». «Сир, – сказал епископ, – сегодня насмеются над отлучениями. Прикажите вашим прево и бальи принуждать захватом их имущества к получению отпущения тех, кто останется под отлучением в течение года и дня». На это король ответил, не посоветовавшись ни с кем, что он охотно исполнит это желание при условии, что ему позволят проверить, было ли отлучение произнесено по праву. «И я привожу вам, – сказал он, – пример графа Бретани, который семь лет судился с прелатами Бретани, будучи отлученным. Он так сделал, что папа осудил прелатов. Если бы я принудил графа получить отпущение по истечении первого года, я поступил бы несправедливо перед Богом и перед ним». Он часто принимал в том же тоне просьбы епископов: «На одном парламенте, – рассказывает Жуанвиль, – прелаты попросили короля прийти поговорить с ними наедине. Когда он вернулся, он рассказал нам, тем, кто ожидал его в Палате прошений, о мучении, которое он испытал». Сначала архиепископ Реймский обратился к нему так: «Сир, что вы мне сделаете с опекой над Сен-Реми де Реймс, которую вы у меня отнимаете? Ибо, святыми, здесь находящимися, я не хотел бы иметь такой грех, как у вас, за все королевство Франции!» – «Святыми, здесь находящимися, – сказал король, – вы охотно бы его имели за Компьень, из-за алчности, которая в вас». Затем, в свою очередь, епископ Шартрский был отбит такими словами: «Он просил меня, чтобы я велел ему вернуть то, что я держал из его имущества. Я сказал ему, что ничего этого не сделаю, пока мне не заплатят, что он мой человек своими руками (мой вассал) и что он не ведет себя ни хорошо, ни верно по отношению ко мне, когда хочет меня лишить наследства». Наконец, епископ Шалонский заговорил, чтобы пожаловаться на Жуанвиля: «Сир епископ, – сказал король, – вы установили между собой, что нельзя выслушивать отлученного в светском суде, и я видел письма, скрепленные тридцатью двумя печатями, что вы отлучены; поэтому я вас не выслушаю, пока вы не будете отпущены». «И я показываю вам эти вещи, – добавляет сенешаль Шампани, – чтобы вы ясно видели, как он сам, своим умом, избавился от того, что ему нужно было сделать».

РЕШИТЕЛЬНОСТЬ.

«Ум» Людовика IX, который Жуанвиль называет также его «мудростью», был, действительно, так же тверд, как его воля. Его отношение к советам и советникам замечательно. «Не было столь мудрого в его Совете, как он сам... Когда ему говорили о каких-либо делах, он не говорил: "Я посоветуюсь", но, когда он видел право совсем ясным, он отвечал без своего Совета, сразу». Не то чтобы он претендовал действовать как самодержец, ни с кем не советуясь: наоборот, как истинный феодальный король, он очень часто запрашивал мнения своих баронов и своего окружения; но он не обязывался им следовать. В делах, где он был стороной, он остерегался вероятных угодливостей своих людей; читаем в его Наставлениях: «Если у кого-то спор с тобой, будь всегда за него и против себя, пока не узнают истину, ибо так твои советники будут судить смелее по праву и по истине». История Матье де Три хорошо показывает его щепетильность в этом отношении: «Монсеньор Матье де Три принес королю письмо, дарственную, недавно сделанную названным королем отцу графини Булонской на графство Дамартен-ан-Гоэль. Печать письма была сломана, и он показал ее нам, тем, кто был в его Совете, чтобы мы помогли ему своими советами. Мы все заявили, что он ничуть не обязан признавать действительность этого письма. Но он сказал нам: "Сеньоры, вот печать, которой я пользовался до отъезда за море; хорошо видно, что оттиск сломанной печати подобен целой печати (образец которой вот); почему я не осмелился бы, по доброй совести, удерживать названное графство". Тогда он позвал монсеньора Матье де Три и сказал ему: "Я возвращаю вам графство". Жуанвиль живо изобразил великий Совет, собранный в Акре в 1250 году для обсуждения возвращения во Францию, где он сам, один вместе с сеньором де Шатене, боролся против мнения большинства. Король внимательно слушал, призывал к порядку перебивающих и говорил: «Сеньоры, я вас хорошо выслушал, и я отвечу вам в такой-то день, что мне будет угодно сделать». Затем он давал свой ответ с причинами, не заботясь о голосах. Часто он вмешивался без промедления, чтобы разрешить или поправить: «Много раз случалось, что летом он шел садиться в Венсенском лесу, после своей мессы, у подножия дуба, и заставлял нас садиться вокруг него. И все, у кого было дело, приходили говорить с ним без помехи со стороны привратника или кого-либо другого. Он говорил: "Заткнитесь все; вас будут выслушивать одного за другим"; и он звал монсеньора Пьера де Фонтена и монсеньора Жоффруа де Вийетта и говорил одному из них: "Разберите мне эту сторону". И когда он видел что-то, нуждающееся в исправлении, в словах тех, кто говорил за него, он исправлял это своими устами...». Кроме того, хотя упрямый, он был способен дать себя убедить; кажется, он отказался от проекта отречься, чтобы войти в монастырь, как только ему показали его неудобства. Он даже принимал иногда уроки с хорошей миной; и Жуанвиль имел случай дать ему очень тонкие: «Пока король пребывал в Йере, стараясь достать лошадей для возвращения во Францию, аббат Клюни подарил ему двух скакунов, которые стоили бы сегодня пятьсот ливров, одного для него и другого для королевы. На следующий день названный аббат вернулся говорить о своих делах с королем, который выслушал его очень усердно и очень долго. Когда тот ушел, я сказал королю: "Я хочу спросить вас, если вам угодно, выслушали ли вы аббата Клюни более благодушно, потому что он вчера подарил вам этих двух скакунов?" Он подумал и сказал мне: "Воистину да". "Сир, – сказал я, – знаете ли вы, почему я задал вам этот вопрос?" "Почему?" – сказал он. "Чтобы, сир, вы запретили всему вашему присяжному Совету, когда будете во Франции, брать что-либо у тех, у кого будут дела перед вами; ибо будьте уверены, что если они будут брать, они охотнее и усерднее будут выслушивать тех, кто им будет давать, как вы сделали с аббатом Клюни". Тогда король позвал всех своих советников и рассказал им, что я сказал; и они сказали, что я дал ему хороший совет...».

В итоге, Людовика IX можно считать ответственным за политику, которой он следовал. Он делал то, что хотел. – Но что же он хотел? – Каковы были его политические идеи?

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ.

Конечно, никогда человек, облеченный властью управлять людьми, не имел более прямых намерений. «Великая любовь, которую он питал к своему народу, – говорит Жуанвиль, – хорошо проявилась в том, что он сказал монсеньору Людовику, своему старшему сыну, во время очень тяжелой болезни, которая случилась с ним в Фонтенбло: "Прекрасный сын, я умоляю тебя сделать так, чтобы тебя любил народ твоего королевства, ибо, истинно, я лучше хотел бы, чтобы шотландец пришел из Шотландии и управлял королевством хорошо и верно, чем чтобы ты управлял им плохо"».

Он упорствовал, напротив, в отъезде в крестовый поход, несмотря на энергично высказанное мнение своей матери и своих советников. Анекдот знаменит: заболев, он дал обет в 1244 году взять крест; ему его дали, чтобы успокоить; после его выздоровления его умоляли снять его, но тщетно.[17] В 1247 году, когда король собрал около середины Великого поста главных сеньоров королевства, Гийом, епископ Парижский, воспользовался этим случаем, чтобы предпринять последнюю попытку против его решения: «Сир, – сказал он, – сложите крест, чтобы не потрясать Францию; вы были в бреде; вы не владели своими чувствами». Королева Бланка, братья короля присоединили свои голоса к голосу епископа; сам папа написал, чтобы оставить проект. Людовик IX казался поколебленным. «Да будет ваша воля», – сказал он, вручая свой крест Гийому. Но радость была недолгой: «Нахожусь ли я теперь в бреде? – воскликнул он. – Владею ли я своими чувствами? Что ж, верните мне крест Господа нашего Иисуса Христа. Всеведущий мне свидетель, что я не приму пищу, пока не возьму его снова...»

Управлять хорошо – Людовик IX сам заявил в своем духовном завещании, адресованном будущему Филиппу III, что он понимал под этим: не удерживать ничего из имущества или прав другого, следить, чтобы подданные жили в мире и правоте, не воевать против христиан, кроме как в крайней необходимости, улаживать ссоры, «как делал святой Мартин», препятствовать вокруг себя греху и ереси. Ибо королевское достоинство было в его глазах, по выражению Гийома де Шартра, истинным «священством». Он, таким образом, руководствовался в свете двух идей: идеи права, идеи спасения. «Озабоченный более, чем можно поверить, вечным спасением душ», ему казалось естественным карать, как преступления, публичные грехи: богохульство, ростовщичество, проституцию, ересь, и всем жертвовать, несмотря на явное нерасположение своего народа, ради заморских крестовых походов. Проникнутый максимой, еще более феодальной, чем христианской: «Каждому свое[11]», он не думал, что посягательство на приобретенные права ближнего, грабеж, воровство, запрещенные между частными лицами вульгарной моралью, оправдывались государственной необходимостью: несправедливым, то есть незаконным, новым притязаниям, будь то императора или папы, он умел, для защиты своего права, преграждать путь со спокойствием, но всякое завоевание, в его глазах, было отвратительно. Столь велико было, в его глазах, благо мира, что он согласился, несколько раз, на жертвы, чтобы доставить его своей стране и своим соседям. У него был принцип примирять своих противников, вместо того чтобы пользоваться их ссорами: «Относительно этих иностранцев, которых король умиротворил, некоторые из Совета говорили ему, что он поступает нехорошо, когда не позволяет им воевать, ибо если он позволит им хорошо обеднеть, они не будут нападать на него, как если бы они были богаты. И король говорил, что его советники неправы, "ибо если соседние принцы увидят, что я позволю им воевать, они нападут на меня из-за ненависти, которую они ко мне будут питать, от чего я мог бы сильно пострадать, не говоря уже о том, что я заслужу ненависть Бога, который сказал: Блаженны миротворцы"...»

Практикуемая двумястами годами ранее, милосердная политика Людовика Святого, возможно, удержала бы французскую монархию в посредственности ее истоков. Но в XIII веке династия Капетингов была уже достаточно сильна, чтобы позволить себе дорогую роскошь идеалистического принца. Людовику IX не пришлось раскаиваться в том, что он доставил Франции, между грозными эпохами Филиппа Августа и Филиппа Красивого, покой и передышку мирного и справедливого правления. Его уважали, его боялись. «Они его боялись, – говорит

Гийом де Шартр, говоря о баронах Франции, – потому что знали, что он справедлив». Он, возможно, единственный король-честный человек, который, уважаемый при жизни, был причислен после своей смерти к великим королям.

ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ.

Достоверно, однако, что по простоте, по наивности, по невежеству, платя дань своей совершенной святости, он совершил серьезные ошибки.

Вся его египетская кампания была подготовлена и проведена с заметным неумением. Король Норвегии Хокон, которого Людовик пытался увлечь с собой за море, обманул его. На Кипре, в 1248 году, прибыли в лагерь франков послы хана татар, императора Китая, врага мусульман, который предлагал помочь христианам победить султана Египта и завоевать Сирию. Король принял их «очень благодушно» и не нашел ничего лучше, как отправить к хану Мунке через монаха Рубрука «палатку алую, сделанную в виде часовни, где были вырезаны изображениями Благовещение Пресвятой Девы и все другие пункты веры», «чаши, книги, все, что нужно для пения мессы»; он хотел таким образом «привести татар к нашей вере», и монахи, носители этой часовни, были нагружены показать хану, «как он должен верить»; он навлек на себя таким образом весьма бесцеремонный ответ, и мусульманская Сирия была спасена. Между Дамьеттой и Мансурой, и во время отступления, глава армии накопил ошибки; рассказы свидетелей, таких как Жуанвиль, Жан Сарразен и анонимный продолжатель Жана Сарразена, показывают это. Людовик IX никогда ничего не понимал ни в Востоке, ни в исламе: когда он был захвачен мусульманами, среди крестоносцев распространился абсурдный слух, что эмиры собираются избрать франкского короля, своего пленника, на место покойного Султана; спрошенный Жуанвилем, принял ли бы он, если бы представился случай, «королевство Вавилонское», он заявил, что, «истинно, он не отказался бы». Но в 1269 году особенно ослепила Людовика IX его склонность к пропаганде, и явно проявился избыток его наивности. «Те согрешили смертно, – говорит Жуанвиль, – кто посоветовал ему поход на Тунис». Тунисская экспедиция, этот второй крестовый поход, предпринятый против совета мудрых людей, безо всякого шанса на успех, была действительно пагубной одновременно для Франции и для дела Святой Земли. Итак, Людовик IX отправился в Тунис потому, что он верил, в доброй вере, что князь этой страны, Эль-Мустансир, имел желание стать христианином. Он говорил: «О, если бы я мог стать восприемником такого крестника!»; и перед посланцами этого варварского властителя, которые были представлены ему в Париже, он изливался в изливаниях: «Скажите вашему господину, что я столь живо желаю спасения его души, что охотно согласился бы быть в тюрьмах сарацин все дни моей жизни, никогда не видя света неба, лишь бы он обратился, dummodo rex vester et gens sua fierent christiani [лишь бы ваш король и его народ стали христианами]». Обычно соглашались признать, что Людовик Святой был в этом случае «слишком доверчив».

III. ОКРУЖЕНИЕ ЛЮДОВИКА IX

Если фигура Людовика IX освещена ярким светом, то фигуры его близких и его друзей, за исключением сеньора де Жуанвиля, уже входят в полумрак, в который погружены Филипп Смелый, Филипп Красивый и их современники.

БЛАНКА КАСТИЛЬСКАЯ.

Характер Бланки Кастильской был, как мы видели, мужественным; Людовик IX всегда сохранял в присутствии своей матери поведение маленького ребенка, нежного и покорного.[12] Когда он узнал о ее смерти в Яффе в 1253 году, «он так сильно горевал, что два дня с ним нельзя было говорить. После чего, – рассказывает Жуанвиль, – он послал за мной через слугу своей спальни... Когда он увидел меня, он протянул руки и сказал: "Ах, сенешаль, я потерял свою мать". "Сир, – сказал я, – я этому не удивляюсь, ибо она была смертна; но я удивляюсь, что вы, будучи мудрым человеком, так сильно гореваете; ибо вы знаете, что, по словам мудреца, горе, которое имеет человек в сердце, не должно появляться на лице, ибо

поступать иначе – значит радовать своих врагов и печалить своих друзей"». Конечно, сеньор де Жуанвиль не разделял в этом случае скорби своего господина: «Госпожа Мария де Вертю пришла сказать мне, что королева также очень сильно горевала, и просила меня пойти к ней, чтобы утешить ее. Я застал ее плачущей и сказал ей: "Правда, что нельзя верить женщинам, ибо это та, которую вы больше всего ненавидели, умерла, а вы так горюете!" И она сказала мне, что плачет не по королеве Бланке, а из-за горя короля и из-за своей дочери, которая осталась во Франции под опекой людей"».

МАРГАРИТА ПРОВАНСКАЯ.

Королева Маргарита, старшая дочь Раймунда Беренгера, графа Прованского, вышла замуж за Людовика в Сансе 27 мая 1234 года. В первые годы своего брака она много страдала от ревности своей свекрови. Сенешаль Шампани позаботился сообщить об этом потомству: «Суровости, которые королева Бланка проявляла к королеве Маргарите, были таковы, – говорит он, – что королева Бланка не желала, насколько могла, чтобы ее сын был в обществе своей жены, разве что вечером, когда он шел спать с ней. В Понтуазе апартаменты короля и королевы, расположенные один над другим, сообщались винтовой лестницей; они назначали свидания на этой лестнице. И они так согласовали свои дела, что когда привратники видели, что идет королева Бланка в комнату ее сына, они стучали в дверь своими жезлами, и король прибегал в свою комнату, чтобы его мать нашла его там; и так же делали, в свою очередь, привратники комнаты королевы Маргариты, когда туда приходила королева Бланка, чтобы та нашла там королеву Маргариту. Одна раз король был у королевы, своей жены, и она была в очень большой опасности смерти, потому что была ранена ребенком, которого родила. Королева Бланка пришла туда, взяла своего сына за руку и сказала ему: "Пойдемте, вы здесь ничего не делаете". Когда королева Маргарита увидела, что свекровь уводит короля, она воскликнула: "Увы! Вы не оставите мне увидеть моего господина ни мертвой, ни живой". И тогда она упала в обморок; подумали, что она умерла; и король, который решил, что она умирает, вернулся; и с большим трудом ее привели в чувство». С другой стороны, известно, что Людовик IX был верным супругом, но, кроме своей юности, во времена тайных встреч на лестнице в Понтуаже, без любви. Добрый Жуанвиль, который констатирует этот факт, не стесняется сказать, что он об этом думает: «Я пробыл, – говорит он, – пять лет рядом с королем, без того чтобы он говорил о королеве или о своих детях, ни со мной, ни с другими; и это не была хорошая манера, как мне кажется, быть чужим для своей жены и своих детей». К тому же холодность, недоверие короля к Маргарите были общеизвестны. Генрих III, король Англии, и Людовик IX женились на двух сестрах; очень слабый, Генрих III был явно управляем Алиенорой Прованской, и говорили в Англии, согласно Матвею Парижскому, что король Генрих, этот слишком хороший муж (ихогий), хорошо бы сделал, подражая примеру очень благоразумного короля Франции, своего шурина, который не позволял себя мучить ни женой, ни родственниками, ни соотечественниками своей жены. В 1269 году Людовик IX перед отъездом в Африку не поручил, как было принято, охрану королевства королеве; он специально оставил ее двум своим советникам.

У короля были свои причины, ибо Маргарита Прованская не была простой женщиной, всецело занятой, как многие другие принцессы, рождением и воспитанием детей, хотя их у нее было много. Она была энергична, как мужчина. В Дамьетте она была героической. «За три дня до того, как она родила, – говорит Жуанвиль, – ей пришла весть, что король взят в плен; перед ее кроватью был старый восьмидесятилетний рыцарь, который держал ее за руку; она велела всем выйти из своей комнаты, кроме этого рыцаря, и, становясь перед ним на колени, попросила у него милости; рыцарь поклялся ей: "Я прошу вас, – сказала она, – верностью, которую вы мне дали, чтобы если сарацины войдут в город, вы отрубили мне голову, прежде чем они возьмут меня". И рыцарь ответил: "Будьте уверены, что я охотно это сделаю, ибо я уже думал об этом". В самый день родов ей сказали, что пизанцы и генуэзцы хотят бежать. На следующий день она велела позвать их всех перед свою кровать, так что комната наполнилась, и сказала им:

"Сеньоры, ради любви к Богу, не покидайте этот город; ибо вы видите, что монсеньор король был бы потерян, и все, кто с ним, если бы он был взят: Сжальтесь над этой жалкой тварью, что вот; подождите, пока я не встану". И когда итальянцы выразили страх быть выморенными голодом, она удержала их всех на жалованье у короля». Таким образом были спасены, временно, и Дамьетта, и король. Но она была честолюбива; у нее были политические страсти, которые не все согласовывались со вкусами ее супруга и с интересами королевства. Людовику IX всю жизнь приходилось ее контролировать. По отцу она была из дома Прованса, а по матери – из дома Савойи, уже известного тогда своей жадностью. Из ее трех сестер одна, Алиенора, была замужем за королем Англии; другая, Санча, – за Ричардом Корнуоллским, королем римлян *in partibus*; третья, Беатриса, вышла замуж после смерти графа Раймунда Беренгера в 1245 году за собственного брата Людовика IX, Карла Анжуйского. Эти союзы создали сложные и трудные семейные отношения. С одной стороны, Маргарита, чье приданое было выплачено лишь частично, оказалась в конфликте с Карлом Анжуйским, который ссылаясь на завещание Раймунда Беренгера в пользу Беатрисы, чтобы безраздельно удержать графство Прованс; с другой стороны, она была приведена к тесному союзу со своими сестрами из Англии, Алиенорой и Санчей, обделенными, как и она, и которые на нее походили. Отсюда ее враждебное отношение к дому Анжу и ее преданность англичанам. Переписки того времени свидетельствуют, что она вмешивалась, чтобы добиться от своего супруга решений, соответствующих желаниям посланцев Англии: «Мы ходили видеть королеву в Сен-Жермен-ан-Лэ, – писали они своему господину в феврале 1263 года, – и изложили ей дела; она велела нам не появляться перед королем, пока она не будет в состоянии помочь в исполнении ваших дел...».

Ее письма показывают ее склонной к интригам, назойливой, неутомимой.[13] У своего шурина Альфонса, графа Пуатье и Тулузы, она ходатайствует в пользу своего кузена Гастона де Беарна, нападавшего на графа де Комменжа; Альфонс отвечает, что жертвой является не Беарн, что это Комменж, и что наиболее пострадавшими жертвами, без сомнения, являются крестьяне, *pauperes agricolae*, которые *semper plectuntur quidquid delirant alii* [всегда расплачиваются за бред других]. Но Генрих III Английский воюет против своих баронов; она приказывает тому же Альфонсу Пуатьескому из любви к ней предоставить суда Ла-Рошели в распоряжение английского короля именно в тот момент, когда Людовик IX пытается воспользоваться своим нейтралитетом, чтобы навязать свое посредничество. Вежливые, но повторяющиеся отказы Альфонса не останавливают ее: когда некоторые купцы из Байонны, из партии Симона де Монфора, графа Лестера, главы английских мятежников, оказываются во владениях графа Тулузского, она не колеблется потребовать ареста этих иностранцев. На этот раз, чтобы ей угодить, граф Альфонс соглашается, но Людовик IX, который узнает об этом, приказывает довольно грубо отпустить всех этих людей. В то же время она пыталась действовать в королевстве Арль; она тайно вела переговоры при папском дворе и в Арагоне против своего шурина Карла; и она не забывала также савойцев, своих родственников по матери: когда Турин и Асти восстали против ее дяди Томаса Савойского, она одолжила ему денег и добилась конфискации имущества астигцев, проживавших во Франции. Словом, грозная женщина, которая, если бы ее не держали под опекой, наверняка навлекла бы на Людовика IX столько же неприятностей, сколько Алиенора навлекла на Генриха III. Это хорошо видно в 1263 году. Король был извещен в том году, что королева тайно заставила своего юного сына Филиппа, наследника трона, поклясться: 1) что до тридцатилетнего возраста он будет повиноваться ей безоговорочно; 2) что он не возьмет ни одного приближенного советника без согласия своей матери; 3) что он никогда не заключит союза с Карлом Анжуйским; 4) что он будет сообщать королеве о дурных слухах, которые будут ходить против нее; 5) что он не будет слишком щедро тратить и 6) что он никому не откроет настоящего обязательства. Ясно, что Маргарита Прованская, лишенная мужем политического влияния, стремилась играть во время будущего правления своего сына ту роль, которую она видела исполняемой в своей юности Бланкой Кастильской. Людовик

получил от папы Урбана IV буллу, освобождавшую Филиппа от его клятвы; это единственный документ, сохранивший след этого маленького заговора. Маргарита, впрочем, долго пользовалась свободой вдовства, и ее поведение при Филиппе III оправдывает Людовика IX, державшего ее в узде.

ЕГО БРАТЬЯ.

Четыре сына Людовика VIII и Бланки Кастильской походили, как кажется, друг на друга попарно поразительным образом: Людовик и Альфонс, кроткие и простые, умеренно крепкие; Роберт и Карл, очень предприимчивые, прекрасные воины, и которые любили войну.

Роберт Артуакий – это тот легкомысленный, страстный к оружию и лошадям, буйный, слишком храбрый, который в Дамьетте оскорбил английских крестоносцев – до такой степени, что они покинули армию, чтобы уйти в Палестину – и был убит в переулках Мансуры вместе с тремястами рыцарями, жертвами его безрассудства. Король плакал, узнав о его смерти, и позднее говорил Жуанвилю не без горечи, что граф Артуакий, если бы он жил, был бы более усерден около него, чем были Альфонс и Карл. Однако из двух оставшихся в живых он предпочитал Альфонса, и Карл этого не игнорировал. Именно Альфонс в 1253 и 1254 годах, до возвращения короля, осуществлял фактически регентство; именно ему король посылал из-за моря новости Святой Земли. Этот персонаж, впрочем, плохо известен; хронисты почти не говорят о нем, тогда как сотни актов его канцелярии сохранились; по этой причине его обычно представляют как принца-бумагомарателя, постоянно занятого административными делами. Апанаж Пуатье и Оверни, женатый около 1237 года на Жанне, наследнице дома Тулузы, он стал после смерти своего тестя в 1249 году хозяином лангедокского Юга и величайшим сеньором Франции. Но он был анемичен, болезнен, немощен (после египетского крестового похода у него было воспаление глаз, приступы паралича); он никогда не проживал в своих землях и жил в Париже или в окрестностях, в Лонгпоне, Корбейле, Гурнэ-сюр-Марн, Мюсси-л'Эвек. «Оттуда, – говорит его последний историк, – каждый день отправлялись курьеры, нагруженные точными и тщательно составленными приказами (для управления его владениями): туда жители его земель приходили излагать свои жалобы и формулировать свои претензии». Если честь его административной переписки не принадлежит целиком его советникам: Сикару Аламану, Понсу Астоо, Жилию Камелену, казначею Сен-Илера де Пуатье и т.д., то нужно заключить, что граф Альфонс был очень ревнив к своим правам, довольно жаден, но очень аккуратен. Кроме того, он был очень набожен, и его рвение к крестовому походу равнялось рвению короля.

Карл, младший в семье, имел больше силы и крови. Этот человек высокий, с резкими чертами, с важным и суровым видом, который мало говорил, не смеялся, – первый из Капетингов, имевший великие судьбы вне Франции. Граф Анжуйский и Прованский, затем сенатор Рима, король Обеих Сицилий, претендент на трон Иерусалима и, для своих, на Латинскую империю Константинополя, он потряс половину Европы и был прославлен или проклят на всех языках. Солдат папы, но хозяин пап; ревностный защитник православия, но искусный в смешении интересов православия с интересами своего честолюбия, он в некоторых отношениях предвосхищает Филиппа Красивого. Хвалили его целомудрие, набожность, мужество, вкус, который он имел к искусствам. Его гордость была легендарной. В конце своей карьеры он приобрел достаточно влияния на королевский дом Франции, чтобы ввергнуть его в страшные авантюры.

ЕГО ДЕТИ.

У Людовика IX было шесть сыновей, из которых старший, Людовик, умер в 1260 году, в шестнадцать лет, и пять дочерей. Он заботился об их воспитании. Филипп, который наследовал ему, описал следователям процесса канонизации упражнения, которые их отец обычно налагал на него и его братьев. Его поведение в присутствии святого короля было, кажется, немного робким, ни он, ни Пьер Алансонский, ни Роберт Клермонский, ни Тибо Шампанский,

король Наварры, супруг их сестры Изабеллы, не были непринужденны с отцом. «Король, – рассказывает Жуанвиль, – позвал монсеньора Филиппа, своего сына, и короля Тибо, и сел у двери своей молельни, и положил руку на землю, и сказал: "Сядьте здесь, совсем рядом со мной, чтобы нас не услышали". "Ах! Сир, – сказали они, – мы не посмеем сесть так близко к вам". И он сказал мне: "Сенешаль, сядьте здесь"; затем, обращаясь к ним: "Вы плохо поступили, будучи моими сыновьями, не сделав с первого раза то, что я вам приказал. Смотрите, чтобы это не повторилось". И они сказали, что больше не будут».

ЕГО ПРИБЛИЖЕННЫЕ.

Таким образом, отношения Людовика IX с женой, братьями, детьми были скорее корректными, чем сердечными. Некоторые из его приближенных, несомненно, проникли глубже в его доверие. Но из этих «друзей» короля лишь один позаботился дать себя узнать: Жуанвиль. По вполне естественной оптической ошибке, потомство видело только его. Однако сенешаль Шампани, родившийся в 1225 году, был допущен к Людовику лишь с египетского крестового похода. Да и в Египте он не был ни одним из самых заметных вождей, ни одним из самых блестящих рыцарей армии, где он сражался на втором плане. Правда, во время пребывания в Святой Земле, после возвращения в Европу большинства крестоносцев, он жил с королем в довольно тесной близости. Но после 1254 года он оставил королевскую службу: пресыщенный приключениями, он отныне проживал в Шампани, чтобы восстановить процветание своих владений, подорванное его отсутствием. Общительный по характеру, он часто приезжал ко Двору, где его хорошо принимали: мы видим его там, например, в 1259, 1260, 1266, 1267 годах; но он не имел там значения. Людовик IX высоко ценил верность и хороший нрав сеньора де Жуанвиля, своего старого товарища по войне и путешествиям, но не удостоивал его своими доверительными беседами, и в государственных делах он его не советовался. Если бы его советовались, добрый сенешаль, который в истории своего господина без зазрения совести вставил свою собственную, не преминул бы сказать об этом. Сорок лет спустя после смерти Людовика Святого он все еще посещал французский Двор, знаменитый своей сентенциозной мудростью и своей учтивостью в старой моде. Тогда-то он и составил свою книгу, какова она у нас есть, эти милые рассказы немного болтливового старика, красочные, живые, бессвязные, которые одновременно раскрывают его удивительный дар выражения, границы его ума и посредственность его роли.

Сам Жуанвиль сообщает нам имя того, кто был излюбленным исполнителем воли Людовика IX: «монсеньор Пьер Шампанский, человек в мире, которого он (король) считал самым [верным]», «самый верный и правдивый человек, какого я когда-либо видел в доме короля». Этот персонаж из дома Вильбеон – которого не следует смешивать с Пьером Безобразным из Шамбли, шампанским в 1269 году – был уже в 1250 году первым при Дворе. Иностранцы знали это, когда в марте 1261 года Генрих III и Симон де Монфор выбрали короля Франции арбитром их спора, они обозначили дополнительно, на случай если король откажется от этой обязанности, «монсеньора Пьера Шампанского». Отмечали как поразительное доказательство твердости Людовика IX то, что он отказал этому очень дорогому слуге, «одному из своих главных секретарей», в помиловании осужденного. Он последовал за Карлом Анжуйским на завоевание Обеих Сицилий. Из Туниса, несколько дней спустя после смерти Людовика IX, Тибо Наваррский заверял епископа Тускулумского, что новый король оказывает большое благоволение «монсеньору Пьеру»; но «монсеньор Пьер» вскоре умер после своего господина; он был похоронен в базилике Сен-Дени у ног того, кто так его любил.

Жан де Бомон, пикардийский рыцарь, камергер Франции, также долгое время пользовался большим влиянием: Иннокентий IV, спасенный королем из когтей Императора, писал Жану де Бомону в самых лестных выражениях и благодарил его за то, что он определил своего государя, королеву-мать и принцев поддерживать Церковь. Это был сварливый, угрюмый сеньор. Жуанвиль изобразил его в рассказе о Совете, собранном в Акре в 1250 году. Когда

Гийом де Бомон, его племянник, маршал Франции, защищал в этом Совете мнение, противоположное его собственному: «Грязная дрянь, – воскликнул он, – что вы хотите сказать? Замолчите!» «Мессир Жан, – сказал король, – вы поступаете плохо; дайте ему говорить». «Конечно, сир, я этого не сделаю». С другой стороны, проповедники конца XIII века охотно рассказывали с кафедры анекдот того же рода. Однажды, когда Жан де Бомон обедал рядом с Гийомом, епископом Парижским, он резко спросил его: «Для чего служит вода, которая перед вами?» «Эта вода, – ответил прелат, который, действительно, пил много, и совсем не воду, исполняет как раз ту же службу за моим столом, что и вы при Дворе короля». «Значит ли это, что я ни на что не годен, мессир?» «Напротив. Когда вы во дворце, если какой-нибудь принц или граф хочет возвысить голос, вы тотчас же читаете ему наставление и заставляете его замолчать. Если рыцарь или кто-либо другой говорит слишком свободно, вы призываете его к порядку. Точно так же, если мое хорошее анжерское, сен-пурсенское или осерское вино захотят мне повредить, я прибегну к противодействующему духу этой бутылки с водой, чтобы лишить вино силы...».

К чему перечислять других приближенных Людовика Святого? За исключением тех, кто писал, как Робер де Сорбон – добрый магистр Робер, столь прямой и гордый, чье насмешливое лицо дополняет лицо Жуанвиля[14] —, о них известно лишь их имена. Обильная литература XIII века не сохранила самого мимолетного отражения личности этих «клириков» и «рыцарей короля», которых грамоты, счета и хроники показывают облеченными конфиденциальными миссиями или высшими должностями.[15] Что известно о коннетабле Имбере де Божё, маршалах Франции Ферри Пасте и Анри де Курансе, о Ги Ле Ба, Жоффруа де Ла Шапеле, Жане де Суази, Жерве д'Эскренне? И эти прелаты, которые после Готье Корню были исполнителями воли короля: Жан де Ла Кур, Рауль Гроспарми, носившие печать короля, Матье де Вандом, аббат Сен-Дени, который вместе с Симоном де Нелем дважды был облечен, в отсутствие короля, «опекой» королевства, и столь многие другие? Они прошли, не оставив следов, или почти. Некоторые были еще живы во время следствия по канонизации Людовика IX; их допрашивали; но Исповедник королевы Маргариты, который разбирал свитки следствия, почти не приводит слов, способных сообщить о тех, кто их сказал.

ДВОР ЛЮДОВИКА IX.

По другим документам (счета, регламенты Дома и т.д.) можно, по крайней мере, составить представление об этом патриархальном Дворе, который постоянно перемещался из аббатства в аббатство, из королевского дома в королевский дом, через великие леса домена, вокруг Парижа. Маршрут Людовика IX, составленный в наше время по грамотам, указывает резиденции, которые он предпочитал: монастырь Мобюиссон близ Понтуаза, замок Венсенн, сельские дома или «беседки» Лиона (Ля Фоли-ан-Лион), Сен-Жермен-ан-Лэ, Фонтенбло, Лорри, Монтаржи, Пуасси, Вернон... Известны имена, жалование и функции слуг короля. Известно, наконец, что он терпел около себя только безупречных людей; он управлял своим «домом» с крайней суровостью: люди были исключены из него за грех с женщинами или за пренебрежение постом: «Часто наводи справки о тех, кто в твоём доме, – наставляет Людовик Святой своего сына, – чтобы узнать, как они себя ведут...».

Двор Людовика Святого не был потревожен никаким скандалом. Во-первых, у короля не было ни фаворита, ни первого министра. Великая особенность, ибо почти все его предшественники имели таковых: достаточно назвать Сугера, Гэрена де Санлис, Этьена де Гарланда, Робера и Жилия Клеманов; и его непосредственные преемники должны были возобновить традицию с Пьером де Ла Бросс, Флотом, Ногаре, Мариньи. Затем, советники Короны были почти все в то время уроженцами старых провинций между Соммой и Луарой, сердца и колыбели монархии: Орлеане, Гатинэ, Иль-де-Франс, Бовези, Пикардия. Конечно, не то чтобы Людовик IX создал себе в этом отношении систему: Жуанвиль говорит, что он искал «всяких людей, которые верили в Бога и любили его»; например, он «дал должность коннетабля монсеньору Жилу Ле Брену, который не был из королевства Франции [он был из имперской Фландрии],

потому что монсеньор Жиль имел великую славу веры в Бога и любви к нему». Но он унаследовал от своего отца и деда правительственный персонал, который он сохранил и который был французским. Позднее недавно присоединенные провинции, Нормандия, Лангедок, и даже итальянские республики, заселили капетингский Двор экзотическими министрами, чуждыми духу и привычкам «добропорядочных людей» собственно Франции, которые принесли с собой грозные новшества. В честном окружении Людовика IX еще царили старые нравы, в гармонии с нравом господина.

[1] Когда папа Бонифаций VIII 6 августа 1297 года подвел итог долгого процесса канонизации Людовика IX, начавшегося в 1273 году, он заявил, что одно только последнее следствие потребовало больше писанины, чем может унести осел. Все, кто знал Людовика IX, были призваны рассказать свои воспоминания, речи, которые он держал в их присутствии. Свитки этих следствий по канонизации, кажется, исчезли из архивов Святого Престола; от них остались лишь короткие фрагменты (опубликованы А.-Фр. Делабордом в *Memoires de la Société de l'histoire de Paris et de l'Ile-de-France*, т. XXIII, 1896); но у нас есть расширенные показания в форме мемуаров трех главных свидетелей: Жоффруа де Больё, исповедника короля; Гийома де Шартра, его капеллана; Жана де Жуанвиля, его друга. Кроме того, брат Гийом де Сен-Патю, исповедник королевы Маргариты в течение восемнадцати лет, имевший в руках свитки следователей, методично расположил (между декабрем 1302 и октябрем 1303) сделанные из них выписки в книге на латыни, чей французский перевод сохранился под заглавием: *Vie monseigneur saint Louis* (изд. Делаборда, 1899). Невероятно, чтобы Исповедник внес в свою компиляцию, как говорили, «всю суть» документов, послуживших для канонизации святого; но достоверно, что он собрал главные. Это прямые свидетельства необычайной точности, колорита и свежести. К ним нужно добавить отголосок народной традиции, переданный нам через историйки, заимствованные из истинной или легендарной биографии героя, которыми проповедники времен Филиппа III и Филиппа IV любили украшать свои проповеди.

Историки Средневековья не часто располагают столь обильными и качественными источниками. Людовик IX, возможно, единственный персонаж французского Средневековья, о котором можно составить столь же ясное представление, как о Генрихе IV или Людовике XIV. Поэтому ученые, писатели, такие как Вите, Валлон, Лекуа и др., пытались набросать физиономию святого короля. Современных «портретов» Людовика IX бесчисленное множество. Последний по времени был в 1900 году у Сепе; *Saint Louis*, 1898. См. *Revue de Paris*, 1 сентября 1897.

[2] Кажется даже, что светские клирики были шокированы его скромностью, считая ее чрезмерной: «Они совершают смертный грех, – говорил один проповедник, – эти братья-проповедники, которые советуют королю столько смирения». Фома Кантимприйский защищает своих собратьев, замечая, что Людовик IX в этом отношении вел себя почти так же, как его предки: «Преславный король Филипп, его дед, носил только камлот в обычное время, и король Людовик VIII, его отец, я никогда не видел его в пурпуре».

[3] Людовик IX, очень озабоченный этой практикой, говорил о ней с Жуанвилем: «Он спросил меня, омываю ли я ноги бедным в Великий Четверг. Сир, сказал я, несчастье, ног этих вилланов никогда не омою я! И он сказал, что я не должен так думать..., ибо король Англии [Генрих III] омывает ноги прокаженным и целует их».

[4] Кардинал Эд де Шаторо также говорит в одной проповеди о людях, которые прячутся, чтобы исполнить свои религиозные обязанности, из страха, что их назовут «ханжами» (Б. Оро, *Notices et extraits de quelques manuscrits latins*, VI, p. 214). Кардинал Жак де Витри, со своей стороны, обвиняет сеньоров того времени в том, что они хвастуны нечестия, которые стараются создать пустоту вокруг проповедников, насмехаясь над теми, кто идет их слушать (*Journal des Savants*, 1888, p. 415).

[5] Рассказывают, что Генрих III во время одного из своих пребываний в Париже в 1259 году три дня подряд опаздывал к часу заседания парламента, куда был созван, потому что останавливался послушать мессу во всех церквях, которые встречались по пути от его отеля до дворца Сите; не оставалось иного средства, как попросить на четвертый день кюре не служить мессу до прохода английского короля и закрывать перед ним дверь. «Дорогой кузен, – сказал бы Людовик, – к чему столько месс?» «А вы, – ответил бы Генрих, – к чему столько проповедей?». Людовик IX очень высоко ценил добродетели Генриха III и запрещал в своем присутствии подшучивать над этим очень набожным персонажем, своим противником. Некий Юг де Нортгемптон, кожевник, поселившийся в Сен-Дени во Франции уже тридцать лет, насмеялся при Филиппе III над теми, кто молился у гробницы Людовика IX, «и говорил, что король Англии был лучше человеком».

[6] «Когда я навещал братьев в Осерре, – говорит Салимбене в своих Мемуарах, – король пришел рано утром в воскресенье, чтобы просить молитв монахов. Он взял с собой только трех братьев и несколько сержантов, которые охраняли лошадей. Преклонив колени и отдав почтение перед алтарем, братья короля искали скамьи, чтобы сесть, но король сел на землю, в пыль, как я видел своими глазами, ибо церковь не имела пола. Он позвал нас, говоря: "Слушайте меня, мои очень милые братья". Мы образовали круг вокруг него...»

[7] Есть и другие, особенно в Жизни, написанной Гийомом де Сен-Патю. Король прислуживал монахам Руайомона в трапезной, из смирения. Их было много, и это было очень утомительно. «И поскольку миски были слишком горячими, он иногда обертывал руки своей мантией, что не мешало ему проливать содержимое. И аббат говорил ему, что он пачкает свою мантию; и блаженный король отвечал: "Не беда, у меня есть другая". Когда он проезжал через Шатоннеф-сюр-Луар, старуха на пороге своего дома окликнула его, держа в руке кусок хлеба: "Король, – сказала она, – этим хлебом, который от твоей милостыни, кормится мой муж, который лежит больной". Король взял хлеб и сказал: "Довольно грубый хлеб"; и он вошел в дом».

[8] Показание Карла Анжуйского перед папскими следователями, в *Notices et Documents publiés par la Société de l'Histoire de France* (1884), p. 165.

[9] Вот несколько из них. Однажды после очень утомительного заседания парламента король вернулся в свою комнату; шестнадцать камергеров и слуг, которые должны были там дежурить и обычно его там ожидали, ушли гулять. Напрасно их звали во дворец, в сад: некого было позвать служить. Виновные, не слишком уверенные в последствиях приключения, обратились к брату Пьеру де Шуази, чтобы он вымолил им прощение. И когда Пьер де Шуази сказал королю, что камергеры не осмеливаются, после случившегося, показаться перед ним, он ответил смеясь: "Идите, идите. Вы печальны, потому что поступили плохо; я вам прощаю; смотрите, не повторяйте". В тот же день Двор отправился ночевать в Венсенн; во время ужина король попросил сюрко, который он обычно надевал, садясь за стол. Тогда у людей хорошего тона было принято надевать сюрко (в форме блузы) поверх одежды перед тем, как сесть за стол, чтобы избежать пятен. Но сюрко не оказалось; его забыли в Париже; вот король вынужден поужинать, в виде исключения, в своей плащ-накидке с рукавами. И он говорит своим рыцарям, которые ели с ним: "Что вы скажете? Хорошо ли я в своей накидке за столом?" Другой раз Людовик был в Нуайоне и обедал в своей комнате со своими рыцарями под каминной полкой, ибо была зима, а камергеры ели в соседней комнате. После обеда собрались вокруг огня, и король, рассказывая историю, сказал, беседуя: "И я на том стою!" Тогда один из камергеров по имени Жан Бургуньет, который, без сомнения, был немного пьян, не расслышав, что рассказывал король, а лишь уловив на лету утвердительное восклицание, воскликнул: "Вы на том стоите! Вы не менее человек, чем другой". Один из его коллег, Пьер де Лан, схватил Бургуньета за руку и сказал ему тихо: "Что вы сказали? Вы не в своем уме, чтобы так говорить с королем?" Но другой с упорством ответил очень громко: "Да, да, да, он всего лишь человек,

человек, как другой!" Король, заявил позднее Пьер де Лан папским следователям, все слышал, посмотрел на Бургуньета и «оставил свой рассказ»; он не наказал грубого человека.

[10] Сравните историю богатой буржуазки из Понтуаза, которая, после того как ее любовник отравил ее мужа, велела бросить труп в отхожее место. Королева, графиня Пуатье, другие дамы Двора и даже братья-проповедники и братья-минориты умоляли короля ее помиловать или, по крайней мере, приказать, чтобы казнь не происходила в Понтуазе. Ничего не добились. См. также у Жуанвиля дело Гуго де Жуа, маршала Храма, который дал от имени короля, без его ведома, слово султану Дамаска: «Ни магистр тамплиеров, ни королева, ни другие не смогли помочь брату Гуго».

[11] Где, как говорит Филипп де Бомануар: «Все новшества запрещены». Пожалуй, нет черты, более характерной для уважения Людовика Святого к чужому праву, чем та, которую приводит Исповедник: «Когда король слушал на кладбище приходской церкви Витри проповедь брата Ламбера из Ордена братьев-проповедников, сидя у ног названного брата, в присутствии множества народа, случилось, что в таверне, довольно близкой к кладбищу, собрание производило большой шум, мешавший слышать проповедь. Тогда король спросил, кому принадлежит юстиция места. Ему ответили, что ему, и он велел своим сержантам прекратить шум. И считается, что он спросил, кому принадлежит юстиция, чтобы не посягать на юрисдикцию другого».

[12] Хронист Лука Туйский сообщает, что святой Фердинанд, король Кастилии, двоюродный брат Людовика Святого – он был сыном королевы Беренгарии, сестры Бланки, – «никогда не переставал выказывать своей матери детское послушание».

[13] Э. Бутарик, *Marguerite de Provence*, в *Revue des questions historiques*, т. III, 1867

[14] Как Жуанвиль в своих Мемуарах, Робер де Сорбон изобразил себя целиком в своих «речах», собранных и прекрасно прокомментированных Б. Оро, *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*.

[15] Едва ли есть в Мемуарах Жуанвиля несколько слов о Жане де Валери, добропорядочном человеке, который смело требовал в Египте, вопреки королю и легату, «добрые обычаи» заморских земель, и о Жоффруа де Саржине, который после Мансуры защищал короля от сарацин «как добрый слуга защищает от мух кубок своего господина». Салимбене видел в Сансе в июне 1248 года Эда Риго, архиепископа Руанского: «Когда король Франции, – говорит он, – шел в капитул, все наши братья вышли ему навстречу, чтобы достойно принять его. И брат Риго из ордена миноритов, архиепископ Руанский, облаченный в понтификальные одежды, вышел из дома и шел в большой спешке к королю, крича: "Где король?" Я следовал за ним, и он шел совсем один, растерянный, с митрой на голове, с пастырским посохом в руке». Этот прелат слыл умным человеком; сохранилось несколько его остроумий, которые сегодня уже не смешат (Лекуа де Ла Марш, *La société au XIIIe siècle*, p. 122). Протоколы его диоцезальных визитаций знамениты.

III. – Внутренняя политика. Король и нация; 1235-1270 гг.

I. ДВОРЯНСТВО.

ФИЛИПП АВГУСТ, продолжая дело своих предшественников, добился больших успехов для Капетингской монархии. Фронда, последовавшая за смертью Людовика VIII, не нанесла никакого ущерба. Людовик IX по достижении совершеннолетия был очень могущественным королем. Уважая права других, будучи самым консервативным человеком, каким мы его знаем, он должен был довольствоваться наследством, обеспеченным ему предками. Сохранить Францию в ее границах и общество в том состоянии, в каком они были на момент его восшествия на престол, – таким, по сути, был его идеал. Но, столь же ревниво оберегая свое право, или то, что он считал своим правом, как и уважая права других, он не должен был колебаться, защищаясь от посягательств дворянства, которое, хотя и было сломлено, еще не стало безобидным, а также духовенства. Вся жизнь перед его глазами стояли сцены из времени его малолетства: отступление из Монлери, дороги, перехваченные вооруженным дворянством, добрые люди Парижа, освободившие его, – воспоминания, весьма способные внушить ему ужас перед мятежом.

Кроме того, полный доверия к умению своей матери, он оставлял ей, пока она была жива, решающее влияние в своих Советах. Царствование королевы Бланки продлилось далеко за пределы законного срока ее «управления». После, как и до 1235 года, Бланка фигурирует в публичных актах рядом с Людовиком, она присутствует на встречах сына с принцами и иностранными посланцами; она принимает «прошения, доклады, обязательства; она навязывает свою волю. Никто не был в неведении о ее власти. Когда один человек, которому сенешаль Пьер д'Атье отказал в слушании, пригрозил пожаловаться королю: «Ах! – воскликнул сенешаль, – я дал бы сто марок серебра, чтобы больше не слышать ни о короле, ни о королеве!»

ДВОРЯНСТВО.

Рука Бланки Кастильской видна, в частности, в энергичных демонстрациях, которые рассеяли, на следующий день после совершеннолетия Людовика IX, неподвижные опасности, почти сравнимые с теми, от которых десятью годами ранее угрожали Короне.

НОВАЯ КОАЛИЦИЯ.

Тибо Шампанский, ставший королем Наварры, никак не мог утешиться от того, что уступил королю за сорок тысяч ливров оммаж за Блуа, Шартр, Сансерр и Шатодён, древнее наследство своего дома. У него не было никакой надежды вернуть их через судебный иск перед судом пэров. Он взялся за оружие. От первого брака у него была дочь, Бланка, наследница Наварры, ранее обещанная принцу Бургундскому, затем принцу Кастильскому; внезапно, 16 января 1236 года, он выдал ее замуж за Жана Рыжего Бретонского, сына Пьера Моклерка, без согласия короля, которого он был обязан запрашивать. Союз Бретани и Шампани, столь страшившийся и столь грозный, был таким образом заключен. Тибо и Пьер надеялись получить гарантии от графа Бургундии, графа Бара, графа Макона, сеньора де Куси; папа предоставил разрешение на совершение брака; Гуго де ла Марш, верный делу Бланки в последние годы малолетства, пообещал Тибо свою поддержку.

Тогда стало видно, насколько сильна позиция короля и насколько бессильны противники: простое собрание королевского рыцарства в Венсене положило конец, в июне, этой зарождающейся коалиции, без боя. Тибо, Моклерк, уже принявшие крест, обязались покинуть Францию как можно скорее, ради Святой Земли, и подтвердили все домениальные уступки, на которые они ранее согласились. Но Тибо не отделался так дешево: в момент, когда он входил в залу, где его ждали король и королева-мать, все еще снисходительная к выходкам своего бывшего

поклонника, чтобы принять его покорность, люди, подсланные Робертом Артуа, швырнули ему в лицо белый сыр, другие говорят – требуху, в то время как слуги у дверей отрезали хвост его лошади. «Король Наварры, – говорит Реймский менестрель, – ушел сильно разгневанный перед королевой и показал ей, в каком состоянии его оставили, несмотря на его охранную грамоту». В этом досадном положении рыцарственный Тибо, уже покрытый плевками Гуго де ла Ферте и ему подобных, исчезает из нашей истории.

БРАКИ, ИЗБЕЖАННЫЕ ИЛИ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ.

Это опять же Бланка Кастильская воспрепятствовала, в первые годы правления своего сына, нескольким бракам, которые были бы весьма невыгодны для королевского дома и для общественного спокойствия. Роберт Артуа, брат Людовика IX, был обручен еще в 1235 году с Марией, дочерью графини Жанны Фландрской, – помолвка, которая сулила, если бы Мария жила, Фландрию Капетингу. Два года спустя, графиня Жанна, вдова Феррана Португальского, возымела фантазию вступить во второй брак с молодым Симоном де Монфором, хотя ей было под стать быть бабушкой. Если бы этот честолюбивый персонаж, Симон де Монфор, утвердился, как граф Фландрии, на континенте, вместо того чтобы быть вынужденным проявлять свою активность, как глава английских баронов, против короля Генриха III, судьбы Франции и Англии могли бы измениться. Королева запретила этот брак, и Жанна вышла замуж за Томаса Савойского, свояка Людовика IX. Дочь Раймунда VII, «демуазель Тулузская», которая со времени Парижского договора воспитывалась при дворе и была обещана одному из детей Франции, была соединена с принцем Альфонсом. Но для того чтобы все тулузское наследство было обеспечено Альфонсу, необходимо было, чтобы тесть остался вдовцом. Если Раймунд VII не женился вновь, то это потому, что королева за этим следила. Наконец, два крупных северных фьефа, графство Булонское и графство Понтё, были отданы двум племянникам Бланки Кастильской. Жанна, наследница Понтё, была сватана королем Англии; королева надавила на Григория IX, чтобы расстроить проект, столь мало соответствующий ее желаниям, и Жанна вышла замуж за Фердинанда III Кастильского. Что касается графства Булонского, то вдова Филиппа Юрпеля, Маго Булонская, принесла его «мессирю Альфонсу», младшему сыну Урраки Португальской, сестры Бланки, который воспитывался во Франции вместе с братьями Людовика IX. Этот Альфонс, граф Булонский, осыпанный благодеяниями своей тетки, чьим любимцем он был, стал позже королем Португалии.

ПОСЛЕДНИЕ ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ.

Несмотря на все эти предосторожности, королю пришлось обнажить меч. В Пикардии, Шампани, Бургундии, Бретани, провинциях, еще недавно столь беспокойных, мир был восстановлен. Пьер Моклерк, передав Бретань своему совершеннолетнему сыну; граф Жан де Макон, продав королю свое графство Макон (февраль 1239 г.); герцог Бургундии, граф Барский, Тибо Шампанский, давно уже крестоносцы, готовились к заморскому паломничеству. Но для того чтобы очень беспокойное дворянство Юго-Запада, до тех пор пощаженное, оставалось спокойным, и для того чтобы Лангедокский Юг окончательно примирился с условиями Парижского договора, требовалось еще одно усилие.

ЮГО-ЗАПАД.

В 1241 году принц Альфонс Французский, зять графа Тулузского, достигнув двадцати одного года, был наделен апанажем, завещанным ему Людовиком VIII: графствами Пуату и Овернь. По этому случаю в залах Сомюра были устроены великолепные празднества, воспоминание о которых, семьдесят лет спустя, еще сохранил сияние сеньор де Жуанвиль: «За столом короля сидели граф Пуатье и граф Жан де Дрё, только что посвященные в рыцари, граф де ла Марш и добрый граф Пьер Бретонский; напротив сидел король Наварры, в камзоле и мантии из сатина, красиво отделанный золотыми ремнями, застежкой и шапочкой... Перед королем разрезал мясо ножом добрый граф Жан де Суассон. Для охраны стола короля находились мессир Имбер де Божё, который позже стал коннетаблем Франции, мессир Энгерран де Куси и

мессир Аршамбо де Бурбон; позади этих трех баронов – тридцать их рыцарей в камзолах из шелковой ткани и множество сержантов, одетых в гербы графа Пуатье, нашитые на шелк... Эти залы Сомюра устроены наподобие клуатра белых монахов, но они очень велики, ибо на стороне, где сидел король, сидели также двадцать епископов или архиепископов, а на верхнем конце – королева Бланка, которой прислуживали граф Булонский, добрый граф Гуго де Сен-Поль, и один немец восемнадцати лет, сын святой Елизаветы Тюрингской... В другом конце клуатра находились кухни, погреб, хлебные кладовые и расходные отделения. И во всех других крыльях и на среднем дворе сидела большая толпа рыцарей; говорили, что их было добрых три тысячи, и никогда не видели столько сюрко и другой одежды из золотой и шелковой ткани на одном празднестве...»

После празднеств в Сомюре графа Альфонса повели в Пуатье, чтобы он принял там оммаж своих вассалов. Однако среди этих вассалов был Гуго де Лузиньян, граф де ла Марш, второй супруг «королевы» Изабеллы, вдовы Иоанна Безземельного, матери короля Англии. Принести оммаж молодому человеку за земли, которые еще недавно принадлежали наследству английских принцев, казалось ему, и особенно его жене, жестоким унижением. Из Лузиньяна, где он собрал столько людей, сколько смог, он прибыл в Пуатье в сопровождении бывшей «королевы». Людовик IX, застигнутый врасплох, имел с ними в течение пятнадцати дней многочисленные встречи. «Король не посмел уехать, – сообщает Жуанвиль, – не придя к соглашению с графом де ла Марш; я не знаю, как они договорились; но многие говорили, что граф Пуатье и он заключили дурной мир». Однако не такой уж дурной, ибо Гуго де Лузиньян смирился с церемонией оммажа и с реституциями в Онисе. Людовик IX и его братья были приняты на ночлег по отъезде в замке Лузиньян. Но Гуго, уступив таким образом, не учел негодования своей семьи.

События, последовавшие за пребыванием двора в Лузиньяне, известны из конфиденциального отчета, направленного королеве-матери (между июлем и декабрем 1241 г.) одним буржуа из Ла-Рошели: «Дама де ла Марш, пишет этот агент, в своем бешенстве приказала вынести из замка ткани и сундуки, матрацы, сиденья, сосуды, вплоть до образа Богородицы и убранства часовни, и велела перевезти их в Ангулем. При виде этого граф, огорченный, попросил у нее объяснений, смиренным и покорным тоном, и сказал ей, что она может купить такую же красивую мебель в Ангулеме, если захочет. «Вон из моего присутствия, – сказала она ему, – вы, который оказываете честь тем, кто вас обездоливает; отныне я вас больше не увижу!» В Ангулеме она закрыла перед ним свою дверь на три дня; затем, рыдая: «Недостойный муж, разве вы не видели в Пуатье, где я должна была ждать три дня, чтобы отдать свой долг вашему королю и вашей королеве, разве вы не видели, что в тот момент, когда я предстала перед ними в комнате, король сидел с одной стороны кровати, а королева с другой, с графиней Шартрской и ее сестрой аббатисой (Фонтевро), и они даже не пригласили меня сесть, чтобы унижить меня перед всеми? Ибо это было унижением – оставить меня там, как служанку, стоящую, на виду у всего народа, перед ними; и ни при моем входе, ни при выходе они не встали ни на йоту, из презрения ко мне, как и к вам... Горечь и гнев, еще больше, чем потеря этой земли, которой они нас лишили, убьют меня, если, с Божьей помощью, им не придется в том раскаяться и не потерять своего...» При этих словах и при виде этих слез граф, добрый, как вы знаете, был очень растроган и сказал: «Мадам, приказывайте, я сделаю все, что смогу, знайте это». – «Ну что ж, – сказала она, – иначе вы никогда больше не ляжете со мной». И он поклялся со всей силой, что исполнит ее волю».

Так граф де ла Марш решил на заговор. Услужливый корреспондент Бланки Кастильской был в курсе его интриг: «В Партене состоялась конференция с графом д'Э, Жоффруа де Лузиньяном и всеми баронами Пуату. «Поскольку французы, – сказал один из них, – нас, пуатевинцев, всегда ненавидели, они захотят отнять у нас все наше добро... и будут обращаться с нами хуже, чем с нормандцами и альбигойцами; ибо сегодня малейший сержант короля творит

свой произвол в Шампани, в Бургундии и повсюду, потому что все бароны, как рабы, не смеют пошевелиться без его приказа. Я предпочел бы, – добавил он, – быть мертвым, и вы все, как и я, чем быть такими. Буржуа также боятся их господства из-за гордыни их слуг, будучи далеко от двора (короля) и не имея возможности туда отправиться, что ведет к их разорению. Приготовимся же мужественно сопротивляться, чтобы не погибнуть всем вместе...» Тут они вступили в союз и пришли в Ангулем, чтобы поговорить с «королевой» (графиней де ла Марш), которая, против своего обыкновения, приняла их почетно, даже тех, кого не любила, и они возобновили свой договор в ее присутствии...» После этого пуатевинцы сговорились с англо-гасконцами: «Они прибыли в Понс, где находился сенешаль Гаскони, только что вернувшийся из Англии... Там собрались все бароны, шателены и сеньоры Гаскони и Ажене, мэры и эшеваны Бордо, Байонны, Сент-Эмильона, Ла-Реоля, и граф Бигоррский, и шателены епископства Сента. И все говорили, что если они подчинятся французам, то будут разорены. Сейчас земля принадлежит им, и они делают на ней что хотят; ибо король Англии, даже в Бордо и Байонне, не считается; и этот король дает им достаточно; что же до французам, то они отнимут у них их добро. Вот что говорили люди, имевшие инструкции. В конце они заключили союз...»

Движение вскоре распространилось на весь регион юго-запада и юга. Комменж, Арманьяк, Лотрек, Нарбонна присоединились; и граф Тулузский, невольный тесть Альфонса Пуатье, предвкушая реванш за прошлые и настоящие унижения, бросился в авантюру; его тем охотнее выдвинули на передний план, что он лучше, чем кто-либо, представлял против Франции страдания и обиды Юга. В лигу также вступили король Арагона, сеньор Монпелье, и, что естественно, король Англии, сын оскорбленной графини. Говорили, что Моклерк, король Наварры, король Кастилии и император Фридрих II прислали ободрения. Словом, образовалась коалиция, однако менее грозная в действительности, чем на вид, как показали события и как предвидел буржуа из Ла-Рошели, хорошо знавший зачинщиков предприятия: «Остерегитесь, мадам, если вы пошлете к графу и графине де ла Марш, просить их; пусть к ним обратятся красиво и хорошо: законное требование, смело подкрепленное действиями, сделает их более сговорчивыми; они уступят только из страха, как обычно... Но если пуатевинцы начнут войну, я хорошо знаю, что это будет следствием справедливого провидения Божьего, что они потеряют по своей неблагодарности то, что вы, ради блага мира, им оставили. И я верю, что суд Божий падет на них, потому что их люди их не любят. Земля сама сдастся вашему сыну, если так будет, хотя общины Гаскони и обещали им прислать в случае нужды пятьсот наемных рыцарей, пятьсот сержантов и пятьсот конных арбалетчиков, и тысячу пехотинцев. Но я об этом забочусь, как о яйце...; они не посмеют пошевелиться...; если же сделают это, их имущество – ваше...»

Граф Альфонс держал свой двор в Пуатье в день Рождества. Это стало поводом для разрыва, подготовлявшегося шесть месяцев. Гуго де Лузиньян публично объявил вызов своему сюзерену, оскорбительным образом отказался от принесенного оммажа и выступил в поход. Как он и ожидал, французский двор конфисковал его фьефы, и король созвал армию для исполнения приговора (апрель 1242 г.).

История экспедиции Людовика IX в регион юго-запада в 1242-1243 гг. делится на три периода.[1] Сначала королевская армия, выступившая из Шинона в боевом порядке, «как это принято у французам» (Матвей Парижский), вторглась во владения Лузиньянов и захватила замки. Затем в дело вступил король Англии. 12 мая 1242 года он высадился в Руайане со своим братом Ричардом Корнуэльским, который называл себя графом Пуатье, с тремя сотнями рыцарей и бочками, полными стерлингов. Чтобы оправдать свое вмешательство, он обратился к французам с рекламациями в угрожающем тоне: они ограбили Савари де Молеона, заняли Брессюир, нарушили перемирие; 16 июня он велел передать свой вызов Людовику IX по этим мотивам. Однако он не был готов. Пока Людовик сносил крепости Фронтене (ныне Фронтене-л'Абатю) и Мата, он бродил от Сента до Тонне-Шаранта, от Тонне до моста Тайле-

бурга, не решаясь перейти в наступление. Но сеньор Тайлебурга, Жоффруа де Ранконье, был личным врагом графа де ла Марша; он поклялся не брить бороды и не стричь волос, пока не отомстит этому графу; он сдал место французам. Утром в понедельник 21 июля две армии оказались друг против друга, разделенные только Шарантой: французский лагерь на правом берегу, вокруг города, походил «на большой и многолюдный город»; англичан, малочисленных, – на левом берегу. Неравенство сил показалось столь большим, что, по совету графа Корнуэльского, Генрих III, которому грозило отрезание путей отступления обходным движением врага, переправившегося через реку в двух местах, попросил перемирия; к вечеру он свернул лагерь.[2] На следующий день под стенами Сента завязалась битва: она была короткой и мало кровопролитной; король Англии подал сигнал к бегству. Тут же пуатевинцы, «которые привлекли его своими обещаниями», покинули его; Рено де Понс предал его; граф де ла Марш и его жена взмолились «на коленях, в слезах» о милосердии победителя (26 июля). В ночь с 26 на 27 англичанин, извещенный об этих изменах и будучи на грани пленения, поскакал поспешно до Блая. 1 августа, на лугу близ Понса, Людовик IX принял покорность пуатевинцев и объявил Лузиньянам условия своего прощения. Впрочем, кампания закончилась вовремя, ибо королевская армия, обремененная больными (сам король чуть не умер от «лагерной болезни»), была признана не в состоянии предпринять осаду Блая. До конца августа победители отдыхали в Туре, Генрих III и его люди – в Бордо. Оставался Раймунд VII, чьи силы были еще целы. Против него было направлено усилие короля в третий период войны.

ЮГ ЛАНГЕДОКА.

Борьба складывалась для графа Тулузского в невыгодных условиях. Дворянство Юга никогда не умело организовать сопротивление против врага с Севера. Разбитое, избитое, оно потратило после договора 1229 года последние силы своего отчаяния в бессвязных судорогах. Тот же Раймунд VII, который в 1242 году, ободренный иллюзорным союзом с принцами Испании и Гаскони, взялся за оружие для авантюры, заранее обреченной, двумя годами ранее отказался помочь Раймунду Тренкавелю, сыну последнего виконта Безье, в нападении, которое на время поставило под угрозу французское господство в Каркассоне и Нарбонне.

Приблизительно в августе 1240 года Тренкавель,[3] во главе отряда фаидитов (изгнанников) страны, укрывшихся в Каталонии, вторгся в бассейн Од; Терменес, Минервуа, Каркассес и Кабарде, Лим, Але, Монреаль, множество замков и местечек встретили его с триумфом; французский сенешаль Гийом дез Орм был вынужден запереться со своими людьми и с клириками края, на которых охотились фаидиты, в Сите Каркассона. Но Тренкавель, предоставленный самому себе, без осадных машин, отбитый от Сите, был вынужден отступить перед армией помощи, которую Людовик IX поспешил, при первой тревоге, послать против него под командованием Жана де Бомона и маршала Ферри Пасте. Каркассес долго сохранял память и ужас перед именем Жана де Бомона, который учинил зимой 1240-1241 годов ужасающие репрессии. Этот персонаж, чья жестокость была известна, вешал мятежников гроздьями после капитуляции Монреаля. С этой беспощадной кампании датируется окончательное исчезновение или лишение владений старых сеньориальных семей региона. Когда Раймунд VII ввязался в заговор графа де ла Марша, друзья Тренкавеля владели лишь двумя крепостями в Корбьере, на границах Фенуйеда и Руссильона: Монсегюром и Керибю. Однако старый альбигойский дух сохранялся. Как только граф Тулузский объявил о намерении вступить в борьбу, его поведение было приветствовано убийством в Авиньоне нескольких инквизиторов (май 1242 г.). Подумали, что, за исключением епархии Каркассона, слишком недавно опустошенной, угнетенный Юг поднимется целиком, чтобы сыграть последнюю партию.

Ничего подобного не произошло. Раймунд VII, захватив Нарбонну и Безье, прибыл в августе в Бордо, где потерял время в ссорах с Симоном де Монфором, графом Лестерским, свояком короля Англии и сыном наследственного врага дома Тулузы. Он осаждал Пенн-д'Ажене, когда узнал об измене графа Фуа. Этот граф, один из тех, кто толкнул его на мятеж,

только что заключил договор с французами и послал ему вызов. В то же время выступили две королевские армии: одна, которую граф де ла Марш и Пьер Бретонский с унижением вели против своих бывших союзников, была призвана следить за испанцами, которые, впрочем, не подали признаков жизни; другая угрожала Керси. Этого хватило, чтобы обескуражить южан. Раймунд решился 20 октября просить королеву Бланку, свою родственницу, заступиться за него еще раз: он целиком полагался на милосердие короля. Он получил перемирие, затем – в Лорри, в январе 1243 г. – мир, при условии соблюдения договора 1229 года и предоставления заложников; он торжественно обязался преследовать еретиков и изгонять их со своих земель. Арно Нарбоннский был также помилован и дал те же обещания, к которым письменно присоединились множество сеньоров и городов Лангедока. Давно уже замечено, что именно с Лоррийского мира горькое негодование альбигойских провинций уступило наконец место покорности. Последние притоны фаидитов пали, Монсежур в 1244 году, орлиное гнездо Керибю – в 1245 году. Дворяне Лангедока, как Оливье де Терм, бывший сподвижник Тренкавеля, примирились с неизбежным настолько, что добились благосклонности короля. К концу века Северная Франция, в свою очередь, должна была быть наводнена и как бы завоевана советниками, чиновниками и государственными мужами Юга.

«С того времени, – говорит Гийом де Нанжи, говоря о покорности пуатевинцев и графа Тулузского,[4] – бароны Франции перестали предпринимать что-либо против своего короля». Экспедиция 1242 года – последний акт энергии, который французской короне пришлось проявить в XIII веке против высшего дворянства фьефов, приобретенных или расчлененных Филиппом Августом и Людовиком VIII. Что же до дворянства старейших провинций монархии, то королям XIII века приходилось заниматься им лишь для подавления отдельных эксцессов, не имевших политического значения. Людовик IX, в частности, был очень страшен дворянам своих доменов. Они были весьма недовольны мерами, которые он принимал в интересах общественного порядка, в ущерб их самым дорогим привилегиям; но, насколько нам известно, их недовольство выразилось лишь в песнях в честь доброго старого времени.

ЛИГИ ДВОРЯН.

Однако англичанин Матвей Парижский говорит в нескольких местах своей «Хроники» об оппозиции баронов Франции воле их короля. Приписывает ли он таким образом нашей стране, по аналогии, нравы своей? Или же бароны Франции действительно были в ту эпоху силой, с которой король считался? Людовик IX, как и его предшественники, часто оправдывал свои действия одобрением «баронов Франции»; император Фридрих II и папы обращались к ним; и они образовывали «лиги». Смутное и неопределенное тело «баронов Франции» могло, таким образом, издали производить впечатление. В действительности оно не имело прочности; и вся активность «лиг» дворян, следы которых существуют, была потрачена при Людовике IX, как и при предшествующих царствованиях, не на организацию сопротивления королевской власти, а на борьбу с традиционным врагом дворянства, то есть с духовенством.

В сентябре 1235 года собрание, собравшееся в Сен-Дени в присутствии короля, где наряду с главными офицерами и советниками Короны фигурировали Жан де Бомон, Жоффруа де Шапель, Ги де Шеврез и др., множество баронов обратилось с жалобами к Григорию IX на епископа Бове, архиепископов Реймса и Тура, которые пытались уклониться от юрисдикции королевских и сеньориальных судей в мирских делах. Они писали: «Король, его предки и наши всегда уважали права церкви королевства; но вот прелаты хотят ввести новшества и стремятся присвоить себе то, что им не принадлежит. Мы не можем на это согласиться. Поэтому мы просим вас сделать так, чтобы права королевства и наши уважались, как они уважались прежде, ибо мы, знаете, король и мы, решили не терпеть более злоупотреблений». Григорий ответил, упрекая короля в том, что он издал, совместно с баронами, статуты, посягающие на свободу Церкви.

Одиннадцать лет спустя, на этот раз по наущению императора Фридриха, множество баронов Северной и Западной Франции заключили пакт об ассоциации и взаимной защите против притязаний духовенства. Они избрали в ноябре 1246 года постоянный комитет из четырех членов: Гуго, герцога Бургундии, Пьера Моклерка, Гуго де Лузиньяна и Гуго де Шатильона, графа де Сен-Поль; и они обязались клятвой, они и их наследники, платить каждый год перед Сретением (2 февраля) в месте, указанном письмами четырех комиссаров или одного из них, сотую часть своих доходов; комитет Четырех имел право исключать провинившихся соучастников или тех, кто позволил бы себя запугать отлучением. От имени Лиги был составлен краткий и агрессивный манифест. Какой была позиция Людовика IX перед лицом этих странных шагов? Неизвестно. Ходили слухи, что он, в согласии с баронами, как в 1235 году, сам скрепил печатью хартию ассоциации; но, на самом деле, внизу этой хартии королевская печать не видна. Возможно, он дал аудиенцию конфедератам и пообещал им сделать представления от их имени Святому Престолу. Но предполагают, и это вероятно, что он мало поощрял лигу, снабженную собственным управлением и бюджетом. Однако если он и старался ее распустить, как просил папа, следы его усилий совершенно исчезли. Папа (Иннокентий IV) один протестовал буллой (от января 1247 г.), которая предаёт анафеме статутариев, авторов «статутов» ноября, переписчиков этих статутов, сеньоров и города, которые позволили бы их опубликовать, конфедератов настоящих и будущих, и всех тех, кто будет платить взнос в сотую часть. Иннокентий не называет короля, но приглашает прелатов королевства собраться, со своей стороны, «в честь Бога и Церкви, будь то в Париже или в другом месте»; легат Эд де Шатору действительно проповедовал перед «парламентом прелатов», собравшимся в Париже «в год, когда бароны Франции составили заговор против Церкви».

Антиклерикальная лига ноября 1246 года существовала еще весной 1247 года, ибо в мае Бонифаций Кентерберийский писал из Лиона своему брату: «Здесь ждут представителей баронов, и полагают, что при их прибытии Курия не будет смеяться». Затем она исчезает из виду. Матвей Парижский утверждает, что папа сумел избавиться от нее Церковь Франции благодаря разумному распределению бенефициев среди родственников и друзей «союзников». Однако булла от 20 июня 1252 года объявляет, что во Франции «бароны» продолжают запрещать своим подданным дарить церквям и монастырям недвижимость или ренту и пытаются аннулировать все подобные дары, сделанные за последние сорок лет: статутарии должны быть лишены фьефов, которые они держат от церквей, и их дети не могут быть наделены бенефициями. 21 марта 1253 года папа, пиша епископу Орлеанскому, говорит, что «бароны и дворяне Франции, правда, отказались от своих лиг и статутов против духовенства, но те, что в епархии Парижа, снова начали вступать в союзы и публиковать постановления, чтобы подчинить своей власти епископа и его церковь; они постановили страшные наказания для нарушителей этих статутов; люди были убиты или искалечены за их нарушение». Александр IV приказал в июле 1257 года возобновлять на всех провинциальных и епархиальных соборах анафемы Гонория III и Иннокентия IV против инициаторов и членов враждебных Церкви ассоциаций. Акты некоторых епархиальных синодов дают знать, что буржуа и крестьяне, *burgenses et rustici*, объединялись в некоторых местах с лигированными дворянами.

II. ЛЮДОВИК IX, СВЯТОЙ ПРЕСТОЛ И ДУХОВЕНСТВО ФРАНЦИИ[5]

Людовик IX был предубежден в пользу Церкви и духовенства: «Рассказывают о короле Филиппе, моем деде, – говорит он в своих «Наставлениях», – что однажды один из его советников предупредил его, что Святая Церковь причиняет ему большой ущерб и вред, ибо клирики прибегают к его праву и посягают на его юстицию; было удивительно, что он это терпит. И добрый король ответил, что охотно этому верит; но что, когда он смотрит на милости, которые оказал ему Бог, он предпочитает уступить в своем праве, нежели вызывать распри с Церковью». Впрочем, этот принцип не помешал Филиппу Августу сурово обращаться с клириками. Бланка Кастильская также не щадила их, как мы видели. Набожность Людовика IX

также не доходила до того, чтобы позволить либо национальному духовенству, либо римлянам злоупотреблять своими духовными прерогативами для узурпации светской власти. Анекдоты, показывающие его большую свободу духа и слова перед угрожающими требованиями высоких церковных сановников, уже приводились. Не один современник удивлялся этой энергичной и подчас суровой позиции святого Людовика в его отношениях с епископатам и Римом; но удивляться этому – значит плохо знать духовенство Средних веков и чувства, которые оно внушало самым благочестивым мирянам. Все государственные мужи XIII века прекрасно умели отличать священника от церковного сеньора, часто светского, весьма светского, наделенного обременительными привилегиями, обладающего облагаемым имуществом. Клирики не преминули позже восхвалять время святого Людовика как благословенную эпоху для Церкви; но пока святой Людовик был жив, они горько жаловались, как обычно, на то, что их угнетают больше, чем когда-либо.

ЦЕРКОВЬ ФРАНЦИИ, СВЯТОЙ ПРЕСТОЛ И КОРОНА.

Политическая история Церкви Франции в XIII веке, еще не написанная полностью, на первый взгляд, сбивчива и состоит из противоречивых событий. Чтобы понять ее, нужно учесть, что эта Церковь была очень многолюдной, беспокойной республикой, имевшей свою иерархию, свои суды, свои совещательные собрания (на провинциальных соборах и епархиальных синодах), и где даже образовывались, по случаю, «лиги», подобные дворянским. Хотя она была раздираема яростными раздорами – между регулярными и светскими клириками, митрополитами и епископами, епископами и капитулами и т.д. – ее члены были согласны защищать (иногда нападая) свои сословные интересы от антагонистических интересов и алчности светского общества. Но, поскольку она не располагала материальной силой, ей была нужна поддержка. Против «баронов», своих самых грубых противников, и против своих собственных подданных она инстинктивно прибегала либо к королю, самому могущественному носителю материальной силы, либо к Святому Престолу, представителю высшего морального авторитета. Однако в XIII веке ни один из этих двух защитников Церквей, Корона и Святой Престол, не соглашался помогать им, не требуя взамен их повиновения и служб. Но повиновение часто было тягостным, и просьбы об услугах иногда казались, почти всегда казались заинтересованным лицам чрезмерными. Отсюда искушение или необходимость для национальной Церкви защищаться от своих защитников, которые тоже угрожали ее вольностям и кошельку. Следовательно, духовенство XIII века призывало папу и короля против баронов, папу против короля и короля против папы. Оно всегда утверждало, что его преследуют и грабят все. Это потому, что оно не хотело иметь хозяев и, поскольку полная свобода Церкви в Государстве и полная свобода в Церкви противоречили природе вещей, было вынуждено ее терпеть.

По поводу обложения налогами церковных имуществ клирики времен святого Людовика поднимали самые громкие жалобы. Они энергично обличали перед королем вымогательства пап. Они энергично обличали перед папами вымогательства короля.

1. Церковь Франции и фискальная политика Святого Престола.

«ПРАГМАТИЧЕСКАЯ САНКЦИЯ».

И сначала, вымогательства пап. Долгое время приписывали Людовику IX некое постановление, называемое «Прагматической санкцией», датированное мартом 1269 года, которое якобы запрещало нерегулярные предоставления церковных бенефициев (ст. 1), симонию (ст. 3) и воспрещало обременительные поборы, взимаемые Римской курией с духовенства королевства (ст. 5). Этот акт, считавшийся в XVII и XVIII веках оплотом свобод Галликанской церкви, является подложным: он был сфабрикован в XV веке людьми, не знакомыми с формулярами, употреблявшимися в канцелярии прямых Капетингов, с целью дать Прагматиче-

ской санкции Карла VII почтенный прецедент. Но Прагматическая санкция 1269 года, будучи подложной, правдоподобна ли? Подложная Прагматическая санкция грубо неправдоподобна, говорили, ибо она предполагает в 1269 году существование нерегулярных предоставлений и симонии, тогда как эти злоупотребления в то время не существовали; она ложна, ибо в ней объявляется, что епархии ужасно обеднели от денежных сборов в пользу Римской курии, тогда как такие сборы были еще неизвестны в XIII веке; она ложна, наконец, ибо подразумевает у ее автора «решительную независимость по отношению к Святому Престолу, совершенно противную характеру Людовика IX». Однако мы уже знаем, что характер Людовика IX был вовсе не таков, каким ему приписывало большинство историков, плохо осведомленных; другие соображения, которые были развиты для установления неправдоподобия Прагматической санкции, также не выдерживают проверки фактами.

Именно в XIII веке, действительно, был ясно поставлен впервые великий вопрос о правах Святого Престола на имущества национальных Церквей, который при Карле VII все еще оставался открытым. Клирики имели пользование церковными имуществами. Но собственность на эти имущества (и, следовательно, право облагать их налогом, ибо право облагать было связано, в представлении людей Средневековья, с правом собственности), кому она принадлежала? Богу? Вселенской Церкви? Папе? Бедным? Наследникам древних дарителей? В Риме сложилась теория, что папа имеет право ими распоряжаться и облагать их держателей. В 1256 году папский сборщик заявил, собственными словами, на синоде в Лондоне, что «все церкви принадлежат господину папе» (*Omnes Ecclesiae sunt domini papae*). Тем самым ущемлялись и клирики-пользователи, и светские князья, которые не могли без неудовольствия видеть, как деньги церковей их владений утекают в сундуки римлян. Тем не менее, со времен Иннокентия III была допущена обычай обложения церковей папским декретом. Папы облагали налогом сначала церкви, на вселенском соборе или по собственной власти, в целях подготовки к крестовому походу. Григорий IX первый обложил налогом церкви Востока для защиты Латинской империи Константинополя и церкви Запада для нужд борьбы, предпринятой Святым Престолом против Гогенштауфенов. Легаты Григория IX вымогали крупные суммы у Церкви Франции под разными предлогами. Иннокентий IV также получал от аббатов Сито, Клюни и архиепископа Руанского, среди прочих, значительные пожертвования. Святой Престол был уже тогда столь убежден, что услуги церковей ему причитаются, что просил у них не только денег и гласности,^[6] но и солдат: в конце 1234 года Григорий разослал циркуляр архиепископам Франции с просьбой прийти к нему на помощь с людьми оружия; Иннокентий в мае 1247 года обратился с той же просьбой к архиепископу Нарбоннскому, аббату Вандомскому и, без сомнения, к другим прелатам. Однако английское духовенство, с которым обращались так же, не позволяло себя стричь без протеста. Документ, который Матвей Парижский, переписывая его в конце своей «Хроники», спас от уничтожения, показывает, что думали французское духовенство и правительство Людовика IX об этих новшествах и некоторых других злоупотреблениях, если не новых, то Курии.

МЕМОРАНДУМЫ ИННОКЕНТИЮ IV.

Через шесть месяцев после публикации манифеста баронов Франции против духовенства, 2 мая 1247 года, епископы Суассона и Труа от имени прелатов, архидиакон Тура и прево кафедрального собора Руана от имени капитулов и низшего духовенства, и маршал Ферри Пасте от имени короля изложили Иннокентию IV в присутствии его Двора следующие претензии: Святой Престол узурпировал юрисдикцию ординариев; он наводнял королевство итальянцами, которым предоставлял, в ущерб соотечественникам, пенсии и бенефиции; его непрерывные денежные требования, вымогательства его агентов разоряли местные церкви... Ответ папы был уклончив: он был готов отменить в подходящее время и месте злоупотребления, если

бы со стороны Церкви были недавние узурпации, чего он, однако, не верил; он не изменит, впрочем, ничего в правах, которыми он владел или почти владел, *vel quasi*. Но это было время, когда Людовик IX готовился защищать личность Иннокентия от посягательств Фридриха II; предположили, что король, недовольный ответом, принесенным Ферри Пасте, воспользовался этими обстоятельствами, когда папа был ему обязан, чтобы обратиться к нему с более суровыми представлениями. Этим объясняется, что он тогда велел составить или что был составлен от его имени (в начале июня?) подробный меморандум, копию которого снял Матвей Парижский.

«Наш господин, – должны были сказать папе и кардиналам посланцы короля, – долго терпел, с большим трудом, вред, причиняемый Церкви Франции, а следовательно, и ему самому, его королевству. Из опасения, чтобы его пример не побудил других государей занять враждебную позицию против Римской церкви, он молчал, как христианский и преданный государь...; но, видя теперь, что его терпение не приносит плодов, после долгих совещаний, он послал нас изложить вам свои права и сообщить свои соображения». Недавно бароны, «на коллоквиуме в Понтуазе», упрекали короля в том, что он позволяет губить свое королевство. «Их волнение охватило всю Францию, где традиционная преданность Римской церкви близка к угасанию и уступает место ненависти. Что произойдет в других странах, если Святой Престол потеряет привязанность этого, некогда самого верного, народа? Уже миряне повинуются Церкви лишь из страха перед королевской властью. Что до клириков, Бог знает, и каждый знает, каким сердцем они несут наложенное на них ярмо. Это столь тяжкое состояние происходит оттого, что папа являет миру зрелище неслыханных, необычайных вещей».

ВЫМОГАТЕЛЬСТВА ПАПЫ.

Эти вещи автор меморандума перечисляет в речи, насыщенной точными фактами, усыпанной общими принципами и историческими апофтегмами. «Неслыханно видеть, как Святой Престол, всякий раз, когда он нуждается, налагает на Церковь Франции субсидии, сборы, взимаемые с мирских имуществ, тогда как мирские имущества церквей, даже если следовать каноническому праву, зависят только от короля, не могут быть обложены никем, кроме него. Неслыханно слышать по миру эти слова: «Дайте мне столько, или я отлучу вас»... Церковь (Римская), утратившая память о своей первоначальной простоте, задыхается от своих богатств, породивших в ее лоне алчность с ее последствиями. Эти вымогательства (папы) совершаются за счет священнического сословия, которое всегда, даже у египтян и древних галлов, было свободно от податей. Обычай был введен впервые кардиналом-епископом Пренесте, который во время своего легатства во Франции наложил денежные прокурорства на все церкви королевства; он вызывал церковнослужителей по одному и, вырвав у них обещание быть скромными, говорил: «Я приказываю вам заплатить такую-то сумму по приказу папы, в такой-то срок, в таком-то месте, и знайте, что без этого вы будете отлучены». Король, узнав об этом, вызвал его и заставил обещать отказаться от этих методов... Но с тех пор как папа Иннокентий поселился в Лионе, злоупотребления возобновились... папские сборщики вернулись. Папа писал духовенству, чтобы оно прислало ему войска для помощи против императора... В этот самый момент минориты производят, по его поручению, новый сбор: в Бургундии они дошли до того, что созывали капитулы соборов и самих епископов и приказывали им внести, в пасхальную двухнеделю, седьмую часть всех их церковных доходов...; в других местах требуют пятую часть... Король не может допустить, чтобы таким образом обирали церкви его королевства...; он намерен, действительно, сохранить за собой, для себя и нужд своего королевства, *pro sua et regni sui necessitate*, их сокровища, которыми он волен пользоваться, как своими собственными имуществами».

Вот что касается вымогательств Рима. Затем меморандум настаивает с такой же горячностью на личной жадности папских посланцев, разъезжающих по королевству, и на нерегулярных предоставлениях бенефициев, которые позволяет себе Святой Престол: «Церкви обеднели

от множества провизий и пенсий... Пусть Святой Престол проявит умеренность! Пусть первая из всех церквей не злоупотребляет своим верховенством, чтобы обирать другие! Иннокентий III, Гонорий III, Григорий IX раздали вокруг себя много французских пребенд, но предшественники Иннокентия IV не предоставили все вместе столько бенефициев, сколько он один за еще немногочисленные годы своего понтификата. Если следующий папа последует той же прогрессии, французскому духовенству не останется иного выхода, кроме как бежать от него или прогнать его. Дела уже дошли до такого состояния, что епископы не могут более наделять своих ученых клириков или почтенных лиц своих епархий, и этим наносится ущерб королю, как и всем дворянам королевства, чьи сыновья и друзья до сих пор наделялись в церквях, которым они взамен приносили духовные и мирские выгоды. Сегодня предпочитают иностранцев, незнакомцев, которые даже не проживают, местным жителям. И во имя этих иностранцев имущества церквей вывозятся из королевства без мысли о воле основателей; отчего для Рима проистекают лишь ненависть и соблазн».

Неизвестно, продолжались ли сборы субсидий для Римской церкви во Франции после 1247 года; но в конце понтификата Иннокентия IV вновь появляются назначения иностранных клириков, на которые жаловались Людовик IX и его бароны. Матвей Парижский говорит, что впечатление, произведенное меморандумом, было глубоким, но что «оно до сих пор осталось без последствий». При преемниках Иннокентия банкирский дом Бонавентуры ди Бернардино, Франческо ди Гвидо и Орландо ди Бонсиньоре производил во Франции, как и в других странах христианского Запада, крупные операции по поручению Святого Престола. Урбан IV и Климент IV собирали, одновременно с обычными доходами папства за горами (ценз, денарий святого Петра, конфискации, завещания, более или менее добровольные займы), чрезвычайные субсидии для сицилийского крестового похода (*negotium Siciliae*), который вел их чемпион Карл Анжуйский против наследников Фридриха II в Италии. Рекламации и инвективы французского духовенства против папской фискальной политики еще умножились, обострились во второй половине правления Людовика IX: «Платили тогда, – говорит лиможский хронист, – десятину для Карла Анжуйского и сотую часть для Святой Земли. Симон, кардинал святой Цецилии, легат папы, был генеральным сборщиком десятины. Хотя он был французом по рождению и бывшим канцлером короля Франции, он прекрасно изучил римские обычаи облаживания и пожирания кошельков, *bene didicerat morem Romanorum ad bursarum corrosionem*... Вымогательства и насилия, совершенные агентами кардинала, невыразимы.[7]» Но десятины было недостаточно, и, хотя доходы от сотой части для Святой Земли были частично отвлечены от своего назначения и также направлены на расходы итальянских войн, требовались еще деньги. Климент IV вновь потребовал их у клириков Франции. На этот раз церковное собрание провинции Реймса заявило протест манифестом, где, называя себя подавленными ранее наложенными «поборами», говорило о своем «рабстве» и напоминало, что потеря Иерусалима, как и схизма Восточной церкви, имели своей причиной алчность и хищность римлян: «Готовые скорее претерпеть отлучение, чем исполнить приказы папы, они объявили себя готовыми бросить ему вызов, ибо были убеждены, что аппетит Курии утихнет лишь в тот день, когда прекратятся послушание и преданность духовенства».

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ САНКЦИЯ И МЕМОРАНДУМЫ.

Таким образом, обычаи, осужденные подложной Прагматической санкцией, уже процветали в XIII веке; и даже нет ничего важного в подложной Прагматической санкции, чего не было бы в подлинном меморандуме 1247 года. Тем не менее, Людовик IX, который, возможно, приложил свою печать к меморандуму, определенно не скрепил бы печатью Прагматическую санкцию. Меморандум – всего лишь прошение; Прагматическая санкция представляется как королевское постановление о реформировании Церкви. Меморандум просит об ослаблении злоупотреблений; Прагматическая санкция претендует на установление принципов публичного права. Наконец, подложная Прагматическая санкция датирована 1269 годом;

однако король, возможно, не повторил бы в 1269 году представления 1247 года. В самом деле, не видно, чтобы после смерти Иннокентия IV он вновь поддерживал в Риме жалобы своего духовенства. Напротив, он оказывал сборщикам Урбана IV и Климента IV, пап французского происхождения и преданных его дому, поддержку светской власти: десятина для Карла Анжуйского была собрана, говорит лиможский хронист, «силой, благодаря королю». С другой стороны, Климент IV (Ги Фулькау или Фуко, бывший клирик двора Франции) – первый папа, который, санкционировав и обобщив обычай, на который давно жаловались местные Церкви и князья, официально зарезервировал за назначением Святого Престола бенефиции, вакантные *in curia*: декрет Климента, установивший в принципе, что «полное распоряжение церквями, достоинствами и церковными бенефициями всего мира принадлежит римскому понтифику», определил в 1265 году, что все бенефиции, титулованные держатели которых умрут, откажутся или будут низложены, пока они находятся при Римской курии (*in curia*), будут предоставляться папой в ущерб обычным коллаторам. Не видно, чтобы эта столь важная мера вызвала со стороны двора Франции горькие пререкания, хотя Людовик лично очень ревниво относился к назначению клириков по своему выбору на бенефиции, которые ему надлежало предоставлять. В общем, ясно, что Людовик IX в конце жизни стал систематически более снисходителен к римлянам, чем был вначале.

2. Церковь Франции и королевская фискальная политика.

Об этом изменении отношения лучше можно будет судить, когда понтификаты Александра IV, Урбана IV и Климента IV будут изучены ближе. Но причины его не кажутся сомнительными. Четвертый Вселенский Латеранский собор постановил в 1215 году, что предоставление королям разрешения облагать налогом церкви их королевств зависит от папы; и против церквей, отказывавшихся платить налоги, разрешенные Святым Престолом, королям было выгодно призывать папское принуждение: это видели в 1227 году, когда кардинал святого Ангела положил конец мятежу прелатов и капитулов, не желавших платить остаток десятины, разрешенной против альбигойцев. Если Людовик IX не защищал Церковь Франции от Рима с такой решительностью или последовательностью, как предполагали галликаны последних веков, не потому ли это, что, уважая правило, установленное в Латеране, он нуждался в Риме, чтобы, со своей стороны, пользоваться помощью ресурсов духовенства? При святом Людовике вымогательства короля с французского духовенства по случаю приготовлений к крестовому походу – то, что Матвей Парижский называет его «тираническими вымогательствами[8]» – были еще тяжелее, чем вымогательства пап, особенно к концу правления; и, как в 1227 году, напрасно представители французского духовенства взывали к заботе Святого Престола, чтобы от них избавиться. В августе 1262 года архиепископ Тура заявил прямо, от имени собрания прелатов, созданного в Париже, что он не выплатит субсидии, разрешенной папой. Прокуроры соборных церквей собрались в Париже в 1268 году, чтобы излить свое негодование по поводу трехгодичной десятины ввиду тунисского крестового похода, которую собирался разрешить Климент IV. Три провинции, Реймская, Санская и Руанская, сочли нужным, говорит нормандская хроника, послать к порогу апостолов торжественных посланцев, чтобы изобразить угнетение Галликанской церкви, которая изнемогала под тяжестью десятин, двенадцатин и сотых: сколько монахов и священников было отлучено, отстранено по случаю этих сборов денег, произведенных без церемоний! Вот вам и награда за смиренное послушание клириков Франции; нигде ярмо, наложенное на Церковь, не так тяжело. Начинает устанавливаться позорная поговорка, что в этом королевстве Франции клирики более подвластны, чем миряне: *Plus sunt servi hodie clericis quam laici*. Пусть папа не предоставляет королю то, чего он просит, чтобы не подвергать «Святую Церковь» ярму нестерпимого рабства... «Но, – добавляет хронист, – король сильно раздражил (*vehementer exasperaverat*) папу Климента против делегатов трех провинций; их приняли очень плохо; с ними говорили сурово; и папа отослал их, осыпая угрозами». Духовенству пришлось исполнить требование, поскольку оба его защитника были согласны.[9]

ЦЕРКОВЬ ФРАНЦИИ, ЗАЩИЩЕННАЯ ПАПОЙ И КОРОЛЕМ.

Если, несмотря на свои протесты папе против короля и королю против папы, Церковь Франции платила в ту эпоху тяжелые налоги папе и королю,[10] она пользовалась, взамен, их традиционной защитой. Надо понимать под этим, что от Григория IX до Климента IV папская канцелярия рассылала многочисленные увещевания на адрес мирян, баронов и королевских офицеров, которые позволяли себе притеснять или обирать церковных лиц; и что король велел своей королевской канцелярии рассылать множество писем для осуждения, а иногда и для предотвращения излишнего рвения своих людей, которые в большинстве своем были так же плохо расположены к церковным привилегиям, как и офицеры сеньоров.

ИНКВИЗИЦИЯ.

Но самое значительное событие в церковной истории века святого Людовика – это, без сомнения, введение во Франции папской инквизиции.

Церковь всегда считала, что подавление ереси – одна из ее существенных обязанностей. Но до XIII века не было специального учреждения для розыска, наказания или примирения еретиков; каждый епископ в своей епархии был облечен этими заботами. Когда распространение катарской и вальденской ересей стало явно угрожающим, обнаружилось, что епископская или епархиальная инквизиция обычно была слишком снисходительна, действовала урывками, была неэффективна. С Иннокентия III особенно папы озаботились стимулированием вялого преследования. Они поручали эту миссию сначала своим легатам; но легаты, как и сами епископы, были заняты слишком многими делами, чтобы уделять этому лично пристальное внимание, которое оно требовало. Святой Престол вскоре был вынужден назначать специальных комиссаров для обеспечения методичного уничтожения ереси. Этих комиссаров он с самого начала выбирал почти всегда из членов двух верных милиций, орденов святого Доминика и святого Франциска, которые поставили себе целью проповедь, обращение и повсюду быть орудиями папской воли.

Постоянная папская инквизиция не была внезапно заменена епархиальными инквизициями декретом: она мало-помалу выросла из временных комиссий по инквизиции, предоставленных префектами Иннокентия III монахам, особенно искусным в охоте на еретиков. Святой Доминик, следовательно, не был, как говорили, «первым из генеральных инквизиторов»; инквизиция, как регулярное учреждение, начала функционировать только после его смерти; но с 1227 года Григорий IX проявлял явное предпочтение доминиканским инквизиторам.

ИНКВИЗИЦИЯ И СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ.

Папская инквизиция, доминиканская или францисканская, могла утвердиться только с согласия епископов, глав обычной церковной власти в их округах, и светских князей. В самом деле, папский комиссар «по делу ереси» был для епископа одновременно помощником и соперником; и, с другой стороны, инквизитор был бы в опасности, безоружный, если бы не мог рассчитывать на «светскую власть» для защиты своей личности и санкционирования своих приговоров: известно, что, согласно канонам, церковным лицам было запрещено самим выносить смертные приговоры (*Ecclesia abhorret a sanguine*), но что Церковь давно привыкла «передавать светской власти» для сожжения упорствующих в своих заблуждениях осужденных еретиков.

Однако необходимое согласие епископов и светских князей было отказано в XIII веке папским инквизиторам в некоторых странах: ни Англия, ни северные королевства, ни Кастилия, ни Португалия – Святая канцелярия позже возьмет блестящий реванш в этих двух последних странах – не приняла комиссаров Григория IX и его ближайших преемников. В Германии Фридрих II, в эпоху, когда он считал выгодным проявить себя в пользу правоты, издал эти знаменитые «конституции» с 1220 по 1239 год, с тех пор постоянно цитируемые, которые торжественно признают обязанности «светской власти» и постановляют, что еретики, осужденные компетентной властью, будут преданы смерти через огонь. Конрад Марбургский и его доминиканские сподвижники, уполномоченные Григорием IX, наводили инквизиционный ужас на

империю, начиная с 1227 года, в течение нескольких лет. Но когда Конрад Марбургский, фанатичный персонаж, не вполне здравого ума, был убит за то, что осмелился напасть на членов высшей рейнской знати (31 июля 1233 г.), среди князей и прелатов Рейна поднялась такая сильная реакция против преследований вообще, что немецкому епископату удалось отразить римские притязания; о папской инквизиции в Германии не слышали сто лет. Только в Италии и во Франции новое учреждение прижилось сразу, благодаря большей покорности Церквей этих стран, более настоящим опасениям, внушаемым им успехами ереси (особенно в Лангедоке, долине Роны и Ломбардии), наконец, снисходительности или охранительному рвению королей или правящих аристократий.

Инквизиция была организована в Италии буллой Ad extirpanda Иннокентия IV (15 мая 1252 г.), после убийства, которое Рим очень ловко использовал, инквизитора Петра Веронского (святого Петра Мученика). В каждой итальянской республике преследование ереси стало существенной и постоянной чертой конституции: была установлена процедура сотрудничества магистрата с папскими инквизиторами; было условлено, что государство и инквизиция поделят, в определенной пропорции, имущество осужденных. В Италии инквизиция, независимая благодаря своей доле в штрафах и конфискациях, имела отныне свои собственные отряды «фамилиаров» и бравых. Она быстро выродилась, впрочем, в политическое орудие на службе местных фракций и Святого Престола.

ИНКВИЗИЦИЯ ВО ФРАНЦИИ.

По множеству причин не было бы возможно перенести целиком такой режим во Францию. Римская инквизиция во Франции всегда оставалась в руках короля; содержащаяся, защищаемая королем, она никогда не была допущена к разделу с ним денежных выгод своей юрисдикции. Но это не помешало ей удивительно процветать.

Первыми двумя инквизиторами, уполномоченными папой в Лангедоке – провинции, зараженной еретиками, где пожар альбигойского крестового похода не был вполне потушен, – стали в 1233 году два тулузских доминиканца, которые тотчас принялись действовать с рвением. В том же году доминиканец Роберт, бывший катарец, прозванный по этой причине Робертом-бугром, был облечен Григорием IX на севере Франции функциями, аналогичными тем, что были вверены в Германии Конраду Марбургскому. Этот Роберт был, как и Конрад, убийственным маньяком. Он объезжал в течение шести лет Неверне, Пикардию, Фландрию, Шампань, умножая жертвоприношения и погребения заживо: сто восемьдесят три «еретика» были сожжены за один раз в аутодафе на Мон Эме в Шампани 29 мая 1239 года; он действовал, говорит «Хроника» Мускета, «по воле короля», «в сопровождении сержантов короля». Однако ужас, внушаемый этими казнями, был сначала таков, что Рим счел нужным вмешаться, чтобы смягчить, успокоить. Кажется, активность папской инквизиции замедлилась в Лангедоке с 1238 по 1241 год; в 1239 году Роберт-бугр, чье безумие стало очевидным (ибо он всех осуждал, «злоупотребляя простотой людей, чтобы умножить число жертв»), был отрешен от должности и заточен. Но это была лишь передышка. Инквизиторы, действовавшие снова на юге в 1241 году с крайней суровостью, подверглись тому же, что случилось прежде с Конрадом Марбургским, что должно было случиться несколькими годами позже со святым Петром Веронским: они были зарезаны ночью в засаде.[11] Этот инцидент стал, естественно, поводом для возобновления рвения. Тогда вступил в должность знаменитый брат Бернар де Ко, прозванный «Молотом еретиков», чья активность засвидетельствована сохранившимся случайно регистром допросов (1245-1246) и регистром приговоров (1244-1248). Счета расходов королевских балли за 1248 год доказывают, что инквизиция действовала также в ту дату в нескольких провинциях Севера: в Париже, Лане, Орлеане, Маконе, Туре и т.д. Во второй части правления Людовика IX доминиканцы имели регулярные инквизиционные трибуналы в Тулузе, Нарбонне, Каркассоне, Альби и, без сомнения, в других городах; все эти трибуналы были позже подчинены власти великого инквизитора Франции. Поскольку их архивы в значитель-

ной части утрачены, неизвестно даже число лиц, которых они поразили; забвение совершенно покрыло имена большинства палачей и жертв. Но одно несомненно: преследование велось с такой последовательностью, что весьма преуспело; даже в Лангедоке к концу XIII века почти не осталось катаров: уцелевшие члены секты были в Северной Италии, где основали «убежище», «французскую церковь» в Вероне.

Очень важным фактом в общей истории Франции является процветание римской инквизиции в королевстве при святом Людовике. Во-первых, с финансовой и домениальной точек зрения. Инквизиция, все приговоры которой сопровождалась, в силу римских законов, конфискацией имущества, даже если раскаявшийся виновный был «примирен», способствовала перемене владельцев земли и движимого богатства в недавно присоединенных к Короне южных провинциях. Парижский договор 1229 года оставил за королевским фиском «энкуры», или конфискации по причине ереси; позже король, прислушавшись к рекламациям епископов, согласился на компромисс; [12] но королевские офицеры продолжали в течение всего XIII века записывать «энкуры» в статью доходов; они вели их особую отчетность. Прибыли от этого источника, противовес расходам, которые Корона несла на содержание тюрем и издержки аутодафе, впрочем, быстро упали: когда сеньоры и богатые купцы Лангедока были обобраны, остались лишь другие еретики, очень бедные люди, среди которых некоторые даже исповедовали мистический ужас перед собственностью: тогда и начался упадок инквизиционного учреждения. Во-вторых, практика доминиканских инквизиторов оказала глубокое влияние на уголовное право Франции, которое в XIII веке находилось в процессе преобразования, и на политические нравы. Никто не понимает хорошо трагедии времен Филиппа Красивого или отвратительную традиционную юриспруденцию трибуналов Старого порядка, если не знает особенностей инквизиционного судопроизводства.

ИНКВИЗИЦИОННАЯ ПРОЦЕДУРА.

Что явно характеризовало это судопроизводство, так это произвол и секретность. «Церковь, – очень верно говорит Г. Ч. Ли, – придерживалась теории, что инквизитор был беспристрастным духовным отцом, чьи функции, имеющие целью спасение душ, не должны были стесняться никакими правилами. Все гарантии, необходимость которых опыт людей признал в процедурах самого тривиального характера, были, таким образом, упразднены. Инквизитора увещевали действовать суммарно, не позволять создавать себе препятствия из-за судебных форм и адвокатских уловок. Более того, инквизиция окутывала себя тайной до произнесения приговора». Тайные доносы, тайные расследования невидимой полиции, тайные вызовы. Обвиняемый, предстающий перед инквизицией, не знал имен свидетелей, его обличающих, ни даже свидетельств, определивших убеждение судьи. Ибо судья был убежден, как только он велел вызвать. Судья, отдав приказ о вызове, имел лишь одну цель: добиться признаний, будь то с помощью уловчивых допросов, будь то посредством пытки, моральной или собственно физической. Странно, что Церковь, которая до тех пор всегда не одобряла пытку и строго запрещала клирикам пролитие и даже просто вид пролития крови, внезапно отказалась от этих вековых предписаний в пользу инквизиции; но несомненно, что, начиная с Иннокентия IV, инквизиторам было разрешено применять допрос с пристрастием к обвиняемым и свидетелям, в случае запирательства, через палачей по их приказу, тайно. Что касается наказаний, налагаемых инквизицией после признания, они никогда не были смертными, если виновный признавался, объявлял себя раскаявшимся и не отрекался; но широко применялось «заточение» (тюрьма), «широкая» или «тесная», пожизненная или нет; унижительные покаяния, как ношение желтого креста; театральные церемонии, вроде эксгумации трупов; и особенно конфискации. Однако все эти черты: невидимая полиция, неожиданные аресты, произвольные и тайные процедуры, увечные пытки, наказания и церемонии театрального характера; конфискации и т.д., встречаются, начиная с XIII века, в общем праве всех стран, знавших инквизицию, и особенно Франции. «В эпоху, когда сложилась инквизиционная практика, – говорит

Л. Танон, – светские юрисдикции Западной Европы находились в переходном периоде между старой обвинительной устной и публичной процедурой (которую сохранили и развили с тех пор лишь Англия и северные страны) и тайным преследованием по должности; они не могли не подвергнуться влиянию, самым серьезным образом, новой практике... Зародыши, заложенные в процедуре трибуналов инквизиции ради исключительного интереса подавления ереси, были перенесены и принесли плоды в процедуре обычных трибуналов», в течение веков.

III. ГОРОДА И КОММУНА[13]

ВОЛНЕНИЯ В КОММУНАХ СЕВЕРА.

В XIII веке клятвенные коммуны севера Франции были охвачены волнениями, которые не причинили затруднений правительству Людовика IX, но которые тем не менее было бы очень интересно узнать в деталях. За неимением документов о них, впрочем, почти ничего не известно.

Однако несомненно, что причины этих волнений были новы. В предшествующем веке все население городов, без различия богатых и бедных, составляло единый блок против тирании крупных сеньоров, светских или церковных, для завоевания коммунальных привилегий. Но, получив эти привилегии, оказалось, что высшая буржуазия, составившая в каждом городе патрицианскую олигархию, пользовалась ими почти одна, и скоро стала злоупотреблять ими, чтобы, в свою очередь, угнетать «чернь» (*la menue gent*) рабочих и мелких торговцев. Повсюду патрицианская буржуазия соединяла пороки дворянской аристократии и аристократии денег: сословная гордость, коррупция. Филипп де Бомануар, бывший королевским балыи, пища при преемнике святого Людовика, говорит, что в бонвилях «богатые, страшимые общиной из-за своего имущества и своего рода, имеют все управления, тогда как бедные и средние не имеют никакого»; что они не отчитываются перед общиной о своем муниципальном управлении, хотя иногда творят «обман или зло, отчего город лишается наследства и впадает в долги»; что при сборе талыи они освобождают себя, своих родственников и им подобных и таким образом перекладывают всю тяжесть налогов на «сообщество бедных». Известно, кроме того, что в больших промышленных городах эшевенаж, то есть патрициат хозяев, присваивал себе право устанавливать уровень зарплат, который он поддерживал на голодном уровне, и что он использовал свою политическую власть, чтобы очень сурово наказывать тех, кто пытался организовать сопротивление рабочих: эшевенажи Фландрии, Пикардии и Артуа заключали в XIII веке договоры об организации взаимной выдачи «зачинщиков», которые, после того как вызывали беспорядки в одном городе, укрывались бы в другом. Так что «мелкому люду», строго исключенному из дел, эксплуатируемому во всех формах, часто, по ощущению Бомануара, «для добывания хлеба в мире» и для «добывания своего права», не оставалось иного средства, кроме как «набрасываться» на членов и клиентулу правящих клик.

«Не одного, – добавляет Бомануар, – убили». Нет сомнения, что со времени восшествия Людовика IX происходило в бонвилях большое число кровавых мятежей, вызванных либо раздорами патрициев между собой, либо несправедливым распределением налогов, либо собственно стачками (*takehans*). Пролетариат коммун Севера, особенно тех, что были между Маасом и морем: валяльщики, ткачи (*teliers*), угольщики и т.д., располагал огромной силой; для сопротивления патрициату он имел свои кадры, если не в старых профессиональных ассоциациях, «гильдиях» и «цехах», которые контролировал патрициат, то по крайней мере в своих религиозных «братствах», управлявшихся самостоятельно. Можно даже задаться вопросом, не поддерживала ли в некоторые эпохи демократическая партия каждого города связи с таковыми в соседних городах. Через десять лет после смерти Людовика IX, в 1280 и 1281 годах, сходные движения против верхней буржуазии вспыхнули почти одновременно в Брюгге, Генте, Ипре, Дуэ, Турне,[14] в Провене, Руане (где был убит мэр) и т.д.

ТЕОРИЯ БОМАНУАРА.

Эти «социальные» раздоры не могли не быть на руку сеньорам, против которых некогда установились коммуны, и королевской власти. «Каждый сеньор, – говорит Бомануар, – который имеет под собой бонвили, должен знать каждый год состояние города и как он управляется...; и иногда очень полезно, чтобы приходили на помощь оным городам, как поступили бы с малолетним ребенком». По Бомануару, сеньору принадлежит право исправлять эксцессы местных аристократий, проверять счета муниципальных магистратов, навязывать мир партиям и следить, чтобы налоги были справедливо распределены. Видно, в самом деле, что около времени всеобщего восстания 1280 года граф Гви де Фландрия предпринял взыскание отчетности о коммунальных финансах с эшевенгов Гента и других коммун своих владений; в 1280 году начинается серия муниципальных счетов в архивах больших городов Фландрии. Во владениях Короны Людовик IX уже действовал так же, в течение сорока лет, согласно доктрине «Кутюм Бовези».

ЛЮДОВИК IX И НАРОД ГОРОДОВ.

При Людовике IX Корона вмешивалась в дела коммун и других общин ротюрье, не для того чтобы вводить новшества в их конституцию – ибо, по выражению Бомануара, «все нововведения запрещены», – а чтобы надзирать за ними, и особенно чтобы их эксплуатировать. Историки долго заблуждались на этот счет. Озабоченные поисками доказательств заботы доброго короля о самых смиренных своих подданных, они хвалили его за меры, которых он не принимал, и истолковывали некоторые его акты превратно.

Так хвалили Людовика IX за то, что он первым из королей Франции наделил свой народ кодексом; но было доказано в наши дни, что сборник, озаглавленный «Установления святого Людовика», далеко не составленный по приказу короля, является лишь кутюмником, скомпилированным до 1273 года практиком без полномочий, который присоединил к изложению принципов гражданского и феодального права, соблюдавшихся в Орлеане, Анжу и Мэне, текст некоторых королевских ордонансов.[15]

Так превратно толковались два недатированных ордонанса (но относящихся к 1262 году), которыми предписывается, чтобы 29 октября каждого года коммуны собственно Франции и Нормандии обновляли свои муниципалитеты; 17 ноября новая и старая муниципальная администрация представляли бы людям счетов короля в Париже доходы и расходы последнего года. Целью этих ордонансов была, говорили, положить конец злоупотреблениям, роскошным расходам, беспорядкам всякого рода, которые довели города до долгов, и обеспечить серьезный контроль. Но контроль людей короля был ли серьезнее контроля коммунальных собраний? Во всяком случае, если бы король хотел предотвратить разорение коммун, от него зависело бы ограничить свои требования, которые их истощали. Напротив же, достоверно, что Людовик IX очень часто прибегал к ресурсам коммун, в людях и деньгах. Если финансы большинства городов собственно Франции находились в серьезном расстройстве к концу XIII века, муниципалитеты обвиняли, не без оснований, королевскую фискальную политику в самом широком участии в их крахе.[16] До такой степени, что ордонансы 1262 года были составлены скорее, кажется, для того, чтобы люди короля были точно осведомлены о ресурсах каждой общины и чтобы таким образом облегчить установление новых налогов. Они санкционируют взятие коммун под опеку, согласно теории Бомануара, но опеку более выгодную опеку, чем подопечным. Впрочем, они, вероятно, вышли из употребления около 1282 года: в конце XIII века офицеры короля вмешивались в управление муниципальными финансами лишь по исключению.

Вне городов, в деревнях, была огромная темная плебейская масса, страдающая и варварская. Лишь однажды, при Людовике IX, она выплывает на поверхность, взволнованная бурей, в одной вспышке.

ПАСТУШКИ.

При вести о несчастьях короля и крестоносцев в Египте, около Пасхи 1251 года, большое волнение сострадания потрясло население севера Франции. Толпы несчастных, мужчины,

женщины и дети, бродили из деревни в деревню; они шли освободить короля, завоевать Иерусалим. Скоро они образовали орды. Появился вождь. Откуда он был? Современники не знали: они говорят, что это был старик, лет шестидесяти, бледный, худой, с длинной бородой, который говорил увлекательно по-французски, на *tióis* (фламандском) и по-латыни; его называли «магистром из Венгрии»; считалось, что он держит в сжатом кулаке хартию Святой Девы, поручившей ему свою миссию. Из Брабанта, Эно, Фландрии, Пикардии ватага «пастухов» покати-лась за несколько недель до Парижа, нарастая в пути бродягами, ворами и девками! Народ Франции, если верить итальянцу Салимбене, был настроен против официальной Церкви, кото-рая, после того как рекомендовала египетскую экспедицию, бросала крестоносцев на произвол судьбы, с самыми недоброжелательными чувствами: «Французы, – говорит Салимбене, – бого-хульствовали в то время: когда братья-проповедники и братья-минориты просили милостыню, люди скрежетали зубами и, при виде их, давали другим бедным, говоря: Возьми это, во имя Магомета, более могущественного, чем Христос». Несомненно, что пастухи, гнавшиеся за кли-риками, были сначала хорошо приняты. Буржуа Амьена, считая их «святыми людьми», снаб-дили их припасами. Под Парижем их было шестьдесят тысяч (?), [17] с оружием и знаменами. «Их вождь, – писал кустод францисканцев Парижа своим братьям в Оксфорд, – благословляет народ, проповедует, раздает кресты; он изобрел новое крещение, творит ложные чудеса. По его прибытии в Париж таково было народное волнение против клириков, что за несколько дней было убито, брошено в воду, ранено их великое число; кюре, служивший мессу, был обобран с ризы, его увенчали розами в насмешку...» Говорили, что магистр из Венгрии, принятый коро-левой Бланкой то ли в Мобюисоне, то ли в другой королевской резиденции окрестностей, так хорошо ее «очаровал», что королева и ее Совет «считали добрым то, что он сделает».

Покинув Париж, пастухи, опьяненные своей популярностью и силой, разделились на несколько отрядов. Одни пошли в Руан; они проникли в собор и в архиепископский дом, откуда изгнали клириков. Другие, под предводительством Магистра, совершили триумфаль-ный вход в Орлеан 11 июня; там Магистр еще проповедовал; произошла драка, в которой были убиты клирики университета; как в Париже, как в Руане, как в Амьене, буржуа, открывшие ворота своего города, несмотря на представления епископа, не воспротивились эксцессам. В Туре францисканцы и доминиканцы много пострадали от ярости пастухов, которые таскали их по улицам, полуголых, грабили их церкви и разбили, кажется, нос у статуи Девы. Только тогда удалось убедить королеву вмешаться. Клирики рассказывали ужасные вещи о магистре из Венгрии: это был монах-апостат, некромант, обучавшийся в школах Толедо, который обещал султану Египета выдать ему бедняг, которых увлекал за собой; он установил многоженство в своем лагере. От такого опасного персонажа надо было избавиться. Это было легко: пастухи все более рассеивались; они были теперь в Нормандии, Анжу, Бретани, Берри. И они губили сами себя: в Бурже, откуда клирики удалились перед их прибытием, они напали на евреев и даже на жителей. На них бросились; и Магистр из Венгрии погиб в сражении близ Вильнёв-сюр-Шер. Остатки ватаги тут же принялись преследовать с рвением. Они разбежались во все сто-роны; их вешали вплоть до Эг-Морта, до Бордо, до Англии. «Говорят, – продолжает кустод францисканцев Парижа, – что они имели намерение: 1) уничтожить духовенство, 2) упразд-нить монахов, 3) напасть на рыцарей и дворян, дабы эта земля, таким образом лишенная всех своих защитников, была лучше подготовлена к заблуждениям и вторжениям язычников. Это правдоподобно, тем более что множество неизвестных рыцарей, одетых в белое, только что появилось в Германии...» Матвей Парижский сообщает, что в багаже пастухов, которые были взяты и казнены в Гаскони, нашли порошки ядов и письма султана.

Как все движения того же рода, нередкие в Средние века, эта антиклерикальная жакерия не имела никаких последствий.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Ш. Бемон: Кампания в Пуату, 1242-1243, в *Annales du Midi*, т. V, 1893.

[2] Таким образом, у моста Тайлебурга не было боя, хотя на этом месте 22 июля 1892 года была открыта памятная стена.

[3] А. Молинье: Экспедиция Тренкавеля, в *Histoire générale de Languedoc*, т. VII, 1879, стр. 448.

[4] Генрих III, после подчинения графа Тулузского, слабо попытался бороться еще на суше и на море. Но поскольку он потерпел неудачу при осаде Ла-Рошели, перемирие было заключено с ним на пять лет в апреле 1243 года.

[5] Э. Берже: Святой Людовик и Иннокентий IV. Исследование отношений Франции и Святого Престола.

[6] В январе 1247 года Иннокентий приказал архиепископу Руанскому «заставлять проповедников рассказывать народу о преступлениях Фридриха». Далее мы увидим, что правительство Филиппа Красивого также заставляло проповедников «рассказывать народу» о «преступлениях» Бонифация.

[7] *Historiens de la France*, т. XXI, стр. 770. Раздражение усиливалось порочными и произвольными способами взимания. «В Галликанской церкви были большие роптания, – говорит лиможский хронист, – потому что для оценки стоимости бенефициев не полагались на заявления бенефициариев». Святой Престол, нуждаясь в деньгах, часто получал авансом от банкиров суммы, причитавшиеся с десятин и займов; он нес затем свою долю ответственности за притеснительные процедуры, которые агенты Бонавентуры ди Бернардино и компаньоны возбуждали против должников. Отлучения, получаемые папскими банкирами против прелатов, не желавших подчиняться их часто ростовщическим требованиям, вызывали, естественно, скандал.

[8] Эти «тиранические вымогательства» казались еще слишком умеренными народному мнению. Некоторые современники свидетельствуют об этом, в частности артуасец Роберт, автор *Vers de la Mort*, и парижанин Рютбёф. «Всегда готовые брать как угодно, – говорит Роберт о светских и регулярных клириках, – и искать уловок, чтобы не отдавать». «Что им за дело, – говорит Рютбёф, – до несчастий Христианства! Как вернуть это золото, что они скопили у себя, отказываются извергнуть и что составляет их силу?»

[9] В 1268 году Людовик IX просил папу продлить еще на один год трехгодичную десятину, вызвавшую столько негодования, но на этот раз Климент IV посоветовал умеренность.

[10] Достоверно, что подавляющее большинство епископских кафедр и аббатств было к концу правления Людовика IX жестоко обременено долгами. Почти нигде обычных ресурсов церквей не хватало на погашение авансов, выданных ломбардскими банкирами под условием процентов; и расплачивались лишь для того, чтобы получить возможность заключать новые займы.

[11] Инквизиторы, зарезанные в замке Авиньона в ночь с 28 на 29 мая 1242 года, были причислены к лику блаженных как мученики шестьсот лет спустя Пием IX.

[12] Согласно этому компромиссу, фьефы, находившиеся в зависимости от епископства и подлежащие конфискации, делились на две равные части, заинтересованный епископ сохраняя право выкупить королевскую долю в течение двух месяцев; по истечении этого срока король был обязан уступить эти территории лицу того же состояния, подчиненному тем же обязанностям, что и прежний владелец; движимое имущество оставалось за Коронай. В виде исключения, в епархии Альби энкуры делились между епископом и королем.

[13] А. Жири: Документы об отношениях королевской власти с городами во Франции с 1180 по 1314 год, 1885. А. Молинье: Очерк управления святого Людовика и Альфонса Пуатье в Лангедоке, извлечение из т. VII *Histoire générale de Languedoc*, стр. 98.

[14] Одновременность движения, быть может, согласованного, быть может, вызванного заразительностью примера, была отмечена для пяти фламандских городов Анри Пиренном, *История Бельгии* (1900), стр. 352. Но движение было более обширным.

[15] П. Виолле: Установления святого Людовика, 1881-1886.

[16] А. Уари: Установления Руана, 1883, т.1, стр. 42. Вот, в качестве примера, жалобы, представленные королевскому двору магистратом Нуайона 7 апреля 1260 года: «Когда король отправился за море (в 1248 году), мы дали ему 1500 ливров, и, когда он был за морем, королева, дав нам понять, что королю нужны деньги, мы дали ей 500 ливров. Когда король вернулся из-за моря, мы одолжили ему 600 ливров, но получили обратно лишь 100 и оставили ему остальное. Когда король заключил мир с королем Англии, мы дали ему 1200. И каждый год мы должны королю 200 турецких ливров за причину коммуны, которую мы держим от него; и наши подарки приезжающим и уезжающим обходятся нам, в хороший и плохой год, в 100 ливров или более. И когда граф Анжуйский, брат короля, был в Эно, нам дали знать, что ему нужны сержанты для охраны его фьефа; мы послали ему пятьсот, что стоило нам по меньшей мере 500 ливров. Когда упомянутый граф был в Сен-Кантене, он вызвал коммуну Нуайона, и она отправилась туда для охраны его особы, что стоило нам добрых 600 ливров, и город Нуайон сделал все это для графа в честь короля. После, при выступлении армии, нам дали знать, что граф нуждается в деньгах и что будет подлостью, если мы ему не поможем; мы одолжили ему 1200 ливров, из которых мы оставили ему 300, чтобы получить расписку, скрепленную печатью, на остальные 900». (А. Лефранк, История города Нуайона, стр. 223.) Сравните с рекламациями консулов Але в 1247 году (А. Бардон, История города Але, стр. 67.) О беспорядках, вызванных сбором королевской тальи в Аррасе в 1269 (?) году, см. Г. Ги, Очерк об Адане де ла Але, 1898, стр. 87 и след.

[17] Выражение «шестьдесят тысяч» часто употреблялось в Средние века как синоним «многих».

IV. – Внешняя политика: Франция и соседние страны – 1235–1270 гг.

Часто склонны полагать, что если бы Людовик IX захотел, он мог бы воспользоваться затруднениями своих соседей, чтобы расшириться за их счет: королевская Франция тогда занимала первое место в Европе; «король Франции, – говорит англичанин Матвей Парижский, – есть король королей» (rex Francorum, qui terrestrium rex regum est). Как бы там ни было, Людовик IX этого не пожелал. Напротив, поддерживать мир между государями, быть арбитром в их спорах, вести себя с иностранцами так, как честный человек ведет себя с ближним, в согласии с милосердием и справедливостью, – таков был его принцип. Его внешняя политика преследовала лишь одну цель: примирение всех христиан для всеобщего крестового похода.

I. ФРАНЦИЯ, ПАПСТВО И ИМПЕРИЯ ДО 1254 ГОДА[1]

В тот момент, когда Людовик взял в свои руки управление королевством, вековой спор Священства и Империи переживал критическую фазу. С одной стороны – Григорий IX, с другой – Фридрих II. И папа, и император имели величайший интерес заручиться поддержкой Франции. Оба поочередно делали ей предложения.

Первые предложения поступили от папы. Григорий отлучил Фридриха от церкви и призвал христианские королевства помочь ему против его врага. В 1240 году он предложил корону Германии герцогу Дании Абелю, Оттону Брауншвейгскому и Роберту д'Артуа, брату Людовика IX. Переговоры, начатые по этому поводу во Франции легатом, кардиналом-епископом Пренесте, ни к чему не привели.

Тем временем Григорий созвал в Риме Вселенский собор. Напрасно Фридрих II писал королям Франции и Англии, что он не потерпит его созыва; легат провел во Франции, в Мо, синод, чтобы призвать епископов последовать за ним за Альпы. Но дороги были перекрыты; море было небезопасно; так что большинство французских прелатов, добравшись до Марселя, вернулись домой. Некоторые – такие как архиепископы Руана, Бордо и Оша, епископы Каркассона и Нима, аббаты Клюни, Сито, Клерво и Фекана – отплыли на генуэзском флоте, который, разбитый в море 3 мая 1241 года пизанцами на имперской службе, позволил им попасть в руки императора. Как только Людовик IX узнал об их участии, он поручил требовать их освобождения аббату Корби и одному из рыцарей своего дома, Жерве д'Эскренну. И когда Фридрих ответил, что он воспользовался правом войны, король, как говорят, ответил ультиматумом, последние слова которого были таковы: «Наше королевство не настолько ослаблено, чтобы позволить вам погонять его шпорами.[2]» Фридрих уступил.

В этих двух знаменитых инцидентах 1240 и 1241 годов отчетливо проявляется политика, от которой Людовик IX никогда не отступал: почтительность по отношению к Святому Престолу, добрая воля по отношению к императору, твердое намерение защищать от обоих воюющих сторон права и интересы короны Франции.

ИЗБРАНИЕ ИННОКЕНТИЯ IV.

Смерть Целестина IV, преемника Григория IX, повлекла за собой длинное междуцарствие,[3] которое завершилось избранием 25 июня 1243 года человека бдительного, хитроумного, смелого – знатного генуэзца Синибальдо Фьески (Иннокентия IV). Тотчас же между Иннокентием IV и домом Штауфенов завязалась крайне ожесточенная дуэль, длившаяся одиннадцать лет.

После запутанных переговоров с императором, где посредником служил Раймунд VII Тулузский, примирившийся с Римской церковью после мира в Лорри, папа, отчаявшись достичь прочного соглашения и не считая себя больше в безопасности в окрестностях Рима, внезапно бежал в Геную (28 июня 1244 года). Вскоре имперские посланцы появились при дворе

Англии и при дворе Франции, чтобы настроить Генриха III и Людовика IX против беглеца. Они находились в королевской свите в сентябре, когда Людовик IX в сопровождении своей матери, своих братьев Роберта и Альфонса и очень блестящей свиты присутствовал в монастыре Сито на генеральном капитуле ордена цистерцианцев. По словам Матвея Парижского, «папа направил членам капитула письмо, в котором просил их умолять Людовика IX защитить его от нападков императора, этого сына сатаны, и, если потребуется, принять его во Франции, как некогда Людовик VII принял Александра III, бежавшего от Барбароссы». Пятьсот аббатов и монахов, стоя на коленях со сложенными руками, якобы умоляли короля исполнить просьбу первосвященника. Но Людовик, также преклонив колени, дал уклончивый ответ. На самом деле, папу не поощрили обосноваться в королевстве, ибо в декабре он остановился в имперском городе Лионе, достаточно близко от Франции, чтобы в случае нужды воспользоваться ее защитой, но вне ее пределов.

Иннокентий IV, обосновавшись в Лионе, перешел в наступление. Он объявил о созыве на день святого Иоанна 1245 года Вселенского собора, который «должен был постановить о положении Святой Земли, помощи, в которой нуждалась Латинская империя на Востоке, о вторжении татар, о борьбе между Церковью и Императором[4]». Посланцы Людовика IX и Генриха III присутствовали на этом собрании. Открывающее заседание, состоявшееся 12 июня в трапезной монастыря Сен-Жюст, было ознаменовано речью прокурора Фридриха II, Таддео ди Суэссы, который от имени своего господина предлагал передать решение спора между Империей и Церковью на арбитраж королей Франции и Англии. Папа отказался. Он будто бы сказал: «Я отказываюсь, ибо если он (Фридрих) исказит наши соглашения, что он непременно сделает, мне придется обрушиться не только на него, но и на двух королей, его поручителей, и тогда у Церкви будет вместо одного врага три». 17 июля, несмотря на мольбы представителей князей, отлучение было подтверждено; Фридрих был объявлен низложенным и лишенным своих королевств от имени вселенской Церкви.

Приговор был предсказуем. Государи, наиболее преданные Святому Престолу, придали ему так мало значения, что не перестали обращаться с Фридрихом как с королем и даже как с другом. Обращение в письмах Людовика IX к императору не изменилось. Оно не изменилось даже тогда, когда Фридрих II, протестуя против приговора, вынесенного в Лионе, направил королю Франции, баронам Франции и всем французам один за другим гневные послания. В обращении к французам император, комментируя максимуму «*Nam tua res agitur, paries cum proximus ardet*» («Ибо твое дело страдает, когда стена соседа горит»), обвиняет пап в притязаниях на светское верховенство и в узурпации королевских юрисдикций: «Именно для того, чтобы положить конец этим злоупотреблениям, он послал Петра де Винеа и Готье д'Окра, своих приближенных, к своему дражайшему другу Людовику Французскому. Если король, при содействии своих пэров и знати, согласится на роль арбитра и побудит папу возместить причиненный ущерб, и в частности отменить то, что было сделано на соборе, император, со своей стороны, подчинится его решению и предоставит Церкви должные удовлетворения...» Фридрих заканчивал, утверждая свою преданность делу крестового похода.

ВСТРЕЧА В КЛЮНИ.

Людовик, державшийся до тех пор сдержанно, тогда сделал шаг: он попросил у папы встречи. И в конце ноября он встретился с Иннокентием IV в монастыре Ключни. Конференции, длившиеся семь дней, были совершенно секретными: в них участвовали только папа, король и королева Бланка. Вероятно, между этими тремя персонажами шла речь о крестовом походе и о том, что ему препятствовало: войне между Францией и Англией, споре папы и императора и браке Беатрисы, наследницы графства Прованс. Даже несомненно, что в Ключни были приняты решения относительно провансальского брака, ибо Людовик IX сразу же после встречи открыто вмешался в дела Прованса: один из претендентов на руку Беатрисы, Хайме, король Арагона, был силой устранен, и Карл (Анжуйский), младший сын Бланки Кастильской,

женился на ней, оставив с носом третьего претендента, Раймунда VII Тулузского. Иннокентий IV всеми силами способствовал этой комбинации, которая окончательно отдавала Прованс, землю Империи, под французское влияние. Он не стал бы так действовать без причины. Папская диспенсация, разрешившая союз Карла и Беатрисы, была, без сомнения, платой за обещания, которые Бланка Кастильская и король дали изгнанному папе.

Людовик IX уже в то время был одержим идеей заморского путешествия: он, несомненно, настаивал в Клуни, чтобы Иннокентий IV помог ему собрать людей и деньги, необходимые для освобождения Иерусалима. Иннокентий пообещал, но охотно сказал бы, как Генрих III: «Король Франции принимает крест; у меня же есть враги». Как можно думать об Иерусалиме, когда Италия была в руках нового Сатаны? Лионский собор постановил ввести сборы с духовенства, предназначенные для крестового похода в Святую Землю: папа прилагал усилия, чтобы облегчить сбор этих средств; но он не мог решиться пожертвовать крестовым походом короля Франции ради крестового похода, который он велел проповедовать за пределами Франции против императора. 5 июля 1246 года он писал своему легату Эду де Шатору: «Прекратите в Германии проповедь экспедиции в Святую Землю; но держите этот приказ в секрете, никому его не раскрывайте». Позже он заменил обеты фризских рыцарей, которые должны были отправиться в Сирию, условием, что они будут сражаться в армии Вильгельма Голландского, антицезаря, друга папы, против армии Фридриха.

СПОР СВЯЩЕНСТВА И ИМПЕРИИ В 1246 ГОДУ.

Таким образом, встреча в Клуни не привела, как, возможно, надеялся король, к умиротворению. Напротив, 1246 год был отмечен обострением конфликта. Два врага с большим ожесточением, чем когда-либо, осыпали друг друга оскорблениями и анафемами: «Клирики, разжиревшие на милостыне наших предков, – писал Фридрих королям, – угнетают потомков своих благодетелей; сыновья наших подданных, они забывают положение своих отцов и больше не уважают ни императора, ни короля, с тех пор как им была дарована апостольская власть... Не думайте, что величие нашего достоинства склоняется под папским приговором. В чистоте нашей совести и с помощью Божьей мы всегда имели твердое намерение вернуть клириков всех степеней, и особенно самых высокопоставленных, к тому, чем они были в первоначальной Церкви, чтобы жили они как апостолы, подражали смирению Господа...» На что папа ответил буллой *Agni sponsa nobilis*, призывавшей государей отомстить за бесчестие Церкви.

Не похоже, чтобы Людовик был взволнован этими декламациями. Осенью он снова предложил свое посредничество, от которого папа вежливо отказался, пообещав «сохранять в своих отношениях с императором ту мягкость и благосклонность, которые будут совместимы с волей Божьей и честью Святого Престола». Затем он попросил Фридриха II облегчить снабжение будущего крестового похода в Сицилии; и поскольку отлученный, естественно, поспешил осыпать его предложениями услуг, он поблагодарил его дружеским письмом, называя его «превосходнейшим и дражайшим другом, императором вечно августейшим, королем Сицилии и Иерусалима». Фридрих писал, намекая на неудачу последней попытки Людовика при папском дворе: «Соединенные одной и той же обидой, объединимся, чтобы защитить наше достоинство и наши права». По этому пункту король ответил имперскому посланцу устно; что он ему сказал – неизвестно.

ФРИДРИХ II.

Антиклерикальная риторика Фридриха, которая, кажется, мало возмутила Людовика Святого, не осталась бездейственной по отношению к баронам Франции, всегда очень воинственно настроенным против духовенства. Мы видели, что некоторые из главных баронов королевства объединились в ноябре 1246 года против Церкви. Манифест лиги почти дословно воспроизводит выражения имперских циркуляров. В нем говорится, что Карл Великий и его преемники основали Церковь Франции; что клирики, которые судят сыновей тех, чьими сервами были их отцы, должны быть возвращены к состоянию первоначальной Церкви, к бедно-

сти, к практике созерцательных добродетелей, дабы они снова явили миру чудеса, которых он лишен, и т.д. Этот манифест, говорит Матвей Парижский, напугал многих, «и думали, что он исходит от Фридриха». Лиги вели переписку с императором, который весной 1247 года информировал их о прогрессе своих переговоров с королем. В то же время король и галликанская церковь заставили представить Иннокентию IV энергичные жалобы. Таковы были нападки, которые Святому Престолу приходилось выдерживать со стороны Франции, в тот момент когда император, ободренный союзом с дофинузцами, савойцами и пьемонтцами, задумал перейти Альпы и захватить в Лионе своего противника, загнанного в угол.

Фридрих II, конечно, не предвидел, что столкнется с противодействием Людовика IX еще до вступления в Лион. Он был так убежден, что французы на его стороне, что позаботился известить короля о своем проекте и пригласил Гуго де Шатильона, графа де Сен-Поля, одного из четырех вождей лиги французских баронов, присоединиться к нему с отрядом рыцарей и латников. В Италии думали, что французы собираются ему помочь.

Между тем Людовик IX вместе с Бланкой Кастильской находился в монастыре Понтиньи, чтобы присутствовать при перенесении мощей святого Эдмунда. Кардиналы Альбано и Тускулума приехали туда повидать его от имени Иннокентия IV. Правдоподобно, что они получили от него обещание защищать папу, если понадобится, с оружием в руках. 17 июня Иннокентий излился в изъявлениях благодарности. Несколько дней спустя стало известно, что император, отозванный в Италию восстанием пармезанцев, отказывается от запланированной экспедиции. Святой Престол был спасен. Фридрих не знал или делал вид, что не знает, что если бы Парма осталась верной и он двинулся бы на Лион, французская армия была готова преградить ему путь.

ЛЮДОВИК IX ОТПРАВЛЯЕТСЯ В КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

Людовик IX, скрупулезно соблюдавший равновесие между двумя противниками, решил тем временем отправиться на Восток, не дожидаясь восстановления спокойствия на Западе. К великому неудовольствию пизанцев и императора, он обратился для перевозки к гвельфской республике Генуе. 12 июля 1248 года он принял орифламму в Сен-Дени. Некоторое время перед тем, весной, он принял брата Жана де План Карпена, знаменитого миссионера, посланного папой с секретным поручением; в пути к нему присоединились уполномоченные Фридриха, чьи дела в Италии и Германии шли плохо. Но эти последние переговоры провалились, как и предыдущие. Встреча Людовика IX и Иннокентия IV в Лионе, столь же секретная, как и встреча в Ключи, также ни к чему не привела. После отъезда короля папа похвалялся, что был непреклонен, а Фридрих написал королю Англии, что сожалеет о том, что просил мира.

Когда в Европе узнали о поражении короля Франции в Египте и его пленении, Иннокентий IV и Фридрих II обвиняли друг друга в том, что они стали причиной этих несчастий. Одни говорили, что Фридрих – отныне последняя надежда крестоносцев; другие – что он их предал. Графы Пуатье и Анжуйский, вернувшиеся из Палестины летом 1250 года, по словам Матвея Парижского, грубо потребовали, наконец, от папы договориться с императором, чтобы помочь Святой Земле, под угрозой, в случае его упрямства, быть изгнанным из Лиона. В таком положении были дела, когда 13 декабря 1250 года Фридрих II умер. Это неожиданное событие, вновь открывшее Италию для Иннокентия, тотчас изменило его отношение. Франция ему больше не была нужна; и он, который некогда сам добивался встречи в Ключи, отвечал уклончиво Бланке Кастильской, выздоравливавшей, которая выражала желание увидеть его еще раз: он был «занят», он «боялся, что поездка вызовет у королевы рецидив»; в виде милости он разрешил епископу Парижа отпустить ей грех, который она совершила, сохраняя ранее отношения с отлученным Фридрихом...

Возмущение во Франции, где глубоко переживали несчастья египетского крестового похода, было сильным, когда стало очевидно, что папа, несмотря на смерть императора, не хочет сложить оружия.

Фридрих II оставил сына, Конрада IV, и бастарда, Манфреда. Его сторонники были подавлены, но не уничтожены. Иннокентий продолжал проповедовать крестовый поход против гибеллинов в ущерб заморскому походу. Стоит ли верить Матвею Парижскому? Он утверждает, что по совету баронов Бланка Кастильская приказала конфисковать земли французов, воевавших против Империи, сказав: «Пусть те, кто сражается за папу, содержатся за счет папы». Устали от бесконечных споров Святого Престола, больше не хотели в них вмешиваться. Когда Иннокентий, чтобы изгнать Манфреда из Южной Италии, одновременно предложил корону Сицилии Карлу Анжуйскому, брату Людовика IX, и Ричарду Корнуольскому, брату Генриха III, он потерпел двойную неудачу во Франции и в Англии. Честолюбие графа Анжуйского было возбуждено: он обсуждал условия с папой; но его окружение сумело отговорить его от этой авантюры; и осенью 1253 года он временно от нее отказался.

Иннокентий IV умер в Неаполе в декабре 1254 года, в год возвращения Людовика IX.

II. АРБИТРАЖИ ЛЮДОВИКА IX (ФЛАНДРИЯ, АНГЛИЯ И ПРОЧ.) ВО ФЛАНДРИИ И ЭНО.

До крестового похода в Египет Людовику IX представился случай выступить посредником для сохранения мира не только между Иннокентием и Фридрихом, но и между претендентами на наследие Фландрии и Эно.[5]

Бодуэн, граф Фландрский и Эно, оставил двух дочерей: Жанну и Маргариту. Жанна, старшая, наследовавшая ему, последовательно выходила замуж за Феррана Португальского и Томаса Савойского; Маргарита была выдана (1212) за рыцаря из Эно, Бушара д'Авен, человека зрелых лет, и родила ему двух сыновей, Жана и Бодуэна, прежде чем ей исполнилось пятнадцать лет. Рассорившись со свояченицей и обвиненный в том, что в юности был посвящен в сан субдиакона, Бушар д'Авен оставил жену, после шести лет совместной жизни с ней в замке Уффализ, чтобы отправиться защищать в Римской курии законность своего брака. Но отсутствующие, как говорится, всегда неправы: Маргарита, как только рассталась с Бушаром, забыла его; она примирилась с Жанной и, не дожидаясь папского решения, которого Бушар все еще требовал, вышла замуж (1223) за младшего сына из Шампани, Гильома де Дампьера, от которого имела трех сыновей и двух дочерей. Затем, один за другим, скончались Гильом де Дампьер, Бушар д'Авен, графиня Жанна. В декабре 1244 года Маргарита стала графиней Фландрии по собственному праву. Но что произойдет после ее смерти? Д'Авены, дети от первого брака, владели правом первородства; Дампьеры, рожденные во втором браке, объявляли лишь себя законными. И те, и другие претендовали на участие в церемонии принесения оммажа, который их мать должна была принести королю Франции, а за имперскую Фландрию – императору. Д'Авены имели на своей стороне Эно, а Дампьеры – Фландрию. В перспективе была война. Обе стороны, давно судившиеся в Риме, примерно во время встречи в Ключи (1246) согласились оставить канонический процесс и поручить решение вопроса о распределении владений арбитрам. Людовик IX и легат Эд де Шатор, назначенные арбитрами, присудили Фландрию с ее зависимыми землями Гильому, старшему из Дампьеров; Эно – Жану, старшему из д'Авенов. Достаточно справедливое решение и, одновременно, соответствующее интересам королевства.

«РЕЧЬ» ПЕРОННСКАЯ.

Жан д'Авен подчинился решению арбитров лишь неохотно. В сентябре 1246 года он женился на Алисе Голландской, сестре того Вильгельма Голландского, которого партия Иннокентия IV противопоставила Фридриху II в Германии. С другой стороны, он добился от папы официального, после расследования, признания своей законнорожденности (17 апреля 1251 года). Но если он законный сын, не становился ли тогда арбитражный приговор, вынесенный, когда его гражданское состояние было неопределенным, недействительным? Поскольку графиня Маргарита заранее, в виде преднаследования, передала своему сыну Гильому (который погиб в 1251 году на турнире), а затем своему сыну Ги, титул графа Фландрского, он, со своей стороны, стал претендовать на титул графа Эно также заранее, но ему было отказано. В июле

1252 года римский король Вильгельм Голландский, находившийся в плохих отношениях с Маргаритой, объявил ее лишенной фьефов, которые она держала в Империи, и инвестировал ими Жана д'Авена. Людовик IX находился в Святой Земле, и вспыхнула война. 4 июля 1253 года большая армия фламандцев и французов была уничтожена при Вест-Капелле на острове Валхерен братом короля Вильгельма, Флорисом Голландским; Ги и Жан де Дампьер попали в руки победителя.

Эти события и последующие были способны взволновать короля, который узнал о них в глубине Палестины. Маргарита дала волю яростной ненависти, которую питала к своим старшим сыновьям, до того, что предложила графство Эно и опеку над своим фландрским фьефом тому младшему брату французского короля, Карлу Анжуйскому, которого знали как деятельного и ищущего выгодного владения. Карл Анжуйский, только что с сожалением отказавшийся от королевства Сицилия, принял предложение. Хозяин Валансьена, он маневрировал летом 1254 года вокруг этого города, напротив римского короля, главы враждебной партии; но сражения не произошло. Перемирие, заключенное 26 июля, оставило Карла во владении большей частью графства, занятой его людьми. Именно тогда вернулся Людовик IX. Матвей Парижский утверждает, что положение дел во Фландрии было одной из причин, ускоривших его возвращение.

Его присутствие – он отправился в Гент в 1255 году – восстановило порядок. Во-первых, Карл Анжуйский, весьма вероятно получив выговор, впредь воздерживался от появлений в Эно. После того как Вильгельм Голландский был убит во Фрисландии, Жан д'Авен согласился подчиниться арбитражу короля Франции во второй раз. «Речь» Пероннская от 24 сентября 1256 года наложила на него унижительную обязанность принести оммаж Карлу и лишила Эно части его владений – Кревекёр, Арлэ и др., – которые были присоединены к Фландрии. Маргарита уплатит графу Анжуйскому за его труды крупную компенсацию; между членами семьи будет принесена клятва вечного мира. Так был улажен по-доброму конфликт, грозивший опустошить Нидерланды.[6]

НАСЛЕДСТВО НАВАРРЫ.

Другие споры потребовали внимания короля после его возвращения из Святой Земли. Наследство Наварры тоже оспаривалось. Тибо IV, граф Шампани и король Наварры, умерший в июле 1253 года, оставил несколько детей от своих двух последних браков. Бланка, его дочь от Агнессы де Божё, его второй жены, была замужем за графом Бретонским. От Маргариты де Бурбон, его третьей жены, он имел трех сыновей и двух дочерей; права старшего из этих детей, Тибо V, оспаривал его шурин из Бретани, муж его единокровной сестры. «Король Наваррский, – говорит Жуанвиль, – прибыл на парламент со своим Советом, и граф Бретонский тоже. На этом парламенте король Тибо попросил руки мадам Изабеллы, дочери короля Франции. "Ступайте, – сказал мне король, – помириться с графом Бретонским, и тогда мы устроим наш брак". И он добавил, что не хочет, чтобы говорили, будто он выдает своих детей замуж, обездоливая своих баронов. Я передал эти слова королеве Маргарите (Наваррской) и ее сыну, и они поспешили заключить мир. После чего король Франции выдал свою дочь за короля Тибо». Людовик IX также примирил графа Шалона с графом Бургундии; графа Бара с Генрихом Люксембургским и с герцогом Лотарингии; дофина Гига VII с Карлом Анжуйским, графом Прованским, и с Филиппом Савойским... «Отчего случилось, – заявляет Жуанвиль, – что бургундцы и лотарингцы, которых он примирил, так любили его и повиновались ему, что я видел, как они приходили судиться перед ним по тяжбам, которые у них были между собой». Его справедливость и бескорыстие сделали его обычным посредником между имперскими князьями, и Франция извлекла пользу из морального авторитета, который он таким образом приобрел без усилий.

ЛЮДОВИК IX И АНГЛИЯ.

Из всех арбитражных решений, которые он вынес, ни одно не наделало столько шума, как Амьенское решение, предназначенное рассудить Генриха III, короля Англии, и английских баронов. Впрочем, вся история отношений Франции с Англией в правление Людовика IX весьма характерна для поведения, которое король принял по отношению к своим соседям.[7]

Генрих III с раннего времени старался, как мы видели, отвоевать провинции, которые Филипп Август отнял у его отца, короля Иоанна; но после провала его коалиции 1242 года с сеньорами Пуату он держался спокойно, или почти спокойно. Перемирие, заключенное в 1243 году, было возобновлено. Это не был ни мир, ни война. Людовик IX же, с самого своего возвращения, пожелал, чтобы был заключен окончательный договор. Во-первых, он любил и почитал Генриха III за его примерное благочестие; а кроме того, он любил мир. Поэтому, когда Генрих попросил у него в 1254 году разрешения пересечь королевство, чтобы добраться из Гаскони в Англию, он охотно согласился и поехал навстречу своему гостю вплоть до Шартра. Матвей Парижский, преувеличивая, как обычно, говорит, что он сделал Генриху, вздыхая (*suspirans, voce demissa*), признания о гордости французов и упрямстве двенадцати пэров: «Они не хотят, чтобы я вернул вам ваши права; без них мы были бы неразлучны...» Дело в том, что начались переговоры, которые затянулись на пять лет. Они завершились заключением знаменитого договора, который был скреплен клятвой в Тампле в Париже 28 мая 1258 года и ратифицирован обеими сторонами в декабре 1259 года.

Парижский договор предоставил королю Англии все фьефы и домены, которые король Франции имел в диоцезах Лиможа, Каора и Перигё;[8] сверх того, перспективу получения Сентонжа к югу от Шаранты и Ажене в случае, если после смерти графа Альфонса де Пуатье, не имевшего детей, эти земли отойдут к короне Франции. В обмен Генрих III абсолютно отказался от Нормандии, Анжу, Турени, Мена, Пуату и признал себя ленником-лигом короля за все, чем он владел на континенте: возвращенные провинции и остальную Гиень. Наконец, Людовик IX обещал выплатить Генриху III в шесть сроков сумму, необходимую для содержания в течение двух лет пятисот рыцарей, «которые будут употреблены на службу Богу, Церкви или королевству Англии».

МИР С АНГЛИЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ.

«Те из Совета, – рассказывает Жуанвиль, – были очень против этого мира и говорили так: "Сир, мы очень удивлены тем, что вы хотите отдать королю Англии такую большую часть своей земли, ибо вы и ваши предшественники завоевали ее у него и по его вине. Если вы считаете, что не имеете права на эти завоевания, верните их все; в противном случае нам кажется, что вы теряете все, что отдаете". На что король ответил: "Сеньоры, я уверен, что предшественники короля Англии потеряли все по праву; и землю, которую я ему даю, я даю ему, не будучи к тому обязан, чтобы установить любовь между моими детьми и его, которые являются двоюродными братьями. И мне кажется, что то, что я ему даю, я хорошо употребляю, ибо он не был моим человеком, а теперь входит в мою верность"». Таковы истинные причины, побудившие Людовика IX заключить соглашения, которые общественное мнение во Франции явно не одобрило. Король, пренебрегший всеми представлениями, не мог не знать, что его уступчивость, приписанная угрызениям совести, показалась его подданным, очень враждебным англичанам, чрезмерной, и они были поражены, видя, что недавно побежденному врагу уступается то, что победоносный враг с трудом бы получил. В наше время Парижский договор был назван «непостижимым», и самые осмотрительные историки позволили себе выразить порицание: если, говорят они, вместо того чтобы предоставить англичанам неожиданные условия, король развил бы против них свои успехи, они были бы изгнаны из Франции, и, возможно, Столетняя война была бы предотвращена. Другие искали и, само собой разумеется, нашли смягчающие обстоятельства. Но к чему эти споры? Кто знает, прав был Людовик или нет? Он, как мы знаем, в конце концов убедил себя, что договор выгоден даже с материальной точки зрения, поскольку он вновь связывал узами оммажа герцогство Гиень с Коронай. И другие, кроме него,

так думали: англичане были не менее недовольны, чем французы, Парижским договором; они тоже обличали его как акт «постыдный», недальновидный и противоречащий интересам их страны.

«РЕЧЬ» АМЬЕНСКАЯ.

Деньги, которые король Франции обязался выплатить королю Англии по Парижскому договору и которые он выплатил после сбора с этой целью подати (*auxilium pro pace Angliae*), предназначались, по его мысли, для крестового похода; Генрих III употребил их на гражданскую войну.

Симон де Лестер, глава партии баронов, и Генрих III боролись тогда в Англии за и против сохранения знаменитых Оксфордских провизий, ограничивавших королевскую власть. Особенно с 1261 года спор обострился; и тогда противники отдали значительную дань гегемонии Франции, явившись все туда, чтобы изложить свою позицию. «Распри, возникшие между королем и нами, – писали Людовику IX английские бароны, – могут быть улажены только вашими советами». Со своей стороны, Генрих III отправил во Францию драгоценности своей короны, а затем свою казну. В сентябре 1263 года состоялась конференция в Булонь-сюр-Мер, где появились Генрих, его жена Алиенора, большое число английских баронов и Симон во главе их; разошлись, ничего не сделав. Алиенора осталась во Франции, чтобы попытаться вместе с королевой Маргаритой, своей сестрой, завербовать там союзников; и в Англии пополз слух, что остров будет, как в 1216 году, вторжением французов. Но ни Людовик IX, ни его брат Альфонс де Пуатье не были расположены выходить из нейтралитета: королевы интриговали напрасно. Наконец, роялисты и мятежники, устав, окончательно согласились в декабре 1263 года передать на арбитраж короля Франции все вопросы, поднятые Оксфордскими провизиями, которые разделяли их.

Они не могли выбрать арбитра, считавшего себя более беспристрастным; но удивляет, что бароны, и особенно Симон де Лестер, который должен был знать предубеждения короля, не предвидели приговора. Как же Оксфордские провизии, осужденные двумя папами, не могли возмутить государя, который в юности пострадал от аристократических коалиций, имел очень высокое понятие о божественном праве монархов и не знал Англии? Он их аннулировал; он вычеркнул все конституционные гарантии, которые были вырваны пять лет назад у короны Плантагенетов; он постановил, что назначение должностных лиц возвращается государю и что иностранцы вновь смогут селиться на острове; бароны, лишённые своих укрепленных мест, не получили никакого удовлетворения. Таковой была Амьенская речь от 24 января 1264 года, которую осужденная партия не приняла и которая развязала войну.

В этом случае непримиримая верность арбитра своим принципам привела к результатам, противоположным тем, которые он имел в виду.[9]

III. ЛЮДОВИК IX И ЮЖНЫЕ КОРОЛЕВСТВА

АРАГОН И КАСТИЛИЯ.

Подобно королям Англии, короли Арагона имели претензии на несколько провинций Франции. Чтобы добиться от них отказа, Людовик IX, всегда верный своему методу, со своей стороны отказался от прав, которые традиция приписывала его короне на Руссильон и графство Барселону, завоевания Карла Великого. Корбейский договор (11 мая 1258 г.) одновременно предусматривал брак арагонской принцессы Изабеллы с Филиппом, наследником Франции. Король Арагона сохранил к северу от Руссильона лишь сеньорию Монпелье; он отказался в пользу королевы Франции Маргариты, своей кузины, от всего, на что претендовал в Провансе, и в пользу короля – от всего, на что претендовал в Лангедоке; таким образом, он отказался от роли, которая прельщала его предшественников, – роли сюзерена и покровителя окситанских народов. Во время эфемерного воссоединения Каталонии с Францией в XVII веке Корбейская сделка была страстно осуждена французскими публицистами; ее объявили недей-

ствительной, «поскольку она была заключена без согласия сословий королевства»; оспаривалась даже ее подлинность. Не была ли она скорее ликвидацией прошлого, выгодной для обеих сторон?[10]

Трубадур Сордело включил Людовика IX в число тех, кому следовало бы съесть сердце доблестного Блакаса, чтобы придать себе храбрости: «Пусть съест его и король Франции, и он вернет себе Кастилию, которую теряет по своему легкомыслию...» Но что? Права, которые Людовик IX имел от своей матери Бланки на Кастилию, не имели никакой ценности. Он проявил мудрость, поддерживая с своим кузеном Альфонсо X, миролюбивым государем, дружественные отношения. Когда преждевременная смерть его сына Людовика, обрученного в 1255 году с Беренгелой Кастильской, разорвала первый проект союза между двумя домами, Бланка Французская, его дочь, вышла замуж за брата Беренгелы, Фернандо, прозванного де ла Серда. Инфантам де ла Серда, рожденным от Бланки и Фернандо, казалось, была обещана кастильская корона.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ДЕЛА.

Именно со стороны Италии миролюбивая позиция короля подверглась самому суровому испытанию.[11]

Ни смерть Фридриха II, ни смерть Иннокентия IV не успокоили конфликтов Святого Престола с домом Штауфенов и партиями гвельфов и гибеллинов в Италии. Во время понтификата Александра IV Франция не проявляла к ним интереса, и Генрих III Английский принял в 1255 году для своего сына Эдмунда королевство Сицилию с обязанностью отобрать его у Манфреда, продолжателя дела Фридриха. Но 29 августа 1261 года папой под именем Урбана IV был избран шампанец, бывший епископ Верденский – человек очень решительного характера, который сразу же проявил предпочтение к энергичным мерам. Весной следующего года Урбан IV, убежденный, что Святому Престолу более чем когда-либо нужен защитник на полуострове и что явная неспособность принца Эдмунда аннулирует его инвестицию, решил возобновить предложение, уже сделанное Иннокентием Карлу Анжуйскому и Ричарду Корнуольскому в 1253 году. Альберт Пармский, нотариус и капеллан папы, уже ведший переговоры на эту тему с французским двором девять лет назад, получил поручение предложить Людовику IX Сицилию, фьеф Святого Престола, для одного из его сыновей. Людовик отказался, как и ожидалось, из уважения к правам династии Штауфенов и, во вторую очередь, к правам принца Эдмунда. Тогда, следуя своим инструкциям, Альберт Пармский вновь обратился к Карлу, графу Анжуйскому и Прованскому.

Карл Анжуйский был уже не в настроении упускать такую возможность, которую он уже однажды против воли упустил. Он воевал уже десять лет в Провансе против Барраля де Бо, главы своих мятежных вассалов, и против большого беспокойного города Марселя, который он трижды усмирал; он совершил в стране к востоку от Роны работу, аналогичную работе Симона де Монфора в Лангедоке. Призванный графом Вентимильи, воевавшим с Генуей (1258), и жителями Кунео, Кераско и Альбы, боровшимися против астенцев (1259), он уже проник в Верхнюю Италию. Он принял предложения Альберта Пармского.

Принятие графом Анжуйским и Прованским, братом Людовика IX, предложений Урбана IV – одно из самых важных событий XIII века. Оно действительно положило начало этим приключенческим экспедициям «французских королей» (*reali di Francia*) в Италию, которые, растратившая энергию и ресурсы Франции, столько раз способствовали подрыву ее судеб в Нидерландах и на Рейне. После Германии нашей стране предстояло истощаться в течение веков в Италии: это Урбан IV и Карл Анжуйский указали этот путь королям династии Валуа.

УТВЕРЖДЕНИЕ АНЖУЙЦЕВ В НЕАПОЛЕ.

Людовик IX не был инициатором этой ошибки с неисчислимыми последствиями, но он позволил ее совершить. С ним советовались, и он сначала высказал сомнения. «Пусть король

успокоится, – писал Урбан IV магистру Альберту в 1262 году, – мы не хотим подвергать опасности его душу; он должен думать, что мы и наши братья, кардиналы, столь же заботимся о своем спасении, как и он о своем, и что мы не намерены в этом деле оскорблять Бога». Однако его сомнения были побеждены, кажется, очень усердными интригами анжуйцев и легатов; если он никогда не одобрял выразительно предприятие своего брата, то был приведен к тому, чтобы его терпеть и даже помогать ему: ему, без сомнения, удалось внушить, что оно выгодно делу заморского крестового похода. Он подробно обсуждал со своим Советом условия, поставленные папой в 1263 году инвеституре Карла Анжуйского. Когда Хайме, король Арагона, союзник противников Карла, обручил своего сына с Констанцией, дочерью короля Манфреда, вопреки возражениям Урбана IV, он был вынужден заявить, что союз его дома с домом Манфреда не подразумевает враждебности к замыслам Римской церкви в Италии, чтобы Людовик IX не расторг брака, условленного между наследником Франции Филиппом и Изабеллой Арагонской. Король разрешил кардиналу Симону Святой Цецилии проповедовать во Франции папский крестовый поход против сицилийских гибеллинов и собирать с духовенства королевства десятину, предназначенную для субсидирования защитника Святого Престола в Италии. Он не помешал лучшим рыцарям Франции, даже своим офицерам, принять «белый с красным» крест солдат графа Анжуйского: сотни французских рыцарей участвовали в кампаниях, которые отдали Южную Италию Карлу I; маршал Франции Анри де Куранс был убит в битве при Тальякоццо (22 августа 1268 г.), которая разрушила надежды друзей Конрадина, последнего из Гогенштауфенов. К тому же неизвестно, что думал Людовик IX о казни Конрадина и об исходе французов, которые с 1266 года тысячами отправлялись колонизировать государства нового короля Обеих Сицилий; ни один документ об этом не говорит.[12]

IV. ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ЛЮДОВИКА IX.

Людовик IX никогда ничем не пренебрегал, чтобы бороться с неверными. Миротворительный, бережливый, очень осмотрительный в обычных обстоятельствах, никто не был более воинственным, расточительным, упорным и легковерным, чем он, когда речь шла о Востоке. Он был очень огорчен в юности победами язычников-монголов над рыцарством Польши, Богемии, Венгрии и Германии в 1241 году. В том же году, чтобы помочь латинскому императору Константинополя, он дорого купил у него реликвии Страстей: святой Терновый венец, Истинный Крест, святое Копье, святую Губку. Несмотря на Бланку Кастильскую и все свое окружение, он принял крест во время болезни в конце 1244 года. С тех пор он с ним не расставался. Наконец, 28 августа 1248 года он отплыл из порта Эг-Морт с большой экспедицией, на подготовку которой потратил несколько лет. Эта экспедиция перезимовала на Кипре, взяла Дамиегту, но была полностью уничтожена или захвачена во время отступления после поражения при Мансуре (февраль 1250 г.). Эта неудача – одна из самых серьезных, которую франки потерпели за долгое время в этих краях – не обескуражила доброго короля. Выплатив египетским эмирам огромный выкуп, не подорвав даже превосходного кредита, которым он пользовался у итальянских банкиров, он провел четыре года (с мая 1250 по апрель 1254) в Сирии, где на большие средства восстановил укрепления Акры, Яффы, Кесарии и Сидона. Он согласился покинуть Палестину лишь в крайнем случае. После своего возвращения во Францию он велел держать себя в курсе новостей со Святой Земли; он посылал туда деньги; содержал там контингент латников; все, кто проявлял намерение отправиться на помощь последним владениям христиан в Азии, которым угрожал султан Бейбарс Арбалетчик, получали его щедроты.

ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Покидая нехотя Сирию, Людовик IX сохранял мысль когда-нибудь лично вернуться к священной войне. Уже в 1266 году он открыл это намерение Клименту IV, который, занятый другими заботами, сначала ответил уклончиво и решил одобрить его – в слишком горячих, наигранных выражениях – лишь когда увидел его решившимся не принимать во внимание его

советов. Но во Франции катастрофа при Мансуре отвратила от этого дела многих людей; кроме того, Карл Анжуйский удерживал в Италии самых отважных искателей приключений, многие говорили, как «расстриженные крестоносцы», о которых говорит Рютбёф: «Можно хорошо послужить Богу, не сходя с места, живя своим наследством. Я никому не делаю зла; если я уйду, что станет с моей женой и детьми? Будет время сражаться, когда султан придет сюда». Поэтому, чтобы набрать армию, нужно было не только много тратить, но и прибегать к уловкам или даже к запугиванию. Однажды Людовик IX, просивший папу никому не разглашать его замысел, созвал, не говоря зачем, прелатов и баронов королевства в Париж на четверг середины Великого поста, 24 марта 1267 года.

«Когда я прибыл в Париж, – говорит Жуанвиль, – в канун Благовещения в марте, я не нашел никого, ни королевы, ни кого другого, кто бы мог сказать мне, зачем король меня позвал. Случилось же, что я заснул на утрени, и, во сне, я увидел короля перед алтарем, на коленях, и прелаты облачали его в красную фелонь, из реймского полотна. Я позвал мессира Гийома, моего священника, который был очень мудр, и рассказал ему видение. "Сир, – сказал он, – вы увидите, что король завтра примет крест". Я спросил его, почему он так думает, и он сказал мне, что красная фелонь означает крест, красный от крови, которую пролил Бог: "Что же до того, что фелонь была из реймского полотна, – сказал он, – это означает, что крестовый поход будет малозначительным". Когда я выслушал мессу, я пошел в часовню короля и увидел, что он взошел на помост для реликвий и велел принести вниз Истинный Крест. Два рыцаря, бывшие в Совете, начали говорить друг с другом, и один сказал: "Никогда не верьте мне, если король не примет здесь крест". А другой ответил: "Если король примет крест, это будет один из самых горестных дней, какие когда-либо были во Франции; ибо если мы не примем крест, король будет на нас сердиться; а если мы примем крест, Бог будет на нас сердиться, ибо мы примем его не для него, а из страха перед королем"».

На следующий день, в Благовещение, король перед многочисленным собранием произнес речь, *gratiosissime rogavit*; затем говорил легат. После чего король, его три сына, Филипп, Жан и Пьер, графы д'Э и де Бретань, Маргарита, графиня Фландрская, и большинство присутствовавших баронов получили символические кресты. Позже увещевания, обещания, а главное, пример короля увлекли Тибо, короля Наваррского, его зятя; Роберта, графа Артуа, его племянника; Ги де Фландра, графов де ла Марш, де Суассон, де Сен-Поль и др. Когда принц Филипп был посвящен в рыцари на праздники Пятидесятницы, кардинал Святой Цецилии проповедовал вновь на острове Сите, и приняли крест еще граф де Дрё, архиепископ Руанский Эд Риго, множество сеньоров и духовных лиц. Но сир де Жуанвиль был среди тех, кто сопротивлялся всем уговорам: «Меня очень упрашивали король Франции и король Наваррский принять крест. На это я ответил, что пока я был на службе Бога и короля за морем, и с тех пор как я вернулся оттуда, сержанты короля Франции и короля Наваррского разорили и обеднили моих людей... И я сказал им, что если я хочу угодить Богу, я останусь здесь, чтобы помогать и защищать свой народ, ибо если я подвергну свое тело опасности паломничества Креста, там где я ясно вижу, что это будет во вред и ущерб моим людям, я разгневаю Бога, который отдал свое тело, чтобы спасти свой народ». Если бы Жуанвиль осмелился, он отсоветовал бы поездку самому королю: «Те, кто его одобрили, совершили смертный грех, – говорит он. Слабый, каким он был, если бы он остался во Франции, он прожил бы еще достаточно, чтобы совершить много добрых дел; все королевство было тогда в мире внутри и со всеми соседями. А с тех пор как он уехал, дела только ухудшались».

Никогда Людовик IX не проявлял большей активности, чем в течение трех лет подготовки своей последней экспедиции. В то время как одновременно собирались поборы с клириков и мирян, он вел переговоры о перевозке с Венецией и Генуей. Не довольствуясь тем, чтобы по доброй воле или силой сообщить свой энтузиазм окружению и вербовать рекрутов среди своих вассалов, он старался собрать вокруг себя тех иностранцев, чьим арбитром

был: он добился возобновления перемирий между Англией и Наваррой; получил обещания о сотрудничестве от королей Португалии и Арагона и принца Эдмунда Английского; наконец, он послал к своему брату Карлу, завоевателю Сицилии, архидиакона Парижского и одного из своих маршалов, чтобы «просить его совета относительно путешествия на Святую Землю». Эти посланцы должны были сказать: «Сир, король, ваш брат, просит вас принять крест, если вам будет угодно, чтобы ободрить других и утешить врагов веры... Он также хочет знать, какую помощь вы окажете ему провизией, скотом, лошадьми и выючными животными, ему и его баронам Франции, которые отправятся в это путешествие...»

К сожалению, это большое рвение не было очень просвещенным. Климент IV тревожился, видя, что Людовик IX готов в своей слепой вере подвергнуть опасностям, которым собирался идти навстречу, не только свою особу, но и трех своих сыновей. Святой король был так же плохо осведомлен, как и двадцать лет назад, о грозных переселениях народов, потрясавших тогда Азию, и об очень сложной политической игре, которая велась между христианскими и мусульманскими государствами Средиземноморья. Ему внушили, что вершиной мудрости было бы атаковать Тунис – Тунис, находившийся в двусмысленных отношениях с анжуйцами Сицилии – чтобы освободить Иерусалим. То было время, когда Михаил Палеолог, греческий император Константинополя, предлагал Людовику в качестве арбитра установить условия унии двух церквей, греческой и латинской, заранее уверяя его в своем полном согласии. Добрый король, который, без сомнения, поверил в искренность Палеолога, поверил также, что «король Туниса» горит желанием обратиться. Он также поверил, что Тунис – легкая добыча, резервуар, откуда Египет черпал свою кавалерию, и подлинный ключ к Святым местам! «Кроме того, он горячо желал, чтобы христианская вера, которая сияла таким великим блеском на этой земле во времена святого Августина и других православных учителей, вновь расцвела там». Этого было достаточно, чтобы он повел в Африку экспедицию, собранную с таким трудом, которая была последней надеждой христиан Сирии.

СМЕРТЬ КОРОЛЯ.

В довершение безумия, погрузка состоялась в Эг-Морте 1 июля 1270 года, в самый разгар зноя. Через семнадцать дней бросили якорь перед Карфагеном. Месяц спустя французская армия растаяла – почти без боя – под палящим солнцем; и когда Карл Анжуйский прибыл с подкреплениями (25 августа), Людовик IX только что сам пал жертвой чумы, которая косила его лагерь.

[1] Ф. Рокен, Римская курия и дух реформы до Лютера, 1895.

[2] Подлинность этого напыщенного ультиматума, включенного в *Epistolarium* Петра де Винеа (ср. *Historiens de la France*, т. XX, стр. 332), принималась всеми историками; она не бесспорна.

[3] Большинство историков цитируют здесь яростное письмо, которое французский король якобы написал тогда, чтобы осудить бездействие Священной коллегии и обещать ей свою поддержку против государя (императора), который «хочет быть и королем, и священником». Это письмо, перегруженное украшениями, модными в школах учителей эпистолярной риторики (*dictatores*), определенно не является подлинным.

[4] Одновременно он возобновлял отлучение, наложенное на Фридриха Григорием IX. Матвей Парижский, всегда враждебный римской курии, рассказывает, что один парижский священник так прокомментировал приговор, уведомляя о нем верующих: «Вслушайтесь все: я получил приказ произнести против императора Фридриха при свете свечей и под звон колоколов торжественную анафему. Я не знаю ее причины; но что я не знаю, так это непримиримую ненависть, разделяющую двух противников. Я знаю также, что один из них причиняет зло другому, но я не знаю, который: того я и отлучаю, а того, кто терпит обиду, столь пагубную для Христианства, – разрешаю.»

[5] Ш. Дювивье, Спор д'Авенон и Дампьеров, 1894. А. Пиренн, История Бельгии, 1900.

[6] Говорили, что Людовик IX извлек выгоду из этого арбитража. Бельгийские историки с горечью констатировали, что «непосредственным результатом раздробления», следствием «речей» 1246 и 1256 годов, «было ослабление могущества графов в пользу политики экспансии Франции и честолюбивых замыслов ее королей, один из которых, Филипп Август, закрепил за собой Турне в 1187, другой, святой Людовик, создавал себе права на Намюр и имперские земли, в ожидании, пока третий, Филипп Красивый, предъявит претензии на Валансьен...» (Ш. Дювивье).

[7] Ш. Бемон, Симон де Монфор, граф Лестерский, 1884. М. Гаврилович, Исследование о Парижском договоре 1259 года, 1899.

[8] Но король Франции владел в этих трех диоцезах лишь небольшим числом доменов, и многие сеньоры страны обладали привилегией быть «непосредственными вассалами» короны Франции. Эта привилегия была тщательно оговорена в договоре 1259 года; и заинтересованные лица ею воспользовались: так, например, города Фижак, Перигё, Брив и Сарла заключили в 1263 году на десять лет конфедерацию с целью совместно отстаивать приобретенные ими в этом отношении права.

[9] Удивительное дело, партия Симона де Лестера после битвы при Льюисе вновь призвала к арбитражу французов; бароны представили Провизии на рассмотрение четверем арбитрам, двое из которых были французами, советниками Людовика IX – архиепископ Руанский и Пьер ле Шамбеллан. Таким образом, очень верно замечает Ш. Бемон: «Людовик IX, согласившись возобновить переговоры, сводил на нет свой собственный приговор». Эти новые переговоры, впрочем, ни к чему не привели.

[10] Корбейский договор оставил между Францией и Арагоном причину раздора – Монпелье. В 1264 году Хайме послал во Францию епископа Барселонского и графа Ампурияса, чтобы пожаловаться на французского сенешаля Бокера, который присваивал себе право вызывать к себе чиновников и горожан Монпелье. 25 мая Людовик IX принял этих двух посланцев в одной из комнат королевского дворца в Париже; он выслушал их; ответил, что недостаточно осведомлен об обстоятельствах спора, наведет справки и что «на ближайшем парламенте», совместно с кардиналом Сабины, другом домов Франции и Арагона, который работал над Корбейскими соглашениями, он учинит правосудие. И когда епископ и граф настаивали, он добавил «любезно»: «Король Арагона мне так дорог, что, если будет доказано, что короли, наши предшественники, не имели в Монпелье оспариваемых прав, я не хочу их приобретать. Я предпочел бы, чтобы король Арагона имел что-то из моего права, чем чтобы я посягал на его». *Histoire générale de Languedoc*.

[11] П. Фурнье, Королевство Арль и Вьенн, 1891. Наиболее полное изложение переговоров между папами и двором Людовика IX по итальянским делам вплоть до 1265 года находится во второй части книги Р. Штернфельда, Карл Анжуйский как граф Прованса, 1888. Ср. К. Меркель, Господство Карла I Анжуйского в Пьемонте и Ломбардии, 1891. Общей истории политики Карла Анжуйского в Провансе и Италии во второй части правления Людовика IX не хватает. Э. Журден, Происхождение анжуйского господства в Италии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.